

Í î ßî ñèáèðñêî å ðåøèî í aëüí î å
í óøêèí ñêî å í áùåñòßî

Пушкинский альманах

вып. 7

к 210-летию со дня рождения
А.С. Пушкина

Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2009

ББК 94.3

П-914 **Пушкинский альманах. Выпуск 7** /Под общей редакцией О.П. Кузьменкова. – Новосибирское региональное Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2009. – 239 с.

Международная Славянская академия наук,
образования, искусств и культуры.
Западно-Сибирское отделение

ISBN

Настоящий 7-й выпуск «Пушкинского альманаха» издается к юбилейной дате – 210-летию со дня рождения национального гения России А.С. Пушкина. Поэтому в традиционных рубриках этого выпуска публикуются только те материалы, которые имеют непосредственное отношение к нашему великому поэту.

С юбилейной датой А.С. Пушкина почти точно совпадает день государственной регистрации Новосибирского регионального Пушкинского общества, которое отмечает свой первый маленький юбилей – 5 лет нашей общественной деятельности. Даётся краткий отчет о проделанной за этот период работы НРПО.

ISBN

© Составление: О.П. Кузьменков,
В.М. Евдасин, В.Е. Крыжановский,
2008
© Издательство «Манускрипт», 2009

Антоний, митрополит

Слово о Пушкине

Сегодня в разных концах нашего Отечества представители русской литературы и русского гражданства говорят о нашем великом народном поэте – Пушкине. Что скажет о нем служитель церкви для духовного назидания? Ответ на такой вопрос нетрудно почерпнуть из общественного настроения сегодняшнего дня. Смотрите – имя Пушкина привлекло сюда русских людей самых разнообразных положений и возрастов. И старцы, и юноши, и мужчины, и женщины, и военные, и гражданские чины, и вельможи, и скромные горожане, – считают для себя дорогим и близким имя покойного поэта. Все литературные, философские и политические лагери стараются привлечь к себе имя Пушкина. С какой настойчивостью представители различных учений стараются найти в его сочинениях или, по крайней мере, в его частных письмах какую-нибудь, хотя маленькую, оговорку в их пользу. Им кажется, что их убеждения, научные или общественные, делаются как бы правдивее, убедительнее, если Пушкин хотя бы косвенно и случайно подтвердил их. Где искать тому объяснения? Если бы мы были немцами или англичанами, то вполне правильное объяснение заключалось бы, конечно, в ссылке на народную гордость, на мысль о Пушкине, как о виновнике народной славы. Но мы – русские, и свободны от такого ослепления собою. Если мы кого горячо любим все вместе, всем народом, то для объяснения этого нужно искать причины внутренние, нравственные. Спросим же мы свое русское сердце, что оно чувствует при чтении бессмертных творений нашего поэта? Думаю, что с нами согласятся все, если мы скажем, что стих Пушкина за-

ставляет сердце наше расширяться, сладостно трепетать и воспроизводить в нашей памяти и в нашем чувстве все добре, все возышенное, когда-либо пережитое нами. Бывает так, что в минуты душевного утомления и апатии какой-нибудь отрывок из Пушкина вдруг поднимает в нашей душе самые сложные, самые возышенные волнения. Такое действие можно сравнить с тем, когда большая и косная масса музыкального органа вдруг приводится в движение чрез мощное прикосновение к его ручке; несложно и быстро вращательное действие ручки, а вдруг чудная сложная мелодия издается мертвкой машиной.

Великий Достоевский объясняет любовь русского народа к Пушкину тем, что он вмещал в себе в степени высшего совершенства ту широту русской души, из которой эта последняя может перевоплощаться в умы и сердца всех народностей, обнимать собою лучшие стремления всякой культуры и вмещать их в единстве нашего народного и христианского идеала. Определение пушкинской поэзии вполне справедливое; но оно недостаточно, чтобы объяснить близость Пушкина ко всякому русскому сердцу, хотя бы и совершенно чуждому международных интересов. Перевоплощение пушкинского гения не ограничивалось своим международным значением. Он мог перевоплощаться в самые разнообразные, иногда в самые исключительные, настроения всякого вообще человека, любого общественного положения и исторической эпохи. Читая драматические и лирические творения Пушкина, сколь часто каждый из нас узнает в них свои собственные душевые настроения, свои колебания, свои чаяния. Исключительное свойство художественного таланта Пушкина, столь глубоко захватывающего всю внутреннюю жизнь своего читателя, заключается именно в том, что он описывает различные состояния души человеческой не как внешний наблюдатель, метко схватывающий оригинальные и характерные проявления жизни и духа человеческого: нет – Пушкин описывает своих героев как бы изнутри, раскрывает их внутреннюю жизнь так, как ее опознает сам описы-

ваемый тип. В этом отношении Пушкин превосходит других гениальных писателей, например, Шиллера и даже Шекспира, у которых большинство героев являются сплошным воплощением одной какой-нибудь страсти и потому внушают читателю ужас и отвращение. Совсем не так у Пушкина: здесь мы видим живого цельного человека, хотя и подвергшегося какой-нибудь страсти, а иногда и подавленного ею, но все-таки в ней не исчерпывающегося, желающего с нею бороться и, во всяком случае, испытывающего тяжкие мучения совести. Вот почему все его герои, как бы они ни были порочны, возбуждают в читателе не презрение, а *сострадание*. Таковы его И Скупой рыцарь, и Анджело, и Борис Годунов, и его счастливый соперник, Дмитрий Самозванец. Таков же и его Евгений Онегин, самолюбивый и праздный человек, но все же преследуемый своею совестью, постоянно напоминающей ему об убитом друге. Так самое описание страстей человеческих в поэзии Пушкина есть торжество совести.

*Aх, чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть!
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою;
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелося.
Тогда беда: как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!*¹

Понятно теперь, почему нам жалко всех его героев, почему нам кажется, что хотя они и впали в тяжкие преступления, но они могли бы быть лучшими, и что мы сами чрезвы-

¹ III, 17. – Цитаты приведены по изданию сочинений Пушкина Общества пособия русским литераторам. СПБ, 1899.

чайно похожи на того или другого из них. Подобное влияние своей поэзии на умы и сердца человеческие Пушкин предвидел, и не ошибемся мы, если к этому именно предчувствию поэта отнесем его дерзновенные слова, которые он произнес на закате своей литературной деятельности:

*И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые в нем лирой возбуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал.*

Но приостановимся в раскрытии нравственного значения Пушкина для русского человека: нам уже слышатся возражения – мог ли иметь такое влияние Пушкин, этот легко-мысленный, буйный юноша, не только себя самого, но иногда и свою лиру отдававший на служение беспутству? Ответим на этот вопрос беспристрастно, ибо тогда еще лучше поймем значение переживаемого события. Влияние Пушкина не есть прямое воздействие высоконравственной личности, но воздействие его литературного гения. Не по своей воле, не вследствие нравственных усилий получил он исключительную способность совершенно перевоплощаться в настроение каждого человека и открывать в нем правду жизни читателю и самому себе: все это было свойством его природы, даром Божиим. Пушкин был великим поэтом, но великим человеком мы его назвали бы лишь в том случае, если бы он эту способность глубокого сострадания людям и эту мысль о царственном значении совести в душе нашей сумел бы воплотить не только в своей поэзии, но и во всех поступках своей жизни. Он этого не сделал и постоянно отступал от требований своей совести, воспитанный в ложных взглядах нашей высшей школы и нашего образованного общества и подверженный с детства влиянию людей развратных. Светлые идеи своей поэзии он почерпал в изучении жизни народной и в самом своем поэтическом вдохновении; ими он старался побороть свои греховные страсти и надеялся, что он достигнет возрождения души своей в той ее первоначальной чис-

тоте и светлости, какими она была одарена от Творца. Эту надежду он выразил в известном стихотворении, описывающем, как невежественный маляр исказил своими самовольными рисунками прекрасную картину древности. Но вот неумелая работа исказителя стирается временем, и фреска первоначального художника-гения восстает во всей своей красоте.

*Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней².*

Как человек Пушкин был, конечно, таким же бедным грешником, как и большинство людей его круга, но все же он был грешник борющийся, постоянно кающийся в своих падениях. Лучшие его лирические стихотворения – это те, в которых он оплакивает такие падения, и те, которыми он выражал свое разочарование в ложных устоях тогдашней общественной жизни, его воспитавшей и затмевавшей в нем правила христианства еще в детские годы. Есть одно, мало замеченное критиками стихотворение, в котором Пушкин описывает те два царящие в нашей общественной жизни греховные начала, что служили причиной его первоначального отступления от детской чистоты и от детской веры. Это – демон гордыни и демон разврата.

*В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много –
Неровная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашу окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.*

² «Возрождение» (т. I, стр. 208).

*Ее чела я помню покрывало,
И очи светлые, как небеса;
Но я вникал в ее беседы мало.*

*Меня смутила строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.*

*Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров.*

.....

*Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.*

*Один (Дельфийский идол) лик младой –
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.*

*Другой — женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон — лживый, но прекрасный³...*

Более подробно он раскрывает то же служение этим двум бесам в лице Евгения Онегина. Забыв свой нравственный долг как христианина и гражданина, этот герой Пушкина усердно служил двум названным бесам, гоняясь за житейскими наслаждениями; но неизгладимый из сердца, хотя и смутно сознаваемый, укор совести постоянно отравлял его жизнь каким-то неопределенным стремлением найти другие условия быта. И вот он, переезжая с места на место, подобно Каину, тщетно ищет покоя своей душе.

Наши патриоты во главе с великим Достоевским видят причину печалей пушкинских героев в их отрещенности от народной жизни. Они правы, но условно. Пушкин действительно находил нравственную опору против ложных устоев

³ «Школа», II. 115.

общественной жизни в русском народе и в русском историческом прошлом; но он ценил то и другое не потому, что это наше, родное, свое, а потому, что русская допетровская жизнь и жизнь народная современная были именно вполне согласны с тем чистым и строгим обликом прекрасной учительницы, от которой отступил он для служения двум демонам. Такого служения была чужда наша прежняя церковно-народная культура, продолжающая и поныне жить в нашей деревне. Пушкин был народник, но прежде всего он был моралист, и народником сделался потому, что был моралистом. Мысль эта для многих покажется невероятной, но смотрите, где Пушкин был более великим поэтом, как не в исповедании своих разочарований, своего раскаяния.

*Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.*

*Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?*⁴

*Я дружбу знал и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы;
И верил ей за чашей круговой
В часы веселых и свободы...*

*И свет, и дружбу, и любовь
В их наготе отныне вижу, —
Но все прошло! Остыла в сердце кровь,
Ужасный опыт ненавижу...*⁵

*Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града*

⁴ «Элегия», т.1, стр. 238.

⁵ Т.1, стр. 286.

*Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрезенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.⁶*

*Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в (чужих) степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
(И) сердцу вновь наносит хладный свет
Неотразимые обиды.*

Достойно внимания то, как высоко он ценил те, даже небольшие, добрые влияния, на которые можно было ему опираться в минуты нравственной борьбы, сколь ответственным пред ними он себя считал, когда оказывался им неверен.

*Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваши священный
Вхожу с поникшею главой.*

*Так отрок Библии – безумный расточитель, –
До капли истощив раскаянья фиал,*

⁶ «Воспоминание», II, 37

*Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал!*

*В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты!*

*И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, приют благословенный,
Воображал сии сады!⁷*

Прочтите его стихотворения в дни годовщин Лицея, его признания в постоянной мысли о смерти («Брошу ли я вдоль улиц шумных»), его стихи к Филарету, или «Подражание Джону Буньяну», и вы поймете, что только ложное воспитание, ложная жизнь ввела в служение страстям эту чистую душу, предназначенную не для них, не для условных целей жизни, но для чистой добродетели.

Вот почему из всех христианских молитв ему более всех нравилась та, в которой христианином испрашивается полнота добродетелей.

*Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста –
И падшего свежит неведомою силой:
«Владыка дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей;
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи»⁸.*

⁷ «Воспоминания в Царском Селе», II, 75.

⁸ «Молитва», II, 188.

О том, как Пушкин ценил, в частности, добродетель целомудрия, свидетельствуют следующие стихи из «Бориса Годунова»:

*Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В младые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет⁹.*

За эту чистоту и смиренение он возлюбил русскую древность и русскую деревню:

*... Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад,
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище...
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...¹⁰*

*... Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в Истине блаженство находить,
Свободною душой Закон богочестия
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участью отвечать застенчивой Мольбе,
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом¹¹.*

Чванство не оставляет общественной жизни даже и на кладбищах: кладбище городское и кладбище сельское в одном из лучших стихотворений Пушкина являются выразителями различной внутренней настроенности горожан и поселян.

⁹ «Онегин», т. III, стр. 403.

¹⁰ «Годунов», т. III, стр. 70.

¹¹ «Деревня».

*Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвцы столицы,
В болоте кое-как стесненные кругом,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе, и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, зияющие тут,
Которые жильцов к себе на утро ждут –
Такие смутные мне мысли все наводят,
Что злое на меня уныние находит,
Хоть плюнуть да бежать.*

*Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посеять кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое:
Там неукрашенным могилам есть простор!
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
Наместо праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, расстрапанных харит,
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...¹²*

Из городов только Москва сохраняет дух русской непосредственности и внутренней свободы, которыми была богата Русь древняя. С этой стороны и воспевает ее неоднократно Пушкин:

*И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву! в Москву сейчас!*

¹² «Кладбище», II, 188.

*Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи – лед, сердца – гранит* ¹³.

Итак, народные и исторические симпатии Пушкина зависели от его нравственных и религиозных убеждений, а не обратно; и этим именно должно объясняться, что, переходя на почву народную и сделавшись поклонником деревни, Пушкин не стал вместе с тем отрицателем науки и культуры, подобно многим позднейшим писателям. Негодя на невежество своих современников в отечественной истории, которую, по его словам, Карамзин открыл русскому обществу, как Колумб Америку, сочувственно приветствуя первых славянофилов (Киреевского), Пушкин, однако, не боялся заимствования научных сведений от Запада, как он писал в своей всеподданнейшей записке о воспитании.

Весьма поучителен такой разумный, искренний и правдивый способ выработки своих убеждений нашего поэта, освобождавший его от всяких увлечений, от всякой партийности, от тогдашнего придворного космополитизма и мистицизма, от декабристов и от аракчеевщины и открывший ему путь к самой немодной в то время православной вере, которую даже в богослужебных книгах недозволено было называть православной, а только греко-российской. Поучительно это внутреннее саморазвитие Пушкина для нашего юношества, для нашего общества, потому что наш Пушкин, падавший, боровшийся и каявшийся, до сих пор остается микрокосмом русского общества, так же, как он, воспитанного в поклонении тем двум демонам вне церкви и народа, и так же, как он, постоянно слышащий в укор своих страстей и своей праздности неумолкающий призыв, призыв, исходящий от своей совести, от окружающих нас остатков христианской культуры и, наконец, от нашей прекрасной пушкинской и послепушкинской литературы. К этой лучшей жизни, которой цель есть добродетель и нравственная свобода, призывает теперешнюю грешную Русь та Святая Русь, которую

¹³ «Москва», т. II, стр. 87.

начал открывать ей великий поэт, – как орел свободный звал за собою пленного орла.

*Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном.*

*Клюет и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим,
И вымолвить хочет: «Давай улетим!»*

*Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем... лишь ветер да я!»¹⁴*

Да, к нравственной свободе, к духовному совершенству тяготел дух нашего поэта, и вовсе не понимают его те, которые хотят наложить на его имя ярлык какой-либо политической доктрины, взывать от его имени к каким-либо политическим предприятиям. Внешний административный строй жизни, тот правовой порядок, который туманил головы многих наших современников, был чужд пушкинским стремлениям. Как публицист, он не мог не замечать и этой видимой стороны жизни, но она интересовала его только с нравственной точки зрения. Вот почему одни и те же политические знамена видели его то под собою, то против себя. То поклонник дворянских привилегий, то огненный обличитель барского деспотизма и крепостного права (стихотворение «Деревня»); то пламенный защитник самодержавия и непримиримый враг политических переворотов (заключительная глава «Капитанской дочки»), то озлобленный насмешник над строгой цензурой, готовый даже роптать, что родился в такой стране, где нет свободного слова (письма к жене), Пушкин не в политическом строе жизни полагал свое призвание

¹⁴ «Узник», т. I, стр. 273 – 274.

как русского общественного деятеля; он находил в общественной жизни сферу высшего блага, зависящего исключительно от богатства внутреннего содержания деятеля.

*Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв, –
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*

Есть другое стихотворение, в котором Пушкин уже вполне определенно указывает на второстепенное значение правового порядка и на первостепенное значение нравственного начала.

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне – свободно ли печать
Морочит олухов иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова!
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода...
Зависеть от властей, зависеть от народа –
Не все ли нам равно?..
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Безмолвно утопать в восторгах умиленья –
Вот счастье! вот права!*¹⁵

Блаженна была бы Россия, если бы юношество и общество и в этом отношении согласилось с Пушкиным и посвящало свой ум и свои силы не на ту борьбу политических идей, партий и мечтаний, которыми исчерпывается жизнь западного мира, выродившегося из бездушной культуры правово-

¹⁵ II, 187.

го Рима. Пусть призванные на то правительственные чины и профессора юридических наук знают эту область. Но русскому гению суждено вносить в жизнь иные высшие начала, те «сладкие звуки и молитвы», для которых был рожден Пушкин. Об этом согласно говорят все наши народные поэты, раскрывавшие в своих творениях не правовые, но нравственные устои жизни. Таковы Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстые, Гончаров и даже те, которые силились волноваться политикой и как бы против собственной воли рассуждали о добродетели и о вечной истине. Таковы были Некрасов, Тургенев и даже Герцен. Не напрасно наши теперешние политические друзья-французы в лице лучших знатоков русской жизни (Леруа-Болье и Де-Вогюе) замечают, что русские глубоко и искренно интересуются только моралью и религией, хотя и любят говорить об экономии и праве.

Но ведь это значит отказаться от всякой общественности? погрузиться в личный аскетизм? – Неправда! Область нравственного совершенства хотя и связывается на первых порах с со средоточенностью и уединением, но затем широкою волной свободного влияния влиивается в общественную жизнь, в общественные нравы, что весьма плохо удается началу правовому.

Есть сила более устойчивая, чем правовой порядок, сила могучая и вековая, которая созидается лишь нравственным влиянием личности. Эту силу мало знает современная жизнь и мало понимает современная наука. Сила эта называется бытом, бытом общественным, бытом народным, бытом историческим. Вот, для этой силы работать призывает нас поэзия Пушкина и его последователей, и этой работе не препятствует никакой правовой порядок. Напротив, все правительства всех стран заботятся о том, чтобы понять быт своей страны, охранять, ограждать его, так что и самое законодательство бывает по отношению к быту силою служебной. Наука, литература, благотворительность, школьное просвещение, а в особенности христианская убежденность и одушевленное православие – вот те посредства, через которые истинный общественный деятель, истинный любитель народа сообщает нравственные

силы своего духа общественному быту. Понявшие эту истину избранники, теоретики или практики, как о. Иоанн Кронштадтский, Достоевский или Рачинский, проходят по полю жизни победоносной светлой стезей. Напротив, последователи знамен политических, партизаны правовых порядков почти всегда в зрелом возрасте отступали от ложных увлечений молодости, да и пока служили этим последним, то их призывы были скорее истерическим криком человека, желающего заглушить свою собственную внутреннюю раздвоенность, и казались тем убедительнее, чем менее могли их понять и оценить призывающие, так что горячее увлечение подобными идеями было свойственно лишь самой незрелой молодежи.

Мы сказали, что все русское общество отобразилось в личности Пушкина. Пушкин понял, в чем ложь и в чем истина для него самого и для России. Понял, но далеко не всегда и не во всем следовал своим убеждениям: напротив, весьма часто вновь возвращался к служению страстям и предрассудкам и закончил свою жизнь ужасным преступлением поединка, который сам называл нелепым заблуждением слепого и греховного самолюбия. Подвергнувшись этому заблуждению, он совершенно освободился от него пред кончиной, умирал добрым христианином, в искреннем покаянии, и, надеемся, был принят в Небесное Царство, куда первым вошел раскаявшийся разбойник.

Что ожидает нашу Русь, отразившуюся в жизни поэта? Ей также открыты пути истины: история, литература и современный опыт вешают ей о том нравственном предназначении ее, которое понял для себя Пушкин, но она отступает от него снова и снова, обнаруживая гораздо более сильную раздвоенность, чем ее любимый поэт. Ужели ее ожидает когда-либо такое же неразумное самоистребление, которое постигло нашего несчастного народного гения?

Это известно только Богу... Но не напрасно на сегодняшней литургии читалось грозное евангельское слово: «*дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете*». Эти слова Господь привел в заключение другого грозного предостережения: «*Еще мало время свет в вас есть, ходи-*

те, дондеже свет имате, да тма вас не имет и ходяй во тме не весть, камо идет». Ныне сынам нашего общества, хотя и равнодушного к свету Вечной Истины, не трудно бывает покаянное обращение к нему, потому что как бы кто ни отвращал своих очей и ушей от христианской жизни и духовного совершенства, но остатки ее еще довольно крепко живут в общественных нравах; звук великопостного колокола и доныне просится в русское сердце, братский привет пасхального целования еще не упраздняется среди нас, разочарованный грешник еще не забыл о существовании дороги в храм, и борющаяся со страстию душа еще знает о существовании Священной Книги – Нового Завета. Но не суждено ли и этим остаткам христианства и нравственной силы наших предков постепенно исчезать среди нашего равнодушия и нравственного обленения? Конечно, христианская вера и христианская церковь пребудут вовеки, но не обособятся ли они от русского общества в отдельную совершенно жизнь, и тогда для общества *«приидет нощъ, егда никто же может делати»?* Нет, горячая любовь нашего общества к русской поэзии, проповедующей ему христианское возрождение, ручается, думаем, за то, что оно не даст отлететь от нас христианскому духу, – и когда противоречие между ложными устоями нашей жизни и теми светлыми заветами евангельской веры обострится настолько, что придется волей-неволей выбирать одно из двух, тогда русский человек, многократно отрицавшийся от Христа, как изменивший, но покаявшийся снова ученик, воскликнет: *«Ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя».*

Печатается по изданию: Митрополит Антоний (Храповицкий).
О Пушкине. Студия «ТРИТЭ» – «Российский архив». – М.: 1991.
Слово перед панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 г.

ПУШКИН И СИБИРЬ

Петербург Драверш, г. Омск

1818–24 гг. в Петербурге выходит «Сибирский вестник», весьма обстоятельный журнал, давший ряд ценных статей и материалов (ледописи и путешествия, описание отдельных местностей Сибири, быта ее народов и проч.). С 1825 года он переименовывается в «Азиатский вестник», не теряя своей содержательности.

Конечно, эта литература не проходила мимо зорких глаз Пушкина. Более того, мы можем теперь сказать, что с середины 20-х годов Пушкин изучал Сибирь, видя в ней неотъемлемую часть своего обширного Отечества. В его библиотеке, равно и в книжных собраниях многих его друзей и знакомых, мы находим длинный ряд книг, посвященных Сибири. Живя с 1827 года в Петербурге, Пушкин постоянно пользовался прекрасной библиотекой Смирдина. Каталог показывает, какой богатый подбор всевозможных источников по сибиреведению был в этой образцово поставленной библиотеке.

В письме из Михайловской ссылки своему брату Льву Сергеевичу от 22 апреля 1825 года Пушкин дает наказ послать ему в числе других книг «Сибирский вестник» весь (т.е. за 1818 – 1824 гг.). Между прочим, в 4-й части данного журнала за 1823 год имеется статья «Об открытии Омской области». Сохранилось и письмо поэта к Г.И. Спасскому – издателю «Сибирского вестника».

Стоит указать, что в письме знаменитому переводчику «Илиады» Н.И. Гнедичу от 23 февраля 1825 года Пушкин в числе исторических лиц, которых он хотел бы видеть героя-

ми поэм Гнедича, называет Ермака. Характерно замечание его при этом: «История народа принадлежит поэту».

Вспомним одну из сцен в «Борисе Годунове», написанном в 1825 году: «Царевич чертит географическую карту». Борис спрашивает его: «Это что?». Федор отвечает:

Чертеж земли московской...

...

*Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.*

Пушкину было известно (по иностранным источникам), что Федор Борисович действительно составил карту России, где была нанесена и Западная Сибирь. Этот чертеж талантливого сына Годунова является первой, известной нам оригинальной русской картой, стоящей далеко выше всех прочих карт, исполненных иностранцами. Подлинник до нас не дошел, но по автографу Федора его карта была издана Гесселем Герардом в 1614 году. Далеко не все из наших учителей географии знают этот факт.

В историко-литературных заметках Пушкина начала 30-х годов мы находим, например, набросок, касающийся книги аббата Шаппа, посланного в 1761 году французской академией в Тобольск для астрономических наблюдений. Книга Шаппа «Путешествие в Сибирь» была напечатана в Париже в 1768 году и доставила много неприятностей Екатерине II едким описанием тогдашнего положения русских подданных.

В рабочих тетрадях Пушкина по истории Петра I сохранился его разбор книги шведа Ф. Страленберга, который, попав в плен под Полтавой, провел затем 13 лет в Сибири. Возвратившись на родину, он издал в 1730 году описание северной и восточной части Европы и Азии. Страленберг, между прочим, совершил маршрут по Иртышу от Тобольска до Тары, побывал в Барабинской степи, в Томске, в Нарымском крае, Енисейске, Красноярске и Абакане. Его книга, в лейпцигском издании, была в библиотеке Пушкина.

Уже незадолго до своей смерти Пушкин составляет реферат о книге С. Крашениникова «Описание земли Камчатки» – сочинении, и до сих пор не утратившем своего научного значения. Заметка Пушкина «Камчатские дела» по праву введена Межовым в его капитальную «Сибирскую библиографию».

По сообщению проф. Н. Андерса, Пушкин готовил целую статью по вопросу об освоении русскими Дальнего Востока. В бумагах поэта обнаружены его заметки о жизни и обычаях восточносибирских казахов (анадырских и нижнетагильских), юкагиров, коряков, камчадалов, чукчей и др.

Знаменательно это внимание нашего писателя к народам Сибири. Многие, даже из ученых современников Пушкина, видели в сибирских племенах только дикарей, только этнографические объекты. Пушкин же, пристально изучая историю, быт и нравы различных национальностей Сибири, смотрел далеко вперед, чувствуя и сознавая, какие богатые возможности заложены в коренных наследниках Сибири.

«Омская правда», 1937, 2 февраля

*Нелли Лалетина, Николай Гайдук
г. Красноярск*

...Сибиряков, естественно, привлекает и волнует тема «Пушкин и Сибирь». Тема не новая. Здесь неплохо потрудились наши поэты и прозаики, литературоведы, краеведы, среди которых красноярцы Александр Гуревич, Антонина Пантелеева, иркутянин Марк Сергеев, а также красноярские краеведы Аржаных, Чесмочаков, Баженова, Ельдештейн и другие.

Однако, несмотря на множество разнообразных исследований, пушкинскую тему никогда невозможно будет «закрыть на замок», поскольку время от времени вдруг находится какой-то новый ключик к этому замку и открываются незри-

мые духовные нити, трепетно связывающие Александра Сергеевича Пушкина с нашими краями.

И всегда что-то в душе сладко замирает, когда натолкнешься на родной сибирский уголок, отмеченный следами Пушкина – пусть не в буквальном смысле, а в переносном, все равно отрадно. И происходит словно причащение к чему-то высшему, светлому, вечному. Побольше, побольше бы нам подобного причащения! То-то было бы славно славянским сердцам, выстывающим на стальных сквозняках сегодняшнего смутного времени, а точнее говоря – безвременья, когда и стихами-то заниматься почему-то становится совестно: стихи – это прежде всего гармония, лад с самим собою и окружающим миром, а где она, эта гармония, нынче днем с огнем не найдешь, и потому-то все чаще вечера поэтические перерастают в вечера политические. И потому-то, к величайшей грусти, в нашем российском обществе все меньше стихотворцев – все больше стихоплетов. И все мы в той или иной мере грешны перед Пушкиным, потому что – кто вольно, кто невольно – мы предаем забвению почти библейский пушкинский завет: «Веленю Божию, о муга, будь послушна». Да что там говорить о каких-то поэтических возвышенных заветах, когда многие из нас давным-давно переступили через простую прозаическую фразу Пушкина: «Писать книги для денег, видит Бог, не могу».

Но это разговор отдельный и, что называется, «не юбилейный».

Вернемся к нашей теме – к Сибири, согретой пушкинским гением.

Представьте себе ослепительный снег – серебро чистейшего метельного литья в первой половине XVIII века. И на этом фоне, на этом чистейшем сибирском снегу, – колоритное лицо арапа Абрама Петровича Ганнибала. Вот ведь как бывает на земле, которая не так уж и велика, если раздуматься. Разве не удивителен тот факт, что красноярцы в свое время лицезрели Ганнибала, ставшего теперь фигурую из книги, из кино?! Этот факт случился накануне столетнего юби-

лея Красноярска – зимою 1727 года. Наш город посетил прадед поэта Абрам Петрович Ганнибал, направляясь на строительство Селенгинской крепости, позднее Кяхтинской.

Старинный город Енисейск также отмечен пушкинской печатью. Историк С.В. Максимов в книге «Сибирь и каторга» пишет о том, что Енисейск явился местом ссылки для другого прадеда поэта – Матвея Пушкина. Парадокс этой ссылки заключается в том, что позднее ссылочный предок поэта принимал участие... в управлении городом!

Или вот еще один примечательный факт. Участник Пугачевского восстания дворянин Шванвич отбывал ссылку в Туруханском уезде, в Туруханске (сегодня это Старотуруханск). Шванвич там прожил с семьёй четверть века. Кто такой Шванвич (он же Шванович)? Вот здесь-то и начинается интереснейшая история, связанная с именем Пушкина. История, достойная статьи самостоятельной статьёю.

Итак, Михаил Александрович Шванвич, крестник императрицы Елизаветы Петровны, подпоручик 2-го гренадерского полка, явился прообразом героев романа «Капитанская дочка» Гринева и Швабрина. Более того! Незаурядная личность заинтересовала А.С. Пушкина настолько, что понапачалу он вообще замыслил роман о Шванвиче. В записных пушкинских книжках даже появились «планы романа о Шванвиче», которые, правда, впоследствии изменились, но факт остается фактом: роман «Капитанская дочка» первоначально был связан с подпоручиком Шванвичем.

После подавления Пугачевского восстания в обвинительном акте по поводу Шванвича было сказано следующее: «Подпоручика Михаила Швановича за учиненное им преступление, что он, будучи в толпе злодейской, забыв долг присяги, слепо повиновался самозванцевым приказам, предпочитая гнусную жизнь честной смерти, лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя над ним шпагу».

В 1834 году Пушкин писал по поводу дворян, уличенных в близости к Пугачеву: «Показание некоторых историков, утверждающих, что ни один дворянин не был замешан в пу-

гачевском бунте, совершенно несправедливо. Множество офицеров (по чину своему сделавшихся дворянами) служили в рядах Пугачева, не считая тех, которые из робости пристали к нему. Из хороших фамилий был Шванвич; он был сын кронштадтского коменданта... имел малодушные пристать к Пугачеву и глупость служить ему со всеусердием. Граф Л. Орлов выпросил у государыни смягчение приговора».

Краевед Т.И. Баженова исследовала документы красноярского архива (ГАКК), рассказывающие о судьбе М.А. Шванвича, волею судьбы примкнувшего к пугачевскому бунту и отправленному в далекий Туруханский уезд в ссылку, где он и умер в 1812 году.

Другим прообразом задуманного поэтом «Романа на водах» (так и не законченного) был человек яркой судьбы: офицер Нижегородского драгунского полка, любитель карточной игры, бойкий рассказчик и хвастун, бретер-дуэлянт, забияка, дамский угодник, отчаянный смельчак и лихой кутила Александр Иванович Якубович. О нем в обществе и в армии ходили самые невероятные слухи и легенды. Пушкин называл его «героем своего воображения». Познакомился поэт с Якубовичем в Петербурге в 1817 году. Позднее Пушкин говорил о Якубовиче: «..Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе... в нем много романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде – поэма моя была бы лучше». Речь идет о «Кавказском пленнике».

В задуманном Пушкиным романе главное внимание уделялось Якубовичу, который в кульминационный момент похищает главную героиню, а в конце романа стреляется на дуэли с ее братом. Сохранился и рисунок поэта, изображающий Якубовича.

Осужденный по делу декабристов, Якубович жил на поселении в Енисейской губернии: в Енисейске, Назимове, Ермаке. Ему посвятил несколько страниц в своей знаменитой «Летописи...» житель Енисейска А.И. Кытманов. Скончался А.И. Якубович в 1845 году, похоронен в Енисейске, могила его не сохранилась.

Любой человек, если живет он полнокровной духовной жизнью, не может быть равнодушен к истории своей Родины, к истории своего края. И мы, красноярцы, не исключение. Мы помним и любим свою историю, хотя и встречаются в ней горькие и черные страницы, но что поделаешь, это написано временем, не перепишишь... Мы любим просторы почти что бескрайнего нашего Красноярского края, от Бога наделенного оригинальной природой, – подобного сыскать нигде нельзя, и всякое сравнение со «второй Швейцарией» и с какими-то другими «вторыми» чудесами — сравнение тусклое, приходящее на ум ленивый, заштампованный... Мы любим свои полудеревянные и деревянные городки и города, размашисто, ловко и ладно рубленные дружинами далеких пращиров. Топорная, казалось бы, работа. А вот поди ж ты! Как разгадать загадку сибирской, или русской вообще, деревянной архитектуры с ее элегической возвышенностью, самобытным благородным настроением, стремящимся к поднебесью, к Богу!..

Эта любовь скорее всего подталкивает нас к поискам деталей и крупиц, касающихся местной истории, к поискам имен, к восстановлению картины минувших событий. Все это дает нам ощущение причастности к истории Отечества нашего.

Вот еще одна страница, связанная с Пушкиным и Сибирию, страница, повествующая о «той, с которой образован Татьяны милой идеал». И хотя исследователи-литератороведы не считают ее прообразом Татьяны Лариной, сама она так не думала и свои письма подписывала именем «Таня» и по этому поводу говорила следующее в одном из писем И.И. Пущину: «Ваш приятель Александр Сергеевич, как поэт, когда-то прекрасно и верно схватил мой характер, пылкий и мечтательный, и сосредоточенный в себе, и чудесно описал его проявление при вступлении в жизнь сознательную...». Это пишет Наталья Дмитриевна Фонвизина.

Декабрист М.А. Фонвизин и его жена — одна из одиннадцати жен, последовавших за мужьями в Сибирь, были на

поселении в Енисейске и Красноярске. Дочь красноярского чиновника Мария Францева в своих воспоминаниях утверждает: «Тема «Евгения Онегина» взята Пушкиным именно из жизни Натальи Дмитриевны, этот эпизод и многие подробности были ему переданы одним из общих их знакомых...»

И пускай мы знаем, что образ Татьяны Лариной – образ собирательный, в нем нашли свое счастливое воплощение черты многих прелестных современниц поэта, но, вспоминая Наталью Дмитриевну, мы невольно связываем ее имя с именем Пушкина и мысленно (а может, наяву) перелистываем, перечитываем удивительно легкий по слогу, изящный и во многом поучительный роман в стихах, и, честно говоря, нам, красноярцам, так хотелось бы надеяться и верить, что в наших краях жила очаровательная женщина, так похожая на героиню поэтического романа.

Если говорить про Сибирь, согретую Пушкиным, никак невозможно не говорить о декабристах. Стихотворное «Послание в Сибирь» расценивается многими как подвиг поэта. Он лично принес его А.Г. Муравьевой для передачи друзьям-декабристам:

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье...*

Хрестоматийные эти строки затасканы во времени, и нам только остается догадываться, что испытали горькие изгнанники, впервые прочитавшие пушкинский привет, начертанный рукою самого поэта; какая буря чувств, какое жаркое ответное движение души было в груди невольников, получивших такую поддержку! Наверно, для многих из них злая Сибирь в те минуты вдруг подобрела, потеплела и чуть ли не зацвела черемуховым цветом – заместо снега, обметавшего деревья с ног до головы. И не потому ли декабристы «хранили гордое терпенье» и оставались верными идеалам юности – идеалам света, любви и добра, несмотря на кошмарные ка-

торжные условия жизни, казавшиеся просто невыносимыми, особенно если учесть вчерашнее высокое положение людей, опутанных оковами. И не случайно А. Одоевский так искренне откликнулся своими стихами на пушкинское послание:

*Струн веющих пламенные звуки
До слуха нашего дошли.*

Кстати сказать, в красноярском архиве в юдинском фонде хранится «вариант строфы стихотворного послания А.С. Пушкина к декабристам».

Среди декабристов, сосланных в Сибирь, находились близкие друзья Пушкина – лицеисты В.К. Кюхельбекер и И.И. Пущин. Дружба их не раз была отмечена пушкинской возвышенной строкой. Оба декабриста не раз посетили город Красноярск, проезжая по Московскому тракту и любуясь суворой сибирской природой, таящей в себе красоту могучую, но сдержанную, открывающуюся только человеку несуетливому, умеющему видеть не столько оком, сколько внимательным сердцем. «Мой первый друг, мой друг бесценный», – так восклицает Пушкин в стихах, отправленных И. Пущину в Сибирь. Такие строки невозможно сочинить – такие строки сами рвутся из любящего сердца, глубоко и безнадежно раненного разлукой.

Родной брат И.И. Пущина – Михаил Иванович Пущин – после восстания 1825 года был приговорен к лишению чинов и дворянства и к отдаче в солдаты до выслуги. Его определили в Красноярский гарнизонный батальон. В Красноярск М.И. Пущин прибыл 26 июля 1827 года и провел здесь несколько месяцев до перевода на Кавказ.

В 1829 году М.И. Пущин неоднократно встречался на Кавказе с А.С. Пушкиным, о чем поэт писал в своем «Путешествии в Арзрум». Читаем: «...Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат...»

Встречались поэт и декабрист во Владикавказе, вместе проделали путь – живописнейший путь! – от Владикавказа

до Минеральных Вод, где также вместе провели «несколько времени», о чем Михаил Пущин позднее писал брату в Сибирь: «Вероятно, любезный Жанно, ты удивляешься, что давно к тебе не писал. Время здесь провожу довольно приятно – лицейский твой товарищ Пушкин, который с пикою в руках следил турок перед Арзрумом, по взятию оного возвратился оттуда и приехал ко мне на воды. Мы вместе пьем по несколько стаканов кислой воды и по две ванны принимаем в день. Разумеется, часто о тебе вспоминаем – он любит тебя по-старому и надеется, что и ты сохраняешь к нему то же чувство...»

Пущин сохранил к поэту самое теплое дружеское чувство до конца своих дней. Поселившись после ссылки вместе с женой Натальей Дмитриевной в Марьине под Бронницей, он написал свои широкоизвестные «Записки о Пушкине», которые неоднократно издавались, в том числе и Красноярским книжным издательством.

На Троицком кладбище в Красноярске хорошо сохранилась могила декабриста Василия Львовича Давыдова, прожившего в нашем городе на поселении последние шестнадцать лет своей многотрудной и многомучительной жизни. В молодости Давыдов был дружен с Пушкиным; у себя в имении Каменка на Украине часто принимал опального поэта, томившегося в южной ссылке. Находясь в гостях у Давыдовых – что само по себе говорит о прекрасной атмосфере в этом доме! – Пушкин написал целый ряд стихов: «Редеет облаков летучая гряда», «Нереида», «Я пережил свои желанья». Там же он закончил работу над поэмой «Кавказский пленник», а другу – декабристу В.Л. Давыдову – он посвятил стихи:

*Тебя, Раевских и Орлова
И память Каменки любя...*

В одном из писем этого периода Александр Сергеевич писал: «Теперь нахожусь в Киевской губернии, в селе Давыдовых... милых, умных отшельников, братьев генерала Раев-

ского. Общество наше... разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей, известных в нашей России».

Пушкин полюбил Каменку, часто бродил по берегу речки Тясьмин, доходил до уединенной береговой скалы, которая теперь называется Пушкинской скалою. Живописный этот уголок Украины не мог не покорить сердце поэта, и он, как искрометный балагур и острослов, признался па полях одной из книг библиотеки Давыдова:

*Ваш тихий, милый Каменград
Я покидать совсем не рад.*

Значительно позднее о Каменке напишет наш замечательный композитор П.И. Чайковский: «Я люблю в ней ее прошлое, она овеяна для меня духом поэзии; образ Пушкина витает предо мною; все здесь настраивает на поэтический лад».

Именно здесь встретил П.И. Чайковский жену Василия Львовича Давыдова Александру Ивановну, которая после кончины мужа покинула Красноярск и приехала в старую добрую Каменку. Это о ней, удивительной женщине, писал композитор: «Я имею здесь на глазах одну из самых светлых личностей, встреченных мною в жизни, – мать моего зятя, и мне хорошо известно, чего натерпелась эта старушка... Она – последняя из оставшихся в живых жена декабриста из последовавших за мужьями на каторгу... Не далее, как сегодня, она мне подробно рассказывала про жизнь Пушкина в Каменке...»

Теперь в Каменке находится музей Давыдова, Пушкина, Чайковского. Установлены памятники декабристам, поэту и композитору. Благодарна память народная.

Неподалеку от Красноярска, в селе Емельянове, сохранилась могила декабриста Михаила Матвеевича Свиридова. О возможных его встречах с поэтом история умалчивает, но мы точно знаем, что был он двоюродным братом старшего друга Пушкина – офицера Семеновского полка Петра Яковлевича Чаадаева, а по генеалогическому древу рода Пушкиных был дальним родственником поэта.

Могила декабриста почти одиноко белеет около скромной емельяновской церкви во имя Живоначальной Троицы и Покрова Божией Матери.

Очень редкие экскурсанты посещают сегодня эту одиночную могилу, печальным маяком мерцающую в духовных потемках Отечества. Над могилой много неба, много ветра. И много раздумий навалится вдруг на тебя. И вспомнятся, как будто из музыки ветра сами собой возникнут щемящие слова великого поэта:

*Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластия
Напишут наши имена!*

26 мая 1899 года сибирская газета «Восточное обозрение» писала по поводу 100-летнего рождения А.С. Пушкина:

«Сегодняшний день – день всероссийского торжества, полная победа духа над материальной силой: сегодня писательский гений, объединяя вокруг своего памятника различные партии, разные сословия, Россию, служилую и неслужилую, вознесся на такую высоту, на какую в России еще не поднимался ни один гений. В лице Пушкина чувствуется не полководец, не государственный муж, а писательский гений – «дар Божий», который есть превыше всего и перед которым сегодня склонилась государственная, общественная и народная Россия».

Известно, что в те далекие времена по поводу столетия А.С. Пушкина по всем городам и весям Енисейской губернии, во всех храмах и церквях прошли церемонии за упокой души «убиенного раба Александра».

Красноярская городская управа в преддверии юбилея великого поэта записала в протоколе своего заседания: «Проникнутая сознанием великого значения А.С. Пушкина, городская управа полагает, что со стороны Красноярской городской думы должны быть приняты все зависящие от нее

меры, чтобы день 26 мая 1899 года не прошел незаметно для населения города Красноярска, а тем более для подрастающего поколения...»

В красноярских храмах были отслужены панихиды. Красноярские священники освятили место для будущего памятника поэту. Площадь на пересечении улицы Воскресенской и Покровского переулка – нынче это проспект Мира и улица Сурикова – назвали Пушкинской площадью, а небольшой, но симпатичный сквер, находившийся в центре этой площади, стал называться Пушкинским сквером. Красноярскому народному дому присвоили имя поэта – сегодня здесь находится драматический театр имени А.С. Пушкина.

«Время безжалостно!» – покорно говорим мы иногда, забывая, что время – это стрелки на часах истории – двигает народ, мы с вами.

Сколько бесценного, сколько нетленного было снесено с лица земли, с лица России. И, конечно же, Сибирь при этом не могла остаться в стороне. Сегодня в Красноярске мало что напоминает нам о Пушкине. Названия сквера и площади не сохранились до наших дней, осталось только в целости-сохранности название улицы Пушкина, которая так же называлась и до Октябрьской революции. Улочка, надо заметить, более чем скромная, весною или осенью в распутицу залитая «жидким асфальтом», с вечера и до утра залитая аспидной теменью. Зато центральные проспекты города, центральные улицы расписаны именами пламенных революционеров, которые не глаголом – ох, не глаголом! – жгли сердца людей.

Сегодня есть прекрасный повод подумать о памятнике в честь золотого русского поэта.

Красноярск, ноябрь 1998 г.

Í àø i' óøêèí.

Ñòèõè è i ðî çà

Александр Блок

Пушкинскому дому

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке.

Это – древний сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

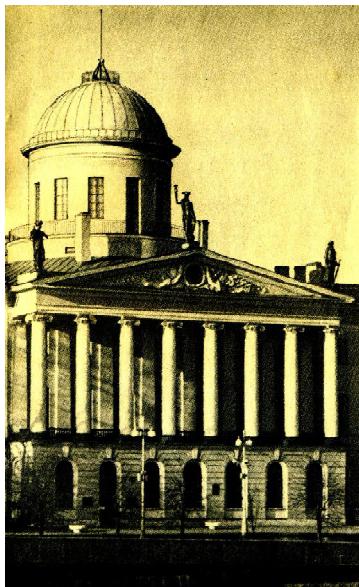
Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук –
Имя Пушкинского Дома
В Академии наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

11 февраля 1921

Лилия Гагарин

Пушкину

Все Пушкину во благо:
И матери суровость,
И прадеда отвага,
И собственная гордость.

И нежность русской няни,
И свежесть липы, дуба,
И тонкость обоняния,
Когда в цветенье клумба.

Все Пушкину во благо:
И хор прелестниц чудных,
И ссылка как ограда
Для творческих прелюдий.

Любовные атаки
К его жене-мадонне,
И царетворцев врачи –
Страдания у трона.

Все Пушкину во благо:
За честь жены восстанешь,
Жив гад-обидчик «Яго» –
Убийцей ты не станешь!

Все Пушкину во благо
Ничто не будет «вето»,
Когда поэт – громада
Нас обнимает светом.

Николай Красников

Пушкину

Не хочу петь в хоре юбилейном,
Хлопая в ладоши, как и все,
Или пересказывать келейно
Вздохи на газетной полосе.

О его величье многотомном,
Легкости и чувства, и ума,
Глубине разящей и бездонной,
Вечной, как и русская зима,

По которой несся, «торжествуя»,
Как «на дровнях, обновляя путь»,
Ненавидя и любя, рискуя
И сомнений разметая муть,

В снег которых он упал когда-то,
Глупо так... в последний раз упал...
...Сколько суэты по круглым датам,
Словно светский всероссийский бал,

Где б, наверно, заскучал Онегин
И Татьяна с русскою душой...
Это все от бедности и лени,
От боязни быть самим собой.

Да, люблю! Еще по детским сказкам
За народный и высокий слог,
За печалью тронутые краски
Золоченных осенью дорог

И за вздох: «...все возрасты покорны...»
И за «холмы Грузии... во мгле»,
Но хочу я быть в любви свободным,
С Пушкиным, живущим лишь во мне.

Игорь Кармалыский

В гостях у Пушкина

Там, где Ростральные колонны
Нева купает в серебре,
Где переливчатые звоны
Курантов, словно при Петре;

Где бойких чаек зыбь качает
И крепость строгая видна,
И тихим эхом отвечает
Им Выборгская сторона;

Где пушка в полдень предлагает
На час заботы позабыть,
А кто рублём располагает –
То на обед употребить;

Где чье-то сердце бьется гулко,
Разбуженное ото сна,
И прячется по переулкам
Испуганная тишина;

Где все ЕГО напоминает:
Вон – у Лицея он сидит,
А вот – стихи для нас читает,
На Мойку из окна глядит, –

Там душу я свою оставил,
Хотя в гостях недолго был.
Опять бы путь туда направил,
Да нет ни ветра, ни ветрил.

И в зной, и в холод, в день погожий
Мне часто видится во сне
Тот всадник, на Петра похожий,
«На звонко-скакущем коне».

Еще я видел (уж воочию),
Как удивительно светла,
Сияет летней белой ночью
Адмиралтейская игла...

Я с детства знаю лукоморье,
Тянул и невод с рыбаком;
И с бородою Черномора,
И с Таней Лариной знаком...

Мой Пушкин, нежный и суровый.
России гордость и звезда.
«Он вечно тот же, вечно новый».
Таким он будет навсегда!

Джелал Кузнецов

Вознесенье

Из двери храма Вознесенья,
что у Никитских,
слышен хор.

Ряды карет,
столпотворенье
зевак,
служивых,
comme il faut...

Вчера –
мальчишечник прощальный,
горячий спор,

вино рекой,
а утром –
фрак,

венец венчальный

у Natalie над головой...

И тайный страх –

завязка драмы.

Из череды худых примет –
усмешка инфернальной дамы,
так и не выдавшей секрет

трех карт,
верней всего расклада, сулящего завидный куш.

.....

Лишь камер-юнкер (для парада),
всегда должник,
ревнивый муж.

Ещё – поэт и светлый гений,
Он, не избегнувший креста,
был удостоен Вознесенья
в канун Великого Поста.

Виктор Липланский

Читайте Пушкина

...И чувства добрые я лирою пробуждал
A.C.Пушкин

Читайте Пушкина! Учитесь,
Как следует писать стихи,
Но подражать не торопитесь.
Пусть даже очень вы лихи

И, бросившись седлать Пегаса,
Спешите к музе, как на чай,
Но на крутой тропе Парнаса
Не расшибитесь невзначай...

Причем, учась, не принимайте
За чистую монету всё.
К десятой заповеди, знайте,
Имел он мнение свое.

А у Христа иное мненье...
Зато насчет добрейших чувств
Не может быть иных суждений
В любой обители искусств!

Здесь Пушкин с Богом так едины:
Коль сеет добрая рука,
То урожай пожнёт предивный –
Любовь и память навека!

Читайте Пушкина! Стремитесь
Свой стиль найти, поэтом стать!
Читайте Пушкина!
Учитесь Добро всем людям доставлять!

Бюст Пушкина в Новосибирске

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой...
A.C.Пушкин

Педагогический лицей
В Новосибирске носит имя
Поэта, кто мудрей, светлей
Всех на Парнасе – это зrimо

Через века: он Солнцем стал
Поэзии родной нам русской,
И любят с детских лет уста
Гармонию волшебных звуков.

Он «памятник себе воздвиг
Нерукотворный...», и сегодня
У стен лицея славный лик
Открыт с любовью всенародной

В Новосибирске! В этот день
Давным-давно под Петербургом
Открыт Лицей был, под чью сень
Пришёл наш Пушкин...! Жизнь по кругу

Идёт... И вот в Сибири мы
Дань воздаём ему и рады,
Что мы в России рождены,
Где вырос гений, светоч правды!

Сияй, Поэт, в веках гори!
На ум идут слова Поэта:
«Бог помочь вам, друзья мои»
В учёбе – это факел света!

С надеждой он на нас глядит...
Мы говорим с поклоном низким:
«Да будет памятник открыт
Ему большой в Новосибирске!»

*Прочитано на открытии бюста Пушкина
на улице лицея 19 октября 2007*

Настоящий поэт

Что такое поэт настоящий
И как можно его угадать?
По количеству строчек изящных
Или это особая стать,

Или много томов со стихами
С безупречными рифмами? Нет!
Что игра золотыми словами
И высокий его интеллект,

Если людям сердца не волнует,
Не тревожит их души никак;
Если хвалит страну ту – иную,
Где и Бога-то нет, сущий мрак;

Если пошлость возносит и иже,
С равнодушием к Богу живет;
Если нет в нем почтения к близким,
Милой Родине; если в полет

Приглашает в страну бутафории,
И к амбициям склонен...Скажу:
Не поэт это – только проформа,
Пяткой он не пойдет по ножу...

А поэт настоящий изранен
Состраданием к судьбам людей
И к Отчизне, не зря слишком рано
Он уходит из жизни своей,

Но он в памяти будет народной
Жить годами, а оный поэт
И веками живет и, к Свободе
Призывая, несет людям свет –
Свет любви негасимой высокой
К Богу, к близким, к Отчизне святой;
И сияют бессмертные строки,
Освещая к Добру путь земной!

Владимир Евдасин

Благодарю, но поясняю

Радует, что издаваемый Новосибирским Пушкинским обществом под редакцией его председателя Олега Петровича Кузьменкова «Пушкинский альманах» уже стал достоянием культурной жизни не только Новосибирска. Свидетельством тому – регулярно получаемые авторами альманаха за стихи, в нём опубликованные, награды от Международного общества пушкинистов (Нью-Йорк), материалы, присылаемые в альманах из стран СНГ и из регионов России.

На сей раз из далёкого Калининграда в редакции альманаха и областной газеты «Советская Сибирь» (см. №176 от 10.09.08) рецензию на 6-й выпуск альманаха прислал известный пушкинист, писатель и деятель культуры Феликс Кичатов, который высоко оценил оформление, содержание и полезность «Пушкинского альманаха». Уделил Феликс Зиновьевич внимание и моим «Этюдам о моём Пушкине» – в них, по его мнению, есть «отдельные неточности». Следуя традиции Пушкина отвечать критикам, дабы не оставлять в сомнении читателя, попробую внести ясность и я.

Отстояв перед редактором в названии «Этюды о моём Пушкине» наличие ключевого понятия «о моём», считаю, что имею полное право использовать для своих рассуждений и выводов те сведения, версии и трактовки, которые кажутся достоверными лично мне. Но, каюсь, допустил оплошность, назвав пруссов племенем литовским, поверив академику С.Б.Веселовскому, в работе которого «Род и предки А.С.Пушкина в истории» (М. «Наука», 1990 г., – С. 17) прочёл: «Пруссами в древности называлось литовское племя...». Но оплошность моя состоит не в том, что привёл мнение академика, а не его оппонентов, а в том, что должен был использо-

вать знания не нам современные, а доступные Пушкину, т.к. речь в этюде идёт о восприятии самим поэтом своей родословной в 1825 г. А знал Пушкин «Историю государства Российского», в которой Карамзин литву и прусов называл племенами соседственными, а не родственными. Приношу читателям мои извинения.

Рецензент отнёс к неточностям именование Ганнибала и негром, и абиссинцем, исходя при этом опять же из современных нам научных знаний, которых Пушкин знать не мог. Он точно знал, что его предок негр, т.к. это название всех чернокожих, сотни, если не тысячи, племён которых рассеяны по десяткам стран Африки. Он знал также со времён петровых дошедшие сведения о том, что его прапащур попал на невольничий рынок из Абиссинии (нынешней Эфиопии). Уже в то время абиссинцами звали не представителей только одноимённого племени, но и всех жителей, в том числе негров, из этой страны, как сегодня русскими зовут за рубежами России всех её разнонациональных жителей. Думаю, в литературных, а не строго научных этюдах автор вправе был допустить, что Пушкин в 1825 году мог называть предела и негром (когда ему неважно было указать на место его рождения), и абиссинским негром, и абиссинцем. А о том, что есть арабы с таким названием, вряд ли поэт и знал.

Замечания рецензента побуждают меня к более внимательной работе в дальнейшем, за что я и благодарю Феликса Зиновьевича Кичатова.

А теперь вновь к «Этюдам о моём Пушкине» (начало в 5-м и 6-м выпусках).

Этюды о моём Пушкине

Пушкин в юности

Мне вас не жаль, года весны моей...

А. Пушкин

Кто знает, что такое слава!

А.Ахматова

Начнём с выдержки из отношения к управляющему Министерства иностранных дел, подписанного 10 июня 1817 года статс-секретарём князем Голицыным.

«Государь Александр Павлович соизволил окончивших курс Царскосельского лицея воспитанников кн. Горчакова, Сергея Ломоносова, Николая Корсакова, барона Павла Гривеница, Вильгельма Кюхельбекера, Павла Юдина и Александра Пушкина..., наградив первых пять чинами титулярных советников и последних двух чинами коллежских секретарей, и согласно желанию их определить в коллегию иностранных дел...

Государю императору угодно было повелеть на случай неимения вакансий производить из них титулярным советникам каждому по 800 руб., а коллежским секретарям по 700 руб. в год из государственного казначейства вплоть до помещения их на места с жалованьем».

Увы, первых выпускников Лицея не очень-то и ждали на государственной службе, вакансий для них не нашлось. Те из лицеистов, что поставили целью карьеру, вынуждены были пробиваться к ней и некоторые со временем достигли административных высот. Другие вынуждены были поменять поприще.

Пушкин предпочёл сохранить первоначальное положение. Его устраивало отсутствие конкретной работы при формальном нахождении на службе. До самой ссылки в Михайловское он числился за штатом и продолжал получать назначенное императором пособие в 700 руб. «по безработице», как сказали бы мы сегодня. Об этом поэт писал: «Семь лет я службой не занимался, не написал ни одной бумаги, не был

в сношении ни с одним начальником. Эти семь лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места. Я сам заградил себе путь и выбрал другую цель. Ради бога, не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдыхновение чувствительного человека: оно просто моё ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющее мне пропитание и домашнюю независимость».

В пользу творчества, а не государственной службы поэт сделал выбор ещё перед окончанием Лицея, о чём сказал в послании «Товарищам». Правда, тогда же, ещё в Лицее, выразил он, было желание поступить в службу гусарскую. Но на дорогое гусарское обмундирование и снаряжение отец поэта денег пожалел, соглашаясь лишь на армейскую форму, и Пушкин разговоры о военной карьере оставил. Ведь в гусарской службе его привлекала только возможность покрасоваться, погусарствовать, быть на виду, что вообще было в характере молодого поэта.

Это непомерное тщеславие, естественный признак всех великих, скорее унаследованная от отца, а не приобретённая черта характера, особенно ярко проявилась в ту пору, когда, по словам его брата Льва, «по выходе из Лицея Пушкин вполне воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны. Он жадно, бешено предавался всем наслаждениям».

Поскольку блеснуть гусарской формой не привелось, а чиновничий костюм (пошитый, кстати, ещё в Лицее и за казённый счёт, как одному из бедных выпускников, дабы Лицей не позорил), даже и дополненный ношеными бальными туфлями отца времён ещё царствования Павла I, тоже покрасоваться не позволял, юноша искал иного удовлетворения этой черты характера. Бакенбарды ещё не могли обрамлять его лицо, но он уже отращивал каких ни у кого не было «ногти, как когти». Выделялся и своим поведением.

В театре Пушкин «любил вертеться у оркестра около Орлова, Чернышова, Киселёва и других: они с покровительственной улыбкой высушивали его шутки, остроты». Ви-

димо, вблизи этих известных щеголей Пушкин и себя ощущал на виду у публики. Вспоминают современники экстравагантные выходки поэта в тот период. Каратыгина, например, писала:

«В 1818 году, после жестокой горячки, ему обрили голову, и он носил парик. Это придавало какую-то оригинальность его типичной физиономии и не особенно её красило. Как-то в Большом театре он вошёл к нам в ложу. Мы усадили его в полной уверенности, что здесь наш проказник будет сидеть смирино. Ничуть не бывало. В самой патетической сцене Пушкин, жалуясь на жару, снял с себя парик и начал им обмахиваться, как веером. Это рассмешило сидевших в соседних ложах, обратило на нас внимание и находившихся в креслах. Мы стали унимать шалуна, он же со стула соскользнул на пол и сел у нас в ногах, прячась за барьер; наконец кое-как надвинул парик на голову, как шапку: нельзя было без смеха глядеть на него!»

Это из воспоминаний доброжелателей. А вот как вспоминал никогда не бывший близким Пушкину его лицейский однокашник Корф:

«Начав ещё в Лицее, он после, в свете, предался всем возможным распутствам и проводил дни и ночи в беспрерывной цепи вакханалий и оргий с первыми и самыми отъявленными тогда повесами. Должно удивляться, как здоровье и самый талант его выдерживали такой образ жизни, с которым естественно сопрягались частые любовные болезни, низводившие его не раз на край могилы. Пушкин не был создан ни для службы, ни для света, ни даже – думаю – для истинной дружбы. У него были только две стихии: удовлетворение плотских страсти и поэзия, и в обеих он ушёл далеко». И далее: «Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда и без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в тесном знакомстве со всеми трактирщиками и девками, Пушкин представлял тип самого грязного разврата».

Корф не одинок был в такой оценке образа жизни Пушкина, а тот ничуть не смущался – о нём говорили, он был на

виду. «Известность Пушкина, и литературная и личная, с каждым днём возрастала, – писал Лев Пушкин. – молодёжь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его и рассказывала о нём анекдоты. Всё это, как водится, было частью справедливо, частию вымышлено».

Поэту нравилось «срывать аплодисменты». Нравилось, когда светские девицы и дамы просили стихи для своих альбомов. Нравилось вставлять в разговоре острую шутку, экспромт, эпиграмму. Идёт обсуждение спектакля – у юноши готова эпиграмма на актрису, актёра или драматурга. Идут пересуды об интимных отношениях известных личностей – и тут поэт откликается остротой или эпиграммой. При любой власти находятся любители о власть имущих посудачить, покритиковать властителей. Пушкин и у таких ищет успеха очередным экспромтом или домашней заготовкой, выпадом в стихах против министров, вельмож, чиновников. Язвительные шутки, жестокие эпиграммы юного Пушкина не щадили адресатов невзирая на возраст, общественное или семейное положение, унижали их достоинство и честь. Не думал Пушкин, что через много лет такая же жестокость таких же юных повес бумерангом ударит его самого. Жаждущие популярности любой ценой, хотя бы и в узком кругу салона Идалии Полетики, двадцатилетние князья Иван Гагарин и Пётр Долгоруков, подозревают, изготавли и разослали несколько экземпляров шутейного диплома ордена рогоносцев, в который якобы принят Пушкин. От этой «шутки» поэт уже не оправился.

А тогда Пушкин, ради красного словца, способного обратить на него внимание, не щадил даже и своих друзей.

Однажды, отвечая Пушкину на вопрос о причинах отсутствия на званом вечере, Жуковский назвал недомогание и нежданный приход к нему Кюхельбекера. Поэт тут же набросал ехидную эпиграмму:

*За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно –*

*Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.*

Пущенная в свет, эпиграмма имела успех. Жуковский насмешку простили, а Кюхельбекер был оскорблён – хлесткая характеристика «кюхельбекерно» вошла в обиход и повторялась не только повесами. Обидчик был вызван на первый в жизни поединок, о котором сохранились сведения подтверждающие, как важна в ту пору для Пушкина была показная бравада.

Секунданты – Дельвиг и Пущин – пытались примирить дуэлянтов, но Кюхельбекер не желал прощать оскорбление. Встали у барьёров. Кюхельбекеру предстояло стрелять первым. Пушкин демонстративно веселился и насмехался над противником, советовал секундантам поберечься: не дай бог промахнётся Вильгельм Карлович да в них попадёт. «Стань на моё место, здесь безопаснее», – советовал Пушкин Дельвигу. Кюхельбекер действительно промахнулся, а Пушкин от выстрела отказался. Довольные бескровным исходом и последовавшим замирением четверо друзей обнялись.

Но и тут Пушкин не пощадил чувство достоинства одного из лучших своих друзей. С подачи поэта в обществе рассказывали, как Кюхельбекер продырявил шляпу секунданта и как браво вёл себя Пушкин.

Надо сказать, что множество дуэлей, затеваемых юным Пушкиным, кончались миром, ибо главная задача дракуна – обратить на себя внимание – бывала выполнена уже самим фактом вызова, а убивать он не собирался.

Однако круг общения поэта не ограничивался очерченным Корфом. Продолжаются встречи с литераторами, с либерально настроенными гусарскими офицерами и представителями света. Этому кругу знакомых Пушкин тоже хочет нравиться, и тут не могла помочь слава отпетого повесы.

В сентябре 1817 года Пушкин впервые присутствовал на заседании литературного общества «Арзамас». Об этом заседании есть запись в дневнике Николая Тургенева: «Третьего дня был у нас «Арзамас». Нечаянно мы отклонились

от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожить рабство». Этот разговор наверняка затеян был самим Н. Тургеневым, убеждённым сторонником отмены крепостного права. Разговор запал в душу Пушкина и явно имел продолжение.

Третий брат Александра и Николая Тургеневых, Сергей, в Париже, получив сообщение Николая о том, что «у нас теперь есть молодой поэт Пушкин, который точно стоит удивления по чистоте слога, воображению и вкусу, и всё это в 16 лет от роду», записывает в дневнике: «Мне пишут о Пушкине, как о развивающемся таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность и вместо оплакиваний самого себя пусть первая песнь его будет: свобода».

Осторожный Александр больше говорил с юношой о литературе, а вот Николай в беседах говорил о необходимости раскрепощения крестьян, о равенстве всех перед законом, о справедливости, о народном представительстве во власти, об опасности игнорирования законов как народом, так и властями. Причем достижения гражданских свобод предполагалось добиться принятием по воле императора справедливых законов и просвещением.

Таких разговоров поэт не слышал среди записных щегольей и отпетых повес, они манили новизной и запретностью. Хотелось и самому быть смелым в суждениях, как сразу ставший кумиром Николай Тургенев, хотелось заслужить его похвалу. И вот однажды поэт излагает мысли, воспринятые от Н. Тургенева, в форме оды, причём делает это даже в его присутствии. О появлении оды «Вольность» Пушкина, «которую он вполне сочинил в моей комнате, ночью закончил и на другой день принёс ко мне написанную на большом листе», Тургенев рассказывал биографу поэта Бартеневу.

Читая в одном из стихотворений Пушкина: «И неподкупный голос мой Был эхом русского народа», надо помнить, что под русским народом подразумевал поэт своё окружение светское, дворянское. В случае с одой «Вольность» голос Пушкина был эхом всего одного представителя народа, а именно

Николая Тургенева. Будучи распространённой сначала среди друзей поэта, а затем в списках разошедшаяся в обществе, она принесла Пушкину сладостную для него славу певца свободы. Тщеславие было удовлетворено. Лишь через два года эхо с голоса Н. Тургенева вновь прозвучало в творчестве Пушкина. Было это в августе 1819 года, когда поэт приходил в себя после очередной болезни в Михайловском. Там написал он стихи о полюбившихся пейзажах родового имения, а через несколько дней сделал к ним поэтическое дополнение. Дело в том, что рассказали ему о случаях деспотизма помещиков-соседей, о бесправии крестьян, и, вспомнив уроки Н. Тургенева, поэт подверг крепостников критике и выразил надежду-призыв:

*Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещённой
Взойдёт ли наконец прекрасная Заря?*

Стихотворение это, «Деревня», поначалу было благосклонно принято даже императором. Об этом вспоминали супруги Вяземские в «Рассказах о Пушкине», записанных Бартеневым. «И.В. Васильчиков сказал Чаадаеву, своему адъютанту: «Вы любите словесность. Не знаете ли вы молодого Пушкина? Государь желает прочесть его стихи, ненапечатанные. Чаадаев передал о том Пушкину и с его согласия отдал Васильчикову «Деревню», которая отменно полюбилась государю (была переписана самим Пушкиным, разумеется, с её последними стихами, которые долго не разрешались к печати)». Другие говорили ещё, что император велел передать поэту благодарность «за патриотические чувства». По крайней мере, «Деревня» продолжала свободно ходить в списках.

Ода «Вольность» и стихотворение «Деревня», написанные с разрывом в два года, скорее случайные творения Пушкина, результат разовых впечатлений и порывов души, а не систематической разработки темы. Но гений поэта этими произведениями открыл новое направление в отечественной

литературе. Огарёв писал о значении этих стихов: «Кто во время оно не знал этих стихотворений? Какой юноша, какой отрок не переписывал? Толчок, данный литературе вольнолюбивым направлением её высшего представителя, был так силен, что с тех пор, и даже сквозь всё царствование Николая, русская литература не смела быть рабскою и продажною».

Были в юности у Пушкина и другие ненапечатанные стихи. Ни в одном он не выступал против монархии, а только высмеивал личные взгляды и недостатки конкретных лиц. Критикуя императора в стихотворении «Сказки. Noel», Пушкин насмехался над его личными недостатками, над расхождением слова и дела у него. Многие стихи рождались в погоне за популярностью, в угоду тщеславию, но распространяемые в списках будоражили умы и становились идеологическим оружием, независимо от Пушкина работавшим на будущий заговор декабристов.

Императору надоели доносы о распространении непотребных стихов, а все их приписывали перу Пушкина, он приказал доставить ему все пушкинские стихи, ходившие в списках без дозволения цензуры. О том, как исполнялся этот приказ, наиболее живо описал в своих воспоминаниях очевидец, бывший член общества «Зеленая лампа» Ф. Глинка:

«Раз утром выхожу я из своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как всегда, бодр и свеж; но обычна (по крайней мере, при встречах со мной) улыбка не играла на его лице, и лёгкий оттенок бледности замечался на щеках.

— Я к вам.

— А я от себя!

И мы пошли вдоль площади. Пушкин заговорил первый:

— Я шёл к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих (под моим именем) писах, разбежавшихся по рукам, дошёл до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений, и уве-

рял, что скоро принесёт их назад. Но мой старик не согласился, а я взял да и сжёг все мои бумаги.

При этом рассказе я тотчас узнал Фогеля с его проделками.

— Теперь, — продолжал Пушкин, немного озабоченный, — меня требуют к Милорадовичу! Я знаю его по публике, но не знаю, как и что будет и с чего с ним взяться... Вот я и шёл посоветоваться с вами.

Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон».

Глинка дал совет открыться генерал-губернатору, уповая на его благородство души и рыцарский романтизм в характере. Пушкин пошёл смелее. «Часа через три, — вспоминал Глинка, — явился и я к Милорадовичу, при котором, как при генерал-губернаторе, состоял я, по высочайшему повелению, по особым поручениям, в чине полковника гвардии. Лишь только ступил я на порог кабинета, Милорадович, лежавший на своём зеленом диване, укутанный дорогими шальми, закричал мне навстречу:

— Знаешь, душа моя! (это его поговорка) у меня сейчас был Пушкин! Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги. Вот он и явился, очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! все мои стихи сожжены! — и у меня ничего не найдётся на квартире; но, если вам угодно, всё найдётся здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу всё, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного), с отметкою, что моё и что разошлось под моим именем. Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вон она (указывая на стол у окна), полюбуйся!.. Завтра я отвезу её государю. А знаешь ли — Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою (это его словцо) обхождения».

Пушкин записал большинство из ненапечатанного, скрыв, однако, эпиграмму на Аракчеева. Далее Глинка вспоминает:

«На другой день я постарался прийти к Милорадовичу поранее и поджидал возвращения его от государя. Он возвратился, и первым словом его было: — Ну вот дело Пушкина и решено!

Разоблачившись потом от мундирной формы, он продолжал:

— Я вошёл к государю со своим сокровищем, подал ему тетрадь и сказал: «Здесь всё, что разбрелось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать!» Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно, а, наконец, спросил: «А что ж ты сделал с автором?» — «Я?.. — сказал Милорадович, — я объявил ему от имени Вашего Величества прощение!..». Тут мне показалось, — продолжал Милорадович, — что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, государь с живостью сказал: «Не рано ли?!».

Прочтя тетрадь, оставленную Милорадовичем, император был взбешён. Какой-то мальчишка-стихоплёт посмел оскорбить его лично. Пусть бы смеялся над министрами, вельможами, попами, пусть бы критиковал крепостников — всего полгода назад он сам хвалил за это его «Деревню», — можно было простить даже и насмешку над невыполненным обещаниями реформ, император понимал, что она справедлива. Но как простить напоминание в оде об отцеубийстве, обвинение в захвате престола, ненависть к нему лично, пронизывающую к нему обращенные восемь строк:

*Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижжу.
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижжу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрёк ты богу на земле.*

Почему же, скрыв от императора эпиграмму на Аракчеева, Пушкин не скрыл это восьмистишие? Не хватило ума? Скорее опять мальчишеское тщеславие, желание прослыть правдолюбцем, надежда завоевать одобрение того же Николая Тургенева. Именно это восьмистишие, инородное вклю-

чение в достаточно выдержанную политически оду стало роковым в судьбе поэта.

Император выбирал меру отмщения. Ему советовали сослать Пушкина на Соловки или в Сибирь на каторгу. Но были у поэта и защитники.

В те дни состоялся разговор императора и директора Лицея Энгельгардта о Пушкине.

«Директор рассказал мне, – пишет Пущин, – что Государь... встретил его в саду и пригласил с ним пройтись.

– Энгельгардт, – сказал ему Государь, – Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодёжь наизусть их читает. Мне нравится откровенный его поступок с Милорадовичем, но это не исправляет дела.

Директор на это ответил: «Воля Вашего Величества, но вы мне простите, если я позволю себе сказать слово за бывшего моего воспитанника, в нём развивается необыкновенный талант, который требует пощады. Пушкин теперь уже – краса современной нашей литературы, а впереди ещё большие на него надежды. Ссылка может губительно подействовать на пылкий нрав молодого человека. Я думаю, что великолепие ваше, государь, лучше вразумит его!».

На аудиенцию к императору попросился Карамзин, придворный историограф, писатель, авторитетнейший в обществе человек. Император не устоял перед личной просьбой Карамзина за талантливого поэта, допустившего мальчишескую выходку и раскаивавшегося, обещавшего не писать более ничего предосудительного, в чём ему, Карамзину, дал слово. А талант его послужит ещё России. К славе России и император был неравнодушен и смягчился, тем более, что просили об этом ещё императрица, Жуковский, другие.

Официальной ссылки не последовало. Но у Александра I уже был опыт наказания без наказания, не раз им испытанный. Еще в 1803 году за «возмутительные стихи» – сатирические – царя и угрозу ему в ходившей в списках басне «Голова и ноги», где Ноги заявляют Голове:

*Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись – как же быть, –
Твоё величество об камень расшибить*

– из Санкт-Петербурга был удалён в украинское захолустье переводом по службе Денис Давыдов. Да и недавно совсем поэта Баратынского император удалил в финляндскую глушь таким же образом за юношеские ещё прегрешения. Вот и Пушкину придумана была командировка в недавно завоёванную провинцию на крайнем юге России. Командировочное удостоверение гласило: «По указу Его Величества государя императора Александра Павловича и прочая, и прочая, и прочая. Показатель сего, Ведомства государственной коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобности службы к главному попечителю колонистов южного края г. генерал-лейтенанту Инзову; посему для свободного проезда сей паспорт из оной коллегии дан ему. В Санкт-Петербурге майя 3-го дня 1820 года».

6 мая 1820 года с тысячей рублей командировочных и с чувством оставшейся позади опасности, с интересом к первому в жизни дальнему путешествию скакал враз повзрослевший Пушкин по Белорусскому тракту на юг. Поэт уверен, что направлен курьером для доставки документов по службе, но не знает, что везёт и письмо-поручение Инзову по поводу своей судьбы: «г. Пушкин, воспитанник Царскосельского лицея, причисленный к департаменту иностранных дел, будет иметь честь передать сие вашему превосходительству.

Письмо это имеет целью просить вас принять этого молодого человека под ваше покровительство и просить вашего благосклонного попечения. Позвольте мне сообщить вам о нём некоторые подробности. Исполненный горестей в продолжение всего своего детства, молодой Пушкин оставил родительский дом, не испытывая сожаления. Лишённый сыновней привязанности, он мог иметь лишь одно чувство – страстное желание независимости. Этот ученик уже рано проявил гениальность необыкновенную. Успехи его в Лицее

были быстры. Его ум вызывал удивление, но характер его, кажется, ускользнул от взора наставников.

Он вступил в свет сильным пламенным воображением, но слабый полным отсутствием тех внутренних чувств, которые служат заменою принципов, пока опыт не успеет дать нам истинного воспитания.

Нет той крайности, в которую не впадал этот несчастный молодой человек – как нет и того совершенства, которого не мог бы он достигнуть высоким превосходством своих дарований.

Поэтическим произведениям своим он обязан известного рода славою, значительными заблуждениями и друзьями, достойными уважения, которые открывают ему, наконец, путь к спасению, если это ещё не поздно и если он решится ему последовать.

Несколько поэтических пьес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства.

При величайших красотах мысли и слога это последнее произведение запечатлено опасными принципами, навеянными направлением времени или, лучше сказать, той анархической доктриной, которую по недобросовестности называют системою человеческих прав, свободы и независимости народов.

Тем не менее гг. Карамзин и Жуковский, осведомившись об опасностях, которым подвергся молодой поэт, поспешили предложить ему свои советы, привели его к признанию своих заблуждений и к тому, что дал он торжественное обещание отречься от них навсегда.

Г. Пушкин кажется исправившимся, если верить его слезам и обещаниям. Однако, эти его покровители полагают, что его раскаяние искреннее и что, удалив его на некоторое время из Петербурга, доставив ему занятие и окружив добрыми приметами, можно сделать из него прекрасного слугу государству или, по крайней мере, писателя первой величины.

Отвечая на его мольбы, император уполномочивает меня дать молодому Пушкину отпуск и рекомендовать его вам. Он

будет прикомандирован к вашей особе, генерал, и будет заниматься в вашей канцелярии как сверхштатный. Судьба его будет зависеть от успехов ваших добрых советов.

Соблаговолите же дать ему их. Соблаговолите просветить его неопытность, повторяя ему, что все достоинства ума без достоинств сердца почти всегда составляют преимущество гибельное и что слишком много примеров убеждает нас в том, что люди, одаренные прекрасными дарованиями, но не искавшие в религии и нравственности предохранения от опасных склонений, были причиной несчастий как своих собственных, так и своих сограждан.

Г. Пушкин, кажется, желает избрать дипломатическое поприще и начал его в департаменте.

Не желаю ничего лучшего, как дать ему место при себе, но он получит эту милость не иначе, как через ваше посредство и когда вы скажете, что он её достоин.

Вы не ожидали такого поручения. Если оно будет для вас стеснительно, то пеняйте на то доброе и заслуженное мнение, которое о вас имеют».

Письмо-поручение, составленное одним из членов коллегии МИДа Каподистрия, имело собственноручную резолюцию императора: «Быть по сему», что подтверждало и обвинение («несколько поэтических пьес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства») и смысл наказания: удаление на время из столицы на перевоспитание под наблюдением пользующегося доверием генерала.

Эти несколько, менее десятка, стихов, «обративших на Пушкина внимание правительства», включая и оду «Вольность», были не главным в творчестве Пушкина. Не им отдавал он своё сердце и душу поэта. Главным же для него весь трёхлетний послелицейский период был труд над поэмой «Руслан и Людмила», которую он закончил накануне изгнания из Санкт-Петербурга.

Как могла родиться поэма-сказка среди беспутства отпетого повесы, как находил он время и силы для этого титанического труда?!

«Ни одна из поэм, – пишет Анненков, – не стоила Пушкину стольких усилий, как та, которою он начинал своё поприще и которая, по-видимому, не должна была очень затруднять автора: только необычайная отделка всех её частей могла бы изобразить тайну её произведений, но об этом никто не догадывался: тогда вообще думали, что Пушкину достаётся всё даром. Дни и ночи необычайного труда положены были на эту полуслугливую, полусерьёзную, фантастическую сказочку, и мы знаем, что даже основная её мысль, идея и содержание достались Пушкину после долгих и долгихисканий». И ещё Анненков: «Так в течение трёх лет шумной петербургской своей жизни Пушкин находил приют для мысли и души своей в одной этой поэме, возвращаясь к самому себе и чувствовал своё призвание через посредство одного этого труда!», а писалась поэма в маленькой комнатке на Фонтанке «после пирушек, литературных вечеров, похождений всякого рода».

Пушкинист Лотман, анализируя времяпрепровождение типичного светского юноши, ровесника Пушкина, сообщает, что юноша, стремящийся подчеркнуть свою аристократичность, вставал поздно. Утренний туалет и кофе сменялись прогулкою пешком или в коляске. Обычно гуляли в час пополудни, когда прогуливавшийся император. Толпа в час прогулок состояла из чиновников, чья служба носила необязательный характер, что позволяло гулять и в присутственные часы. В четыре часа наступало время обеда. Послеобеденное время между рестораном и балом посвящалось театру, который был и зрелищем, и клубом, местом свиданий и интриг. Балы начинались около десяти вечера и заканчивались разъездом гостей после ужина, в 2-3 ночи.

Так жил и стремящийся к светскости Пушкин. «Большую часть дня, утром писал он свою поэму, а большую часть ночи проводил в обществе, довольствуясь кратковременным сном в промежутки сих занятий», – писал Плетнёв. Вот почему при его требовательности к чистоте стиха Пушкин так долго трудился над «Русланом и Людмилой». К 1819 году готовы были четыре песни поэмы, а потом за пятнадцать месяцев написаны еще девятьсот стихов.

Старшие друзья-литераторы с нетерпением ждали каждую песню поэмы. За месяц до её окончания А. Тургенев писал Вяземскому: «Племянник почти кончил свою поэму, и на днях я два раза слушал её. Пора в печать. Я надеюсь от печати и другой пользы, личной для него: увидев себя в числе напечатанных и, следовательно, уважаемых авторов, он и сам станет уважать себя и несколько остынет». Теперь его знают только по мелким стихам и по крупным шалостям, но при выходе в печать его поэмы будут искать в нём если не парик академический, то, по крайней мере, не первостепенного повесу».

В утренние часы 26 марта 1820 года, за два месяца до своего дня рождения, первого на третьем десятке, Пушкин поставил последнюю точку под первой своей поэмой. Вечером он читал последнюю песнь «Руслана и Людмилы» в доме у Жуковского. Учитель и друг был в восторге и подарил молодому поэту свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побеждённого учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила». 1820, марта 26, Великая пятница».

Итак, наслаждение юностью, развитие таланта, создание первого крупного произведения – вот чем были для Пушкина три послелицейские годы. Не ода «Вольность», случайное эхо чужих мыслей, а поэма «Руслан и Людмила», систематическая и кропотливая работа над ней, по меткому выражению пушкиниста Кунина, сделала в эти годы Пушкина Пушкиным. Она принесла ему настоящую славу, затмившую славу скандальную.

В молодости

*Когда на память мне невольно
Придёт внушиённый ими стих,
Я содрогаюсь, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.*

А. Пушкин

Декабрист Якушкин вспоминал:

«Приехав в Каменку, я полагал, что никого там не знаю, и был приятно удивлён, когда случившийся здесь А.С. Пуш-

кин выбежал ко мне с распростёртыми объятиями. Я познакомился с ним в последнюю мою поездку в Петербург у Петра Чаадаева, с которым он был дружен и к которому имел большое доверие. Василий Львович Давыдов, ревностный член Тайного общества, узнавши, что я от Орлова, принял меня более чем радушно. Он представил меня своей матери и своему брату генералу Раевскому как давнишнего своего приятеля. С генералом был сын его полковник Александр Раевский. Через полчаса я был тут как дома. Орлов, Охотников и я, мы пробыли у Давыдова целую неделю. Пушкин, приехавший из Кишинёва, где в это время он был в изгнании, и полковник Раевский прогостили столько же.

/.../. Все вечера мы проводили на половине у Василия Львовича, и вечерние беседы наши для всех для нас были очень занимательны. Раевский, не принадлежа сам к Тайному обществу, но подозревая его существование, смотрел с напряженным любопытством на всё происходящее вокруг него. Он не верил, чтоб я случайно заехал в Каменку, и ему хотелось знать причину моего прибытия. В последний вечер Орлов, Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчёт того, принадлежим ли мы к тайному обществу или нет. /.../. В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке после многих рассуждений о разных предметах Орлов предложил вопрос, насколько было бы полезно учреждение Тайного общества в России. Сам он высказал всё, что можно было сказать за и против Тайного общества. Давыдов и Охотников были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, которую могло бы принести Тайное общество России. Тут /.../ я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование Тайного общества, которое могло бы быть хоть на сколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислять все случаи, в которых Тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой; в ответ на его выходку я ему сказал: «Мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если

бы теперь уже существовало Тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы?» – «Напротив, наверное вы, присоединился» – отвечал он. «В таком случае давайте руку», – сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: «Разумеется, всё это только одна шутка».

Другие также смеялись, /.../ кроме Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился, что Тайное общество или существует или тут же получит своё начало и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженою и высокую цель перед собой, а всё это была только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен».

Эпизод этот в жизни и творчестве поэта был одним из тех, что принято называть переломным.

Выехав из Петербурга, Пушкин менее чем через две недели прибыл к месту назначения в Екатеринославль, а ещё менее чем через две недели он, не приступив к новой службе, был отпущен больным лихорадкою на лечение в Крым и на Кавказ. Генерал-лейтенант Инзов сообщил о поэте в столицу:

«Расстроенное его здоровье в столь молодые лета и не приятное положение, в котором он по молодости находится, требовали, с одной стороны, помочи, а с другой – безвредной рассеянности, а потому отпустил я его с генералом Раевским, который в проезд свой через Екатеринославль охотно взял его с собою».

Это путешествие по дорогам России в компании интеллигентных, прекрасно воспитанных членов семьи Раевских оставило неизгладимый след в душе молодого поэта, об этом путешествии вспоминал он до конца своей жизни. И не столько слово, данное Карамзину и Жуковскому, не писать ничего, что могло бы не нравиться правительству, сколько благотворное влияние общения с семьёй Раевских послужило тому, что всё написанное в месяцы этого путешествия было

прекрасной лирикой. Ни разу не потянуло его к темам политическим, к эпиграммам нелитературным, к скабрезностям. Всё это осталось там, в Петербурге. Надежды Александра I на перевоспитание вольнодумца отлучением от дурно влиявшего на него столичного общества повес и либералов начинали оправдываться.

Едва завершив путешествие прибытием в Кишинёв, Пушкин писал брату: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провёл я среди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нём героя, славу русского войска, я в нём любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душою снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года; он невольно привязывает к себе всякого, кто только достаточно понимать и ценить его высокие качества. Старший сын его будет более нежели известен. Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, – счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, – горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда – увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского».

В Кишинёве Пушкин был посёлён в доме генерала Инзова, переведённого сюда полномочным наместником Бессарабии. Здесь встретил Пушкин немало знакомых, как и он, командированных из столицы для освоения завоёванной Молдавии. Так что жил поэт частью воспоминаниями о путешествии с семьёй Раевских, частью общением с образованными старшими офицерами и генералами из окружения добрейшего Инзова. Не прошло и двух месяцев, а Инзов вновь с легким сердцем отпустил своего поднадзорного в гости к родственникам Раевских, в имение матери генерала Каменку, где отмечали именины её и её дочери Екатерины. Кроме Пушкина приглашены были генерал Орлов, а с ним и Охотников, заехал, якобы повидаться с Орловым, Якушкин.

Эти трое вместе с хозяином Давыдовым использовали встречу для совещаний о своих заговорщицких делах.

Пушкин о заговорщиках ничего не знал, наслаждался новой встречей с Раевскими, набирался впечатлений, писал лирические стихи и поэму «Кавказский пленник». И вдруг этот розыгрыш на грани провокации. Заговорщики почти достигли цели, младший Раевский почти завербован. Но завершить вербовку они не решились из-за присутствия Пушкина.

О том, что отношение к Пушкину заговорщиков было настороженным, говорят воспоминания декабристов. Завалишин пишет о Пушкине, что «его заповедано было не принимать, зная крайнюю его изменчивость. Чем ближе кто его знал, тем более был уверен в этом крайнем его недостатке, имея множество фактов быстрых его переходов от одной крайности к другой и законное основание не доверять ему уже из одного его тщеславного стремления проникнуть в великосветский и придворный круг, чтобы сделаться там своим человеком». Ещё более определённо писал Горбачевский Бестужеву. «Я не могу забыть той брошюрки, которую я у тебя читал, сочинения нашего Ив.Ив.Пущина о своём воспитании лицейском и о своём Пушкине, о котором он много написал. Бедный Пущин – он того не знает, что нам от Верховной думы было даже запрещено знакомиться с поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, когда он жил на юге. (И почему: прямо было сказано, что он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании Тайного общества). Даже и Пущин, ближайший лицейский друг Пушкина, так вспоминал о причинах заставивших его воздержаться от вовлечения поэта в заговор:

«Встреча моя с Пушкиным на новом нашем поприще имела свою знаменательность. Пока он гулял и отдыхал в Михайловском, я уже успел поступить в тайное общество. / .../. Первая моя мысль была открыться Пушкину. /.../ ...он не был тогда в Петербурге, а то не ручаюсь, что в первых порывах, по исключительной дружбе моей к нему, я, может быть,

увлёк бы его с собою. Впоследствии, когда думалось мне исполнить эту мысль, я уже не решался вверить ему тайну, не мне одному принадлежавшую, где малейшая неосторожность могла быть пагубна всему делу. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадёжными пугали меня. /.../. Естественно, что Пушкин /.../ начал подозревать, что я от него что-то скрываю. /.../ Он затруднял меня опросами и расспросами, от которых я, как умел, отделялся, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда по рукам везде ходили, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! В Россию скачет» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов. Нечего и говорить уже о разных его выходках, которые везде повторялись./.../. Конечно, болтовня эта – вздор; но этот вздор, похожий несколько на поддразнивание, переходил из уст в уста и порождал разные толки, имевшие дальнейшее своё развитие, следовательно, и тут даже некоторым образом достигалась цель, которой он несознательно содействовал./.../.

Глядя на него, я долго думал, не должен ли я в самом деле, предложить ему соединиться с нами? От него зависело, принять или отвергнуть моё предложение. Между тем тут же невольно являлся вопрос: почему же помимо меня никто из близко знакомых ему старших наших членов не думал об нём? Значит, их останавливало почти то же, что меня пугало: образ его мыслей всем хорошо был известен, но не было полного к нему доверия».

Итак, исподволь направляя и эксплуатируя талант юного Пушкина в идеологической работе по распространению идей освобождения крестьян, идей равенства и свободы, идей ограничения власти справедливыми законами столичные заговорщики предпочли уклониться от принятия его в тайное общество, не доверяя его человеческим слабостям: непомерному тщеславию, стремлению любой ценой выделиться и быть на виду не только за счёт таланта, но и экстравагантно-

го поведения. Как на императорской службе его числили за штатом, так и в заговоре он оказался внештатным агитатором, что заговорщики скрывали и от него самого.

Так же повели себя и заговорщики-южане. Но предпринятая ими в присутствии Пушкина провокация не прошла для поэта бесследно. В его мыслях, в его творчестве произошел очередной перелом. По сути, розыгрышем в Каменке заговорщики спровоцировали поэта на нарушение слова, данного им Карамзину и Жуковскому, на возвращение к запретным темам и вновь начали эксплуатировать его талант, оставляя в неведении о целенаправленности внештатного сотрудничества в заговоре. Как из уроков Н. Тургенева в столице родилась ода «Вольность», так на юге из бесед в Каменке, прежде всего с Якушкиным, родилось стихотворение «Кинжал», которое настолько возбуждало умы молодёжи, что заговорщики чтение его включили в ритуал принятия своей присяги, о чём Пушкин и не догадывался.

И в столице, и на юге заговорщики исподволь подбрасывали поэту идеи, вдохновляли его на поэтические строки и сами от них вдохновлялись. Однако, в отличие от «воспевания» до конца жизни свободы, вольности и чести, радикальная «революционность» и юного, и молодого Пушкина ограничилась редкими плодами внушённого вдохновения, не стала темой для систематической работы. И слава Богу!

Валерий Болтунов

**«Полу-милорд» М.С. Воронцов в эпиграммах
А.С. Пушкина и в истории**

(Проблема умолчания в пушкинистике)

«Мало ли что мне приходит на ум в дружеской переписке – а им бы всё и печатать».

А.С. Пушкин – брату из Одессы, апрель 1824 г.

Странный обычай чтить память славного человека, навязывая на нее и то, от чего он отрекся, и то, в чем неповинен он душою и телом. Мало ли что исходит от человека! Но неужели сохранять и плевки его на веки веков в золотых и фарфоровых сосудах?»

Вяземский П.А.¹.

Проблема умолчания в литературоведении (также и в пушкинистике) связана с необходимостью деидеологизации художественного творчества вообще. Сама идеологизация господствовала в искусстве на протяжении последнего столетия, да и нынешний авангард (или поставангард, как хотите) с его откровенным цинизмом и нравственным эпатажем констатирует отсутствие в обществе потребления каких-либо духовных ценностей, т.е. внедряет в сознание идею о совершенной бессмысленности нашей жизни. На фоне такого замещивания идеологизация дворянского периода русской литературы в советские времена выглядит совсем невинно: партийные идеологи высокую духовность литературной клас-

¹ Пушкин в воспоминаниях современников. – Т. 1. – М.: 1974. – С. 155.

сики не отвергали, а пытались даже углубить с помощью каких-то новых критериев.

Эти критерии располагали к себе: наличие в произведении сочувствия к социально незащищённым, страдающим, отсюда – проявление классовых симпатий писателя или линия его последовательного атеизма (лучше – «воинствующего атеизма», никакого «заигрывания с боженькой» по В.И. Ленину и т.д.). Такое положение находилось в вопиющем противоречии с советской действительностью. «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвленна стала,» – читали мы у Радищева и с щемящей сердце болью жили рядом с нищетой и бесправием советской деревни...

И всё-таки, чтобы понять день сегодняшний и расставить хоть какие-то духовные ориентиры, надо разобраться изначально в назначении образного мышления и художественного слова, в частности. Иначе ложные критерии, о которых мы только что сказали, приводят лишь к социальному отчаянию: жизнь идёт своим чередом, а все *кружева*, развешиваемые искусством, не только не изменяют её к лучшему, но помогают одним обманывать других.

Из всего клубка мифов и идеологизаций творчества и личности А.С. Пушкина мы выберем маленькую тему – отношения его с наместником южного края Михаилом Семёновичем Воронцовым.

Самое известное, что сказал Пушкин о графе Воронцове, своём непосредственном начальнике в Одессе, это, конечно, эпиграмма, известная ещё как «стихи к портрету»:

*Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.*

Этот стих-экспромт долго ходил в устном пересказе, в списках. Сам Пушкин сообщил его П.А. Вяземскому в письме от октября 1824 года, уже из Михайловской ссылки, но в несколько иной редакции:

*Полугерой, полуневежда,
К тому же ёщё полуподлец!..
Но тут, однако же, есть надежда,
Что полный будет наконец.*

Различия, как видим, есть, и резкость эпиграммы от того существенно не изменилась. Однако непонятно, почему потом, когда публикация эпиграммы стала возможной, печатался и печатается её устный вариант, если, как известно, все стихи старательно сверяются с автографами, а в данном случае вариант из письма к Вяземскому помещается только в приложениях?

Обстоятельства, склестнувшие этих двух людей – Пушкина и Воронцова – и получившие интерпретацию в биографиях поэта, также не были сверены с мемуарными свидетельствами, с разных сторон подходящими к этим обстоятельствам.

И.П. Липранди: «До отъезда Пушкина я был еще раза три в Одессе и каждый раз находил его более и более недовольным; та весёлость, которая одушевляла его в Кишиневе, проявлялась только тогда, когда он находился с мавром Али. Мрачное настроение духа Александра Сергеевича породило много эпиграмм, из которых едва ли не **большая часть была им только сказана, но попала на бумагу и сделалась известной**. Эпиграммы эти касались многих и из канцелярии графа, так, например, на начальника отделения Артемьева особенно отличалась от других своими убийственными, но верными выражениями. Стихи его на некоторых дам, бывших на бале у графа, своим содержанием раздражали всех. Начались сплетни, интриги, которые еще более раздражали Пушкина. Говорили, что будто бы граф через кого-то, изъявил Пушкину свое неудовольствие (*справедливо! – В.Б.*) и что это было поводом известных стихов к портрету». Можно предположить, что и добрейший И.Н. Инзов в Кишинёве в этом случае сделал бы своё *изъявление*, и что же – заслужил бы также эпиграмму?

В примечании к своим воспоминаниям Липранди написал: «Пушкин заверял меня, что стихи эти написаны не были, но как-то раза два или три им были повторены и так попали на бумагу». Далее: «Услужливость некоторых тотчас же распространила их. Не нужно было искать, к чьему портрету они метили. Граф не показал вида какого-либо негодования: по-прежнему приглашал Пушкина к обеду, по-прежнему обменивался с ним несколькими словами (! – В.Б.). Но не то Александр Сергеевич думал видеть в графине, заметно сделавшейся холоднее...»².

В.П. Горчаков: «С первого дня представления Пушкина гр. Воронцову уже поселило в Пушкине нерасположение к графу, а далее совокупность различных выходок графа, наведенного другими врагами Пушкина, зажгли эту яркую надпись к портрету...»³.

В воспоминаниях современников, как видим, также прослеживаются некоторые разночтения, но то, как говорится, в порядке вещей, то есть в порядке существования экспромта в устной традиции на грани анекдота, утерявшего первооснову – подлинное слово автора. Как пушкинисту в таком случае подходить к изучению этого слова?

Был ли действительно у Пушкина вариант первого определения графа – «полу-милорд»? Оно, пожалуй, самое точное из всех, и вот почему. Фигура графа Воронцова, сына российского посла в Англии, получившего там же своё воспитание, вполне уместно ассоциировалась с английским рыцарским титулом лорда. Воронцовы имели титул графов, и в России они – одна из знатнейших фамилий, имевших богатую служебную родословную. Но в эпиграмме, как и следует, идёт сознательное снижение геральдических достоинств, содержащее намёк на излишнее чванство имярека, не подкреплённое высшим российским титулом князя.

Что можем мы узнать из биографии недоброжелателя Пушкина, сыгравшего, как известно, свою роль в ссылке

² Пушкин в воспоминаниях современников. – Т. 1. – С. 342, 343.

³ Там же. – С. 342.

поэта в сельскую глушь? Уже в известной книге «Пушкин и его окружение» читаем: «Воронцов Михаил Семенович, граф (1782 – 1856), – участник Отечественной войны, с мая 1823 новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области, впоследствии главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, генерал-фельдмаршал, светл. князь»⁴. Это – «светлейший князь» – в конце далеко-далеко не полного, как мы впоследствии убедимся, приведённого Л. Черейским послужного списка очень значимо в теме нашего разговора: выходит, М.С. Воронцов, граф во времена Пушкина, стал-таки затем князем, да ещё «светлейшим»!

Кажется, что в том удивительного? В другой нелестной характеристике своего начальника Пушкин называет его «вандалом, придворным хамом и мелким эгоистом», так что быть «придворным хамом» и не заслужить в конце концов высшего титула – совсем неудивительно! Знать, прав оказалася Пушкин в *своих «надеждах»*, и Воронцов стал-таки «полным» милордом-князем?

Мы бы остановились здесь, на этом открытии, если б не знали того, как пристрастны были биографы советского периода по отношению к недоброжелателям поэта. Поэтому задача наша – воссоздать подлинность характеров двух людей, несходство которых, усугублённое ещё некоторыми важными обстоятельствами, привело к конфликту. (*Подробнее см. главу «Чиновная служба. Покровители и начальники» в книге «Слава быть пушкинистом...»*)

Даже принимая за правду мемуарные свидетельства о желании добра Пушкину Воронцовы, надо согласиться, что в письмах к Нессельроде наместник настаивал на удалении Пушкина из Одессы, предполагая, что отставки от ссылки не бывает, а однажды ссыльному вполне могут грозить Соловки. Как бы то ни было, Пушкин оказался в Михайловском, и всякая мысль о Воронцове могла вызывать у него раз-

⁴ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л.: 1979. – С. 78.

дражение, оканчивающееся нелицеприятными для графа строками.

И кроме эпиграммы «Полу-милорд, полу-купец...», известно ещё несколько поэтических выпадов против Воронцова. Первым считается следующее четверостишье 1824 года:

*Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал,
И, положусь, не прощё грава.*

В Примечаниях читаем: «Черновой неразборчивый набросок. Последние строки читаются предположительно...»⁵. После такого комментария заносить эти стихи Пушкину в актив в его заочном противостоянии Воронцову несерьёзно. Они так и остались черновыми, без единой поправки. И Пушкин наверняка о них забыл – они написаны по минутному приступу злости на своего начальника-«Голиафа».

Следующий повод для стихотворной мести приходится на начало 1825 года:

*Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удавлен...*

До Пушкина дошёл факт (анекдот, как говорили в начале того века), случившийся под Тульчином 1 октября 1823 года. После смотра войска, устроенного императором, командиром 7-го пехотного корпуса Рудзиевичем был дан обед. И в начале этого обеда Александр I поделился с присутствующими новостью: «Messieurs, je vous felicite: Riego est fait prisonnier»⁶. Речь шла об аресте вождя испанских революционеров.

Спрашивается, почему русский царь преподнёс эту новость как поздравление русским же офицерам? Дело в том, что незадолго до этого Александр I участвовал в Веронском

⁵ Томашевский Б.В. Примечания // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. – Т. I. – М., 1981. – С. 402

⁶ Господа, я вас поздравляю: Риего схвачен (фр.).

конгресе Священного союза, где его участники уполномочили французское правительство ввести свои войска в Испанию для подавления там революции. Всё случилось довольно-таки быстро, и министр иностранных дел Франции Шатобриан уже через полгода сообщил немаловажную новость русскому императору. Так что успех французских интервентов был успехом России в её внешней политике.

И вот реакция сидящих за столом высших офицеров со слов будущего декабриста Басаргина: Воронцов после поздравления первым сказал: «Какое счастливое известие, Ваше Величество». «Эта выходка так была неуместна, что ответом этим он много потерял тогда в общем мнении. И в самом деле, зная, какая участь ожидала бедного Риего, жестоко было радоваться этому известию». Попробуем реконструировать обстановку. Царь сделал сообщение и поздравил присутствующих. Я не думаю, что за столом произошла немая сцена, скорее, можно сказать, было какое-то оживление. Но кто бы посмел тут первым благодарить царя за положительное известие о военной компании союзников? Любой рисковал стать выскочкой и льстецом. Любой, кроме старшего и самого уважаемого генерала.

Поэтому свидетельство либерала Басаргина очень пристрастно: «В ответ – молчание и потупленные глаза. Риего был символом испанской революции и у многих нашёл должное сочувствие»⁷ (выделено мной. – В.Б.). Можно подумать, за столом сидели сплошь вольнодумцы, примерявшие в будущем на себя мундир генерала Риего в России.

Конечно, эпизод с Воронцовым, донесённый до Пушкина кем-то, кто был связан с либералами (или самим либералом, например, лицейским другом Пущиным, как раз навестившим в то время михайловского ссыльного), произвёл на Пушкина нужное впечатление:

«Я очень рад», – сказал усердный льстец...
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.

⁷ Мемуары декабристов. Южное общество. – М.: 1982. – С. 30.

*Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?..*

Вновь узнаём здесь натуру молодого Пушкина: вспыхнуть и страстно сделать обобщение, покривив чуть при этом правдой. Если Воронцов льстил и этот грех был бы понятен, то где в его словах «ругань над жертвой палача»?

Но вернёмся к автографу эпиграммы, приведённому в письме к Вяземскому. Как видим, в ней, кроме разобранного нами «полу-милорда» отсутствуют менее хлесткие определения – полу-купец, полу-мудрец. Если таковые в устном экспектоме и были, то затем Пушкин их сознательно убрал, почувствовав в них большую натяжку, а попросту – неправду. В комментариях к стихотворению этот «полу-купец» легко объясняется следующим доводом: «на юге Воронцов, как генерал-губернатор, покровительствовал торговле и сам занимался коммерческими сделками». Ясно, что подтекст этого комментария язвителен, в духе опять же отношения к человеку, оказавшемуся гонителем поэта.

Второе же – «полу-мудрец» в одной строке с «полу-невеждой» – было, конечно же, некорректной антиномией. Как пишет тот же Черейский, Пушкин после «ласкового» приёма в доме Воронцова потом «пользовался библиотекой князя», собранной, естественно, в соответствии с широкими интересами хозяина, а не по какой-то моде.

Присутствие в обеих редакциях самого резкого определения «полу-подлец» объяснено теми обстоятельствами, которые привели к конфликту, а больше – характерами этих людей, как я уже сказал.

Остаётся последнее: Воронцов – «полугерой», заменивший в автографе Воронцова – «полу-милорда». Надо думать, генерал-полугерой заслуживал бы такого презирательного звания, если бы не участвовал в военных действиях, а делал военную карьеру в свите императора.

Загадка приводит нас к Словарю Брокгауза и Ефроня. Будущий генерал-фельдмаршал Воронцов начинал свою карьеру в 1803 году, когда был прикомандирован к командую-

щему Кавказской армией князю Цицианову и участвовал в походах против горцев, в том числе в «несчастной экспедиции в Закатульское ущелье (15 января 1804 г.), где едва не погиб»⁸. В сентябре 1805 года он уже в шведской Померании с десантными войсками генерал-лейтенанта графа Толстого участвует в блокаде крепости Гомельн.

В антинаполеоновских войнах молодой граф участвует в сражении под Пултуском (1806 г.), в битве при Фридланде (1807 г.), командуя 1-м батальоном лейб-гвардии Преображенского полка.

В 1809 году Воронцов назначен командиром Нарвского пехотного полка и направлен в Турцию, где участвует в штурме Базарджика и в сражении под Шумлой. На Балканах освобождает от турок города Плевну, Ловчу и Сельви. В кампании 1811 года участвует в сражении под Рущуком, под Каляфатом и «в удачном деле под Виддином».

В Отечественной войне 1812 года гр. Воронцов в армии князя Багратиона участвует в сражении под Смоленском, а в битве под Бородином защищает укрепления при деревне Семёновской (знаменитые Семёновские флеши) и получает рану. На излечение в своё имение «он пригласил около 50 офицеров и более 300 рядовых, пользуясь ими у него заботливым уходом. Едва поправившись, Воронцов вернулся в строй и был назначен в армию Чичагова... находился в деле под Денинвицем и в битве под Лейпцигом. В кампании 1814 года при г. Краоне блестательно выдержал сражение против самого Наполеона; в сражении под Парижем... занял предместье ла-Вилетт. В 1815 году Воронцов назначен командиром оккупационного корпуса, занимавшего Францию до 1818 года, и оставил по себе там наилучшие воспоминания...»⁹.

Закончена первая половина послужного списка графа Воронцова, которая должна была быть известна дворянскому обществу времён Пушкина и из простого интереса – са-

⁸ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона. – Том VII. – СПб.: 1892. – С. 222.

⁹ Там же.

мому поэту, собирающемуся, если не служить, то хотя бы вступить в служебные отношения с будущим начальником.

В свите И.Н. Инзова двусмысленность положения Пушкина не была заметна, но эта деликатность кишинёвского наместника в отношении опального поэта сослужила последнему недобрую службу. Даже при более сдержанном поведении Пушкина в Одессе новому патрону, М.С. Воронцову, не пришлось выдумывать повода для формального привлечения ссылочного чиновника к службе – к инспектированию Херсонских степей по саранче, что Пушкин принял как вызов, оскорбление.

Но он не принял во внимание, что особого положения на службе у Воронцова у него не было, да и не могло, как у Инзова, быть. Деликатность начальствующего в отношении к подчинённым – вещь очень личная, не предписываемая никаким циркуляром. А тому, кто хотя бы немного задумывается о дальнейшей судьбе своей, необходимо с переменой мест и действующих лиц иметь с главным лицом разговор, при котором были бы исчерпана та самая двусмысленность положения опального поэта и в то же время – ссылочного столичного чиновника.

Пушкин этого не сделал, но нам важно подчеркнуть неопытность его в таких делах, а неадекватность его поведения при столкновении с такой заслуженной вельможной личностью, какой был Воронцов. Возможно, в Пушкине уже в это время вызревало представление об аристократизме как неотъемлемом качестве любого благородного и честного человека, что станет он отстаивать в конце 20-х... Несомненно, в Одессе столкнулись две незаурядные личности. И нам не приходится говорить об их какой-то исторической равновеликости. А в то время со стороны Пушкина неправомочно было по Табели о рангах своим поведением заявлять о каком-либо равенстве, если речь не шла о защите чести и достоинства.

Вот почему оценка отношения Воронцова к поэту была двоякой: принял Пушкина в дом, позволил пользоваться библиотекой, сам не знаток изящной словесности, ввёл в круг

интересов своей жены, в котором уже находились поэты и поклонники её – В.И. Туманский, А.Н. Раевский, Ф.Ф. Вигель, не спешил использовать по службе. Но был задет тем, что молодой поэт заслужил особое расположение Елизаветы Ксаверьевны, – так было это, возможно, преподнесено его сиятельству одним человеком, сыгравшем в этом роль шекспировского Яго. И тогда граф Воронцов стал настойчиво просить министра Нессельроде забрать со службы Пушкина.

Пробовал ли он использовать его на службе? Да, как это слишком хорошо известно по истории с саранчой. И.П. Липранди писал, что граф сделал это, чтобы дать отличиться Пушкину по службе, может быть, хотел сделать так не один раз, а потом положительно аттестовать и таким образом приблизить час прощения поэта, возврата его в Петербург: «граф послал и от себя несколько военных и гражданских чиновников (от полковника до губернского секретаря); в числе их был назначен и Пушкин положительно с целью, чтобы по окончании командировки иметь повод сделать о нем представление к какой-либо награде. Но Пушкин, с настроением своего духа, принял это за оскорблечение, за месть и т.д. Нашлись люди, которые вместо успокоения его раздражительности старались еще более усилить оную, или молчанием, когда он кричал во всеуслышание, или даже поддакиванием, и последствием этого было известное письмо его на французском языке к графу в сильных и – можно сказать – неуместных выражениях».¹⁰

И позже любое упоминание по какому-нибудь поводу Воронцова порождало у Пушкина прилив желчи и обличающие стихи: в Михайловском, 1825 год – «Сказали раз царю, что наконец...», с неустановленной датой – «Не знаю где, но не у нас...» Но это всё так – незначительные уколы, хотя поэт пробовал превознести себя: «Певец Давид был ростом мал, / Но повалил же Голиафа...»

Пушкин с Воронцовым не сошлись характерами. Пушкин не смог принять в отношениях с ним правильный тон,

¹⁰ П. в воспоминаниях. – Т. 1. – С. 343.

который бы нисколько не подчёркивал его подчинённость и в то же время напоминал, что он здесь *на службе, но не по своей воле*. Опять вокруг него наматывался ком сплетен, Пушкин раздражался и в раздражительных состояниях писал эпиграммы. Но гнев, желчность не способствуют ни таланту, ни рассудку. По рассудку понятно, что наместник, старший на 17 лет, – человек заслуженный, не чиновник, не полу-герой, а подлинный военачальник. И в то же время – хозяин-сторонник: «полуденный новороссийский край ждал лишь искусной руки...»¹¹, Воронцов развивает земледельческую и промышленную деятельность (дороги, лесонасаждения, виноделие, овцеводство). Он вводит регулярное пароходство по Чёрному морю, отстраивает Одессу и Крымское побережье. Он сам входит в учрежденное им Общество сельского хозяйства, имеет в нём коммерческий интерес (вот откуда «полу-купец»).

3 года пробыл Воронцов в Одессе, а с 1826 года при обострении отношений с Турцией он вновь на дипломатической и военной службе. 17 августа 1828 года прибыл в войска, осаждавшие Варну, сменил там раненого Меньшикова, 28 сентября крепость сдалась. Пушкин тоже побывал на этой войне, только на Кавказском её фронте. Он был теперь не просто признанный, а «коронованный» возвращённый из ссылки поэт. Но не свободен от царского ока, а главное – от шефа III отделения канцелярии Е.И.В.

С Бенкендорфом – никаких фамильярностей, тот при «вытирании слёз» подданным, как высокопарно определил Николай I его функции, держит всех на расстоянии, в поклоне. Есть с кем сравнить теперь Пушкину своего недавнего патрона, дом которого посещал, пользовался библиотекой, говорил смелые комплименты жене...

Осталось мнение П.И. Бартенева, что впоследствии Пушкин осознал «неблаговидность» своего отношения к Воронцову. И эпиграмму поэт не раз, наверно, пересмотрел, при-

¹¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрана. – Том VII. – С. 222.

зная её сплошь несправедливой, постыдной, да вот незадача, осталась она гулять по свету в списках, на радость охлократии, пришедшей через сто лет в России к власти. «Наш поэт Пушкин, – сказали пролетарии. – Вон как отдал царского сатрапа: «полу-подлец, полу-невежда»!

А этот «сатрап» уже после смерти поэта был назначен главнокомандующим войск на Кавказе и за поход к Дарго, аулу – резиденции Шамиля, за взятие «твёрдынь Дагестана» – аулов Гергебиль и Салты – получил титул светлейшего князя. Сбылись надежды Пушкина: «полу-милорд» стал настоящим лордом с равнозначным ему титулом – князь! И только в возрасте 71 года, за три года до смерти, М.С. Воронцов вышел в отставку.

А эпиграмма на гр. Воронцова причём, в том, списочном, варианте стала помещаться во все собрания сочинений как основная, более того, стала обязательной для любых сборников и школьных хрестоматий. Это соответствовало мифу о Пушкине, якобы на протяжении всей жизни бывшему вольнолюбивым и задиристым поэтом и человеком. Тем самым, характер, наклонности и взгляд на сочинительство юношеского периода распространялись на всё творчество, и осколился тем настоящий Пушкин с его Мыслью, с его христианским менталитетом.

Конечно же, при идеологизации и тенденциозном толковании художественного творчества не замечались как бы и даже исключались из сборников не соответствующие этой тенденции произведения, замалчивались соображения и протесты самого Пушкина, воскликнувшего как-то: «не должен отвечать я за грехи своей молодости!»

Тему умолчания поднял П.В. Анненков, характеризовавший в 70-е годы XIX века новое собрание сочинений Пушкина под ред. П. Ефремова. В нём издатель сделал некоторый шаг по устраниению искажений и купирования произведений цензурой, но зато «присоединил... новооткрытые эпиграммы, памфлетные выходки, частные развязные записочки и легкие импровизации поэта, которые г. Ефремов, за неимением никакого другого нового и серьезного материала под

рукой, выдает за важные приобретения и помещает в соседство со всеми высокими проявлениями пушкинского гения... Редактор не подумал, что полнота полноте рознь, и бывает не только нежелательная, но и положительно вредная полнота для сборников, та именно, которая способна помрачить установленный, всеми признанный лик писателя или дать ему другое выражение, чем обыкновенно носимое им или приписываемое ему, – разве только это изменение нравственной физиономии автора входит в намерения самого издателя и составляет цель его сборника. Но без такого намерения перехватывать каждое слово,пущенное на ветер поэтом в минуту искусственного воодушевления и записанное его неразборчивыми друзьями, следить за каждой его застольною импровизацией, заниматься, как важным делом, каждой минутною, нецеремонною его шуткой, все это уже представляется заблуждением страстного библиографа, но не делом эстетического вкуса и понимания». ¹²

И далее Анненков даёт совершенно последовательное понимание критериев умолчания, избавляя нас от необходимости вразумлять сегодняшних издателей. Принимая во внимание редкость книги. П.В. Анненкова,¹³ возьмём на себя обязанность представить из неё некоторые извлечения: «Как бы ужаснулся сам Пушкин, если бы мог предчувствовать при своей жизни, что наступит время, когда каждая строка, сбекавшая с его пера и им позабытая, каждое слово, сорвавшееся с языка и преданное им забвению, предстанут снова на свет без пояснений, часто даже обезображеные поправками, и притом в виде добавки к его жизненному подвигу!.. Известно, что Пушкин сам записал в тетрадях своих некоторые очень резкие и яркие проблески своей пылкой, увлекаю-

¹² Анненков П.В. Новое издание сочинений Пушкина под ред. П. Ефремова / П.В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. – Минск.: 1999. – С. 318 – 319.

¹³ Переиздание работы «Пушкин в Александровскую эпоху» после 1878 года отмечено за весь ХХ век один раз – в год 200-летнего юбилея А.С. Пушкина, и то не в России.

щейся природы, и записал, видимо, с целью сохранить перед глазами для будущих лет всю прошлую свою жизнь во всей ее наготе. Впоследствии он черпал из этой скорбной хроники потрясающие мотивы для стихотворений, в которых слышался вопль раскаяния, да, вероятно, при более долгой жизни, рассказал бы по той же хронике и все болезни и страдания своей души, с ее падениями и возвращениями к свету, в поучение современникам и потомству. Наша задача, как ближайших его потомков, совсем другая; мы не можем следовать примеру Пушкина и приводить печальные документы его жизни просто как документы, не освещая их мыслью и оценкой обстоятельств и среды, из которых они выросли. Зная уже теперь вполне нравственную сущность великого человека, все психические элементы, образовавшие его личность, все благородные стремления его души и непогрешимую чистоту всех его мыслей и поэтических замыслов, мы имеем право и должны сказать, что те низменные проявления раздраженного, буйного и скандального творчества, о которых здесь идет речь, Пушкину не принадлежат в обширном смысле слова, хотя бы от них остались несомненные автографы, хотя бы они были записаны собственною его рукой на страницах его тетрадей. Они не выражают ни настоящей его природы, ни его развития, ни даже подлинного его настроения в минуту, когда были писаны. Они ничем не связаны с его действительною мыслью, не имеют корней во внутреннем его мире, не отвечают никакой склонности его ума или сердца. Все они суть детища брожения и замашек его времени, должны считаться эхом того говора и шума толпы, которая следила за ним по пятам всю жизнь, произведениями таланта, неверного самому себе, совести, изменившей собственным своим началам».¹⁴

К таким «произведениям таланта, неверного самому себе», относится и эпиграмма Пушкина на графа Воронцова, и не след печатать её «на светлом фоне его поэзии». Так

¹⁴ Анненков П.В. Новое издание сочинений Пушкина под ред. П. Ефремова. – С. 319 – 320.

возникает мысль о необходимости в некоторых случаях умолчания о тех «произведениях», которые никак нельзя отнести к духовному наследию поэта. И согласимся с Анненковым: «Нет сомнения, что увлечения, порывы уклонения Пушкина от прямой своей дороги, в которых он так часто раскаивался при жизни, должны были найти себе место в собрании его сочинений, но не иначе, как отделенные от цикла созданий, стяжавших ему славное имя, и не иначе, как в виде паразитов, открытых на светлом фоне его поэзии и с целью поучительного примера».¹⁵

Применительно к разговору об умолчании вспомним такие строки Пушкина:

*Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.*

В стихотворении «Герой» речь идёт не о лжи и просто обмане, а – о «возвышающем обмане». Вдумайтесь, как гениальна эта формула – «*нас возвышающий обман*», применённая поэтом как раз в разговоре о жизни великих людей! Причём Пушкин так деликатен в преподнесении этой формулы, он говорит: «мне дороже», а вы, мол, судите, как хотите...

Итак, обман, но возвышающий! А если не обман, а только умолчание? Тем более это нравственнее, чем «развешивание мокрых моих простыней», как говорил сам Пушкин. А попытки чуть-чуть пригладить и всё-таки *развесить* ведут к обратному. Анненков о стихах, впервые обнародованных Ефремовым, заметил: некоторые из этих текстов издатель «подверг исправлениям, которые потом сделались притчей у фельетонной нашей печати (и напрасно, скажем мы от себя: переделки эти, каковы бы ни были, все-таки свидетельствуют о сохранившихся еще остатках уважения к публике); а в других заменил особенно резкие слова и стихи точками,— но поправленные и оставленные с одними пропусками одинаково отдают крепким букетом литературного скандала. Перенося их из рукописных частных сборников и школьных

¹⁵ Там же. – С. 319.

тетрадок доброго старого времени прямо на страницы своего издания, посвященные пушкинскому тексту, редактор не подумал, что все старания его замаскировать их содержание тем или другим способом только увеличивают соблазн и силу ядовитых их намеков. Разбирать смысл этих произведений по чертам, какие они сохранили еще на себе, значит просто упражняться в неблагопристойностях».¹⁶

Анненков приводит некоторые тексты Пушкина, «достойные» умолчания из-за минутной их фривольности, не творческого, а сугубо бытового назначения и т.д. (см. выше). К этому мне хотелось бы добавить даже не случайную, может быть, для молодости игру пера на тему посмеяния веры и религии. (*Заметим сразу – не сатирические замечания по поводу церкви как института и некоторых церковнослужителей, достойных того, а именно – Веры*). Одним из первых произведений, которые необходимо последовательно выносить за рамки популярных изданий, является пресловутая поэма «Гаврилиада». От неё отвернулся и покаялся ещё при жизни сам Пушкин, Николай I поверил в это покаяние и остановил преследование за неё поэта…

Но это – тема уже иного дискурса.

¹⁶ Анненков П.В. Новое издание сочинений Пушкина под ред. П. Ефремова. – С. 321.

Феликс Кильцов

Инженерный офицер*

(О профессиональной принадлежности героя «Пиковой дамы» А.С.Пушкина)

Инженеры зело потребны суть при атаке или обороне какова места; и надлежит таких иметь, которые не токмо фортификацию основательно разумели, и в том уже служили, но чтоб и мужественны были, понеже сей чин паче других страху подвержен есть.

(Из воинского устава Петра I)

Вопрос о прототипе и профессии героя пушкинской повести «Пиковая дама» Германна неоднократно обсуждался на страницах научных изданий, однако до сих пор остается открытым. Тем не менее, выражаясь словами академика М.П. Алексеева, «выяснение действительных намерений Пушкина имеет для нас далеко не второстепенное значение». Не смогла, на мой взгляд, поставить точку в этой дискуссии и авторитетная монография академика «Пушкин. Сравнительно-исторические исследования»,¹ один из разделов которой полностью посвящен обоснованию профессии Германна.

Свою аргументацию автор монографии выстраивает по следующей схеме: 1) Германн – инженерный офицер, он беден и расчетлив; 2) находясь в спальне старой графини, он, несмотря на свою молодость, испытывает « волнение, охва-

* Печатается с сокращениями.

¹ Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984.

тившее его перед решающим для его судьбы разговором со старухой, все же не может вовсе забыть о впечатлениях, связанных с его инженерной специальностью»; 3) он наблюдателен профессионально, прекрасно разбирается в технике, имеет аналитический ум и превосходную память. Следовательно, он обучался в учебном заведении (разумеется, инженерном), где лучше поставлены точные науки, в том числе математика. Таких учебных заведений в 1820–1830 годы в России было только два: Главное инженерное училище и Институт инженеров путей сообщения, оба находящиеся в Петербурге. Доверившись воспоминаниям А.И. Дельвига (лица сугубо заинтересованного) о том, что «главное инженерное училище по преподаванию в нем наук, стояло постоянно ниже Института», М.П. Алексеев делает смелый вывод о том, что Германн, без сомнения, выпускник лучшего из них, а значит – Института инженеров путей сообщения. Следовательно, возможными прототипами Германна являются лично знакомые Пушкину офицеры Корпуса путей сообщения – Н.М. Языков, Э.И. Губер или А.И. Дельвиг.² Он пишет: «...в лице Германна Пушкин изображал не офицера Главного инженерного училища, как предполагал Д.П. Якубович, а инженера корпуса путей сообщения или, что еще более вероятно, слушателя офицерских классов Института путей сообщения» И далее: «Пушкин хорошо знаком был с целым рядом инженерных офицеров и к некоторым из них он приглядывался очень внимательно. Около года провел в инженерном корпусе Н.М. Языков; позже офицером того же корпуса был Э.И. Губер, переводчик «Фауста». В годы, непосредственно предшествовавшие созданию «Пиковой дамы», Пушкин близко знал молодого инженерного офицера Андрея Ивановича Дельвига...».³

При всей логичности этих рассуждений они, тем не менее, страдают досадными неточностями, связанными с недостаточной осведомленностью автора монографии с исто-

²Там же. – С. 123.

³ Там же.

рией развития военно-инженерного дела в России, что, несомненно, отложило свой отпечаток на ход рассуждений.

Сразу уточним. Э.И. Губер, и А.И. Дельвиг относились не к Инженерному корпусу, а к Корпусу путей сообщения, следовательно, они были не инженерными офицерами, а офицерами путей сообщения. Н.М. Языков же офицером вообще не был.

Для того чтобы разобраться в том, кем был Германн по профессии, кто мог быть его прототипом, надо уяснить, прежде всего, следующее: 1) кого в России называли «инженерными офицерами»; 2) какая разница между Корпусом путей сообщения и Инженерным корпусом, и имело ли место преобразование одного из них в другое; 3) был ли Институт инженеров путей сообщения «на более высокой ступени» по отношению к Главному инженерному училищу; 4) какова же, наконец, была профессия Германна и кто мог, исходя из этого, быть его прототипами. Отсюда – задачи: 1) показать, что Германн был не офицером Корпуса путей сообщения, а военным инженером, т.е. офицером Инженерного корпуса; 2) что Германн мог быть выпускником любого военного учебного заведения, но при этом – обязательно офицером Инженерного корпуса; 3) что прототипами Германна могли быть лишь хорошо знакомые Пушкину военные инженеры.

Обратимся непосредственно к «Пиковой даме». Хотя неопределенное слово «инженер» в повести мелькает очень часто, сочетание «инженерный офицер» мы встречаем лишь однажды, в IV главе: «Во все время шутил он над ее пристрастием к инженерным офицерам...». Правда, во второй главе из диалога Томского с Лизаветой Ивановной мы узнаем, что Германн был *военным инженером*:

– Кого вы хотите представить? – тихо спросила Лизавета Ивановна.

- Нарумова. Вы его знаете?
- Нет! Он военный или статский?
- Военный.
- Инженер? (VIII, 232)

Задавая вопрос Томскому, Лизавета Ивановна, несомненно, ожидала услышать от него о том *инженерном офицере*, которого она в последнее время все чаще стала замечать под своим окном. Примечательно то, что она без подсказки определила принадлежность таинственного воздыхателя к военным инженерам, что свидетельствует о ее осведомленности по части военной формы одежды настолько, чтобы отличить военного инженера от офицеров других родов войск. На балах и рятах офицеры в то время появлялись, как правило, только в военной форме, и уж кто-кто, а светские дамы прекрасно разбирались в ее деталях – ведь от этого порой зависела их судьба. О том, что она действительно узнала в незнакомце инженерного офицера, свидетельствует окончание вышеприведенного диалога:

«– *Нет! кавалерист. А почему вы думали, что он инженер?* Барышня засмеялась и не отвечала на слова».

Этот смех и молчание как раз подтверждают мою догадку.

Заглянем в Словарь языка Пушкина. Слово «инженер» (замечу – даже без уточнения «военный») толкуется в нем как «офицер – специалист по военным сооружениям, фортификации». Это слово впервые появилось в России в конце XVII – начале XVIII века и изначально относилось к сугубо военной профессии. Первые русские инженеры входили в штат артиллерийских частей и занимались в значительной мере вопросами инженерного обеспечения боевых действий этого рода войск: оборудованием артиллерийских позиций, обеспечением продвижения артиллерии по пересеченной местности и переправ ее через водные преграды и другие естественные препятствия. Кроме того, они широко использовались для подземно-минной войны с целью разрушения крепостных стен противника пороховыми фугасами, строительства крепостей и других военных сооружений. С появлением же специальности инженера путей сообщения, употребляемое ранее слово «инженер», относящееся лишь к офицерам Инженерного корпуса, получило прилагательное «*войеный*», а Инженерный корпус стал называться *Корпусом*

военных инженеров. Офицеры же Корпуса путей сообщения стали называться *инженерами путей сообщения*.

Опираясь на труды Е.Соколовского и С.Житкова, автор монографии пишет: «Корпусу инженеров, образованному по указу Александра I в 1809 г., было повелено «быть на положении воинском», а после его преобразования в Корпус путей сообщения он сохранял военный характер, как и образованный при нем Институт корпуса путей сообщения».⁴ Здесь сразу допущено две неточности. Во-первых, в 1809 году был создан Корпус путей сообщения как отдельная структура, подчиняющаяся министерству путей сообщения, т.е. организации сугубо гражданской (а не Корпус инженеров). Во-вторых, при Корпусе путей сообщения был открыт не Институт путей сообщения, а Институт инженеров путей сообщения.

Инженерные же войска (т.е. чисто воинские подразделения и части) получили свою самостоятельность, начиная с 22 декабря 1722 года, когда «директором над всеми крепостями назначен был генерал-майор де-Кулон с подчинением ему всех инженеров и минной роты, причем для управления делами учреждена особая инженерная контора <...> Все это позволило Петру I в конце его царствования составить штат *инженерного корпуса*».⁵ Заметим эту дату образования Инженерного корпуса – 22 июня 1722 года, – официально принятую в инженерных войсках. Таким образом, Корпус военных инженеров был учрежден на 87 лет раньше Корпуса путей сообщения и никогда с ним не сливался (он существует и по сей день под названием – инженерные войска Российской армии).

В 1804 году была учреждена Инженерная школа на 25 воспитанников в Санкт-Петербурге для образования инженерных кондукторов, которая в 1810 году была увеличена в составе и получила название Инженерного училища, в котором был учрежден офицерский класс на 15 офицеров. 24

⁴ Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. – Л.: Наука, 1984. – С. 121.

⁵ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России: В 2-х оч. – СПб.: 1861. Оч. 2. – С. 201, 202.

ноября 1819 года это училище было преобразовано в Главное инженерное училище с пятилетним образованием, ставшее единственным высшим военно-учебным заведением, занимающимся подготовкой офицеров для Корпуса военных инженеров. При этом для всех желающих из других родов войск служить в Корпусе военных инженеров Военное ведомство предписывало: «*Никакой юнкер и кондуктор не должен быть произведен в офицеры без экзамена в школе инженерной; для чего всех удостаиваемых к производству и присыпать в Инженерную Экспедицию от окружных командиров*».⁶

Истории известно, когда больших успехов в военно-инженерном деле добивались питомцы иных учебных заведений. Вот несколько примеров. Воспитанник школы колонновожатых К.А.Шильдер стал изобретателем первой в России действующей подводной лодки и, кроме того, добился высоких почестей как военный инженер в боевых действиях против турок в качестве командира лейб-гвардии саперного батальона. Воспитанник 1-го кадетского корпуса М.П. Пущин, родной брат друга Пушкина, успешно проявил себя как военный инженер в боевых операциях Отдельного Кавказского корпуса генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, будучи сосланным рядовым на Кавказ за участие в восстании декабристов. Генерал В.Л. Шарнхорст, окончивший Институт инженеров путей сообщения, с 1836 по 1843 годы успешно возглавлял главное инженерное училище.

Конечно, доля инженерных офицеров, выпускемых главным инженерным училищем в корпус военных инженеров, значительно превосходила их количество, выпуское всеими остальными учебными заведениями, вместе взятыми. Отсюда и возникло предположение Д.П. Якубовича, оспариваемое автором монографии, о том, что Германн – выпускник Главного инженерного училища.⁷

⁶ Полное собрание законов Российской империи. – Т.XXX. № 2396. – С. 1204.

⁷ Пушкин А. Пиковая дама/Редакция текста, статья и комментарии Д.П.Якубовича. – Л.: 1936. – С. 65.

Рассмотрим тезис А.И.Дельвига о том, что «*Император Николай и великий князь Михаил Павлович очень не любили инженеров путей сообщения, а вследствие этого и заведение, служившее их рассадником. Эта нелюбовь основывалась на том мнении, что из Института выходят ученые, следовательно вольнодумцы.... При всем видимом их нерасположении к ученым, им было, однако же, очень досадно, что главное инженерное училище, по преподаванию в нем наук, стояло постоянно ниже Института».⁸*

Институт инженеров путей сообщения был создан, как уже упоминалось ранее, по указу Александра I одновременно с Главным управлением путей сообщения и Корпусом путей сообщения 20 ноября 1809 года. Создание этих учреждений было вызвано тем, что «*распространение земледелия и промышленности, возрастающее население столицы и движение внутренней и внешней торговли превосходят уже меру прежних путей сообщения*». ⁹ И хотя «*Институт был единственное заведение, образованное вполне на военную ногу и не подчиненное вполне великому князю Михаилу Павловичу*»¹⁰, как пишет в своих воспоминаниях А.И. Дельвиг, тем не менее основные функции его воспитанников были связаны со строительством гражданских сооружений, лишь косвенно связанных с военными задачами: строительство внутренних железных дорог, мостов, каналов, портов, гидротехнических сооружений, городских зданий (большей частью в самом Санкт-Петербурге) и пр. Конечно, это требовало больших инженерно-технических знаний и опыта, и Институт вполне удовлетворял этим требованиям.

Имеются примеры, которые достаточно убедительно показывают, что тезис о превосходстве одного учебного заведения над другим, взятый автором монографии из дневника А.И.Дельвига и использованный для доказательства принад-

⁸ Дельвиг А.И. Мои воспоминания. – М.: 1912. – Т. 1. – С. 87.

⁹ П.С.З. – Т. XXX. № 2396. – С. 1305.

¹⁰ Дельвиг А.И. – С. 87.

лежности Германна к Корпусу путей сообщения, не корректен и не может приниматься в расчет.

Теперь проанализируем, могут ли выбранные автором монографии инженеры путей сообщения – Н.М. Языков, Э.И. Губер и А.И. Дельвиг – быть прототипами Германна.

Николай Михайлович Языков действительно учился в Институте инженеров путей сообщения и, совершенно не имея склонности к точным наукам, так и не закончил его, пробыв в нем около года.¹¹ Об этом пишет сам автор монографии. А раз так, то Языков так и не стал инженером путей сообщения и, следовательно, не мог быть прототипом героя «Пиковой дамы».

Тем более не мог быть прототипом Германна Эдуард Иванович Губер. Хотя он и был выпускником Института путей сообщения и даже некоторое время служил в канцелярии главноуправляющего путями сообщения, однако познакомился он с Пушкиным только в конце 1835 – начале 1836 года, когда «Пиковая дама» была уже не только написана, но и больше года как опубликована в журнале «Библиотека для чтения».¹²

Наконец, двоюродный брат друга А.С. Пушкина Андрей Иванович Дельвиг, успешно окончивший в 1832 году Институт инженеров путей сообщения и дослужившийся до генеральского чина в должности министра путей сообщения. Казалось бы, что автор монографии тут попал в точку. Но не будем спешить. Обратимся к фактам. А.И. Дельвиг познакомился с Пушкиным, по воспоминаниям его самого, в конце 1827-го – начале 1830-х годов. Это означает, что в то время Андрей Иванович был слишком юн: ему всего было 14 – 17 лет.¹³ А через три года уже была написана «Пиковая дама», к моменту окончания работы над которой ему едва исполнилось двадцать лет. К тому же известно, что А.И. Дельвиг не

¹¹ Русские писатели. Библиографический словарь. В 2-х т. – М.: Просвещение, 1990. – Т. 2. – С. 436.

¹² Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л.: Наука, 1988. – С. 122.

¹³ Там же. – С. 134.

вызывал особого интереса у Пушкина: «...он не приглашал меня к себе, и я у него не бывал».¹⁴ Вывод напрашивается сам собой.

Обратимся к военным инженерам, которых Пушкин хорошо знал и вполне мог взять у них некоторые черты для своего героя. При этом надо помнить, что сам Пушкин был потомком выдающегося военного инженера «гнезда Петрова» Абрама Петровича Ганнибала. Был ли он осведомлен об инженерной деятельности своего прадеда, нам не известно.

Среди знакомых Пушкина было достаточно военных инженеров, характерные черты которых могли быть использованы поэтом при создании образа Германна. Мы остановимся только на тех, кто являлся носителем той или иной ярко выраженной его черты.

Константин Карлович Данзас происходил из стаинного французского дворянского рода, впервые упомянутого в исторических скрижалях XII века. В России Данзасы появились к концу XVIII века и довольно быстро преуспели на военном поприще. Потеряв во время Французской революции все свои имения и высокое социальное положение, они в России так и не смогли достичь былого благополучия. Отец Константина, Карл Иванович Данзас, дослужившись до генерал-майорского чина, имел от двух браков на сестрах Корф двоих дочерей и шестерых сыновей, которых по недоразумению приписали к курляндским дворянам. Отсюда и пошли заблуждения относительно происхождения рода Данзасов.

После окончания Царскосельского лицея Данзас *поступил в Инженерный корпус*, там и решил связать дальнейшую свою службу с ним. Выдержав в 1819 году вступительные экзамены в Петербургскую инженерную школу, которая 24 ноября этого же года преобразилась в Главное инженерное училище, он стал кондуктором этого учебного заведения. По окончании его в 1823 году он «за неповинование преподавателю», как было отмечено в реляции¹⁵, был направлен для

¹⁴ Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. – М.-Л., 1930. – Т.1. – С. 71.

¹⁵ Там же. – С. 187.

дальнейшего прохождения службы в далеко не престижную крепость Динабург. Во время службы в Инженерном корпусе Данзас встречался с поэтом в Кишиневе и в Санкт-Петербурге. Известно, например, что в период, предшествующий написанию «Пиковой дамы», Пушкин и Данзас встречались на лицейском празднике в 1832 году.¹⁶ Во время армейской службы Данзас не раз отличался в сражениях с горцами на Кавказе, показал примеры отчаянной храбрости в персидской войне (1828 г.), в главных сражениях с турками на Балканах и с поляками при подавлении Польского восстания (1831 г.), за что был награжден несколькими орденами и золотой полусаблей с надписью «За храбрость».¹⁷

Пушкин ценил Данзаса за исключительное мужество и удивительное хладнокровие в самых сложных ситуациях, за наивную беспечность и искреннее пренебрежение к удовольствиям жизни. Уже в этом просматриваются отдельные черты Германна. Кроме того, Данзас, как уже говорилось, вышел из обедневшей дворянской семьи, приехавшей в Россию в надежде поправить свое материальное положение; как и в Германии, в нем текла немецкая кровь (мать его принадлежала известному в России немецкому роду Корфов). Как и Германн, Данзас «имел сильные страсти и огненное воображение», которые мы замечаем в характеристике, данной Константину Карловичу директором лицея Энгельгардтом: «его неизящный вид дает повод к подразниваниям, на которые он обычно отвечает криком и кулачной расправой <...> обычно в таких случаях он утверждает, что все несправедливы к нему, разгорячается с каждым словом все больше и позволяет себе при таких припадках, которые довольно быстро переходят в бешенство, большую грубость по отношению даже к надзирателям».¹⁸ Здесь мы видим и болезненное че-

¹⁶ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4-х т. – М.: 1999. – Т. 3. – С. 514.

¹⁷ Габаев Г. Сто лет службы гвардейских сапер. – СПб.: 1912. – С. 56.

¹⁸ Руденская И.П., Руденской С.Д. С лицейского порога. Выпускники Лицея, 1811 – 1817. – Л.: 1984. – С. 179.

столюбие, и твердость характера, и, как писал В.Г. Белинский, «сильный, но демоническо-эгоистический характер»¹⁹, так сильно напоминающий нам характер Германна. Видимо, не случайно Данзас стал секундантом Пушкина, поэт о нем не забывал, и встреча их была, думается, далеко не случайной.

Михаил Иванович Пущин, брат «друга бесценного» Ивана Пущина, с которым Пушкин познакомился еще в Царскосельском лицее. Позже, в 1829 году, он встретился с ним на Кавказе, где тот *отбывал наказание за участие в декабрьских событиях 1825 года*. Мы почти ничего не знаем о содержании бесед, проходивших между ними непосредственно в расположении Нижегородского драгунского полка, где остановился Пушкин у своего друга Николая Раевского-младшего, и во время длительной совместной поездки к минеральным водам. Одно несомненно, что за время совместного проживания они хорошо узнали друг друга. М.И. Пущин был *единственным военным инженером, которого поэт видел в деле, в разгар боевых действий против горцев*, где Михаил Иванович продемонстрировал *хладнокровие, беззаветную храбрость и умение ориентироваться в сложной обстановке боя*. Какие-то из его качеств – *инженерный склад ума, смелость и решительность, отвага* – вполне могли найти воплощение в герое «Пиковой дамы».

Николай Васильевич Путята, с которым Е.А. Баратынский знакомит Пушкина осенью 1826 года. Воспитанник Муравьевского училища колонновожатых, он после выпуска служил квартирмейстером, затем адъютантом генерала А.А. Закревского, а в 1831 году ушел в отставку, посвятив себя гражданской службе. Новый знакомый привлек пристальное внимание поэта тем, что тот был свидетелем казни декабристов на кронверке Петропавловской крепости. Автор «Пиковой дамы» был восхищен *великолепной памятью* Николая Васильевича, который воспроизвел мельчайшие детали казни, его умением свободно ориентироваться на ме-

¹⁹ А.С.Пушкин в русской критике. – М.: 1953. – С. 410.

стности. «*С этой точки зрения, – пишет известная исследовательница творчества Пушкина Р.В.Иезуитова, – его наблюдения имели особенную ценность для поэта, желавшего знать до мельчайших подробностей все обстоятельства казни*».²⁰ Именно это качество имел в виду академик М.П. Алексеев, перечисляя на двух страницах своей монографии «целую систему подробностей, специально предназначенных к тому, чтобы усилить восприятие Германна читателями как инженера по профессии».²¹

Граф Егор Карлович Сивверс, инженер-генерал-лейтенант из известного курляндского рода Сиверсов, был на двадцать лет старше Пушкина. Окончив Пажеский корпус, он поступил в Измайловский полк, а в 1801 году, оставив службу, решил продолжить свое образование в Геттингенском университете, где несколько позже учились будущие профессора Царскосельского лицея А.П. Куницын, А.И. Галич, И.К. Кайданов, а также П.П. Каверин и братья Тургеневы – впоследствии друзья А.С. Пушкина. Окончив обучение в Германии, Егор Карлович в 1806 году в чине полковника поступил в пионерный полк, в составе которого и принял участие в боевых действиях против армии Наполеона. Отличился в сражениях при Клястицах, Друе, Диснене, Полоцке, Лютцене, Бауцене, Лейпциге. Его портрет, написанный Джорджем Доу, можно и сейчас увидеть в галерее героев Отечественной войны 1812 года в Эрмитаже. После взятия Парижа был направлен Александром I для изучения военно-инженерных заведений Европы, а в 1819 году принял руководство над Главным инженерным училищем.

Трудно себе представить, что Пушкин не был знаком с этим военным инженером, хотя ни в одном из его произведений, в том числе и письмах, мы не находим даже упоминания о нем. А ведь многие из его товарищей и учителей хоро-

²⁰ Иезуитова Р.В. К истории декабристских замыслов Пушкина. 1826 – 1827//Пушкин. Исследования и материалы. – Л.: 1983. – Т. XI. – С. 94.

²¹ Алексеев М.П. – С. 114, 115.

шо знали его. К примеру, Н.М. Карамзин и его супруга, Екатерина Андреевна, которая приходилась Егору Карловичу троюродной сестрой; друг поэта П.А. Вяземский – родной брат Екатерины Андреевны; К.К. Данзас, учившийся под началом Е.К. Сиверса; и, уж конечно, Ф.Б. Эльснер, помощник Е.К. Сиверса, сменивший его на посту начальника Главного инженерного училища. Между тем, начиная с 1816 года, Е.К. Сиверс постоянно и до конца своей жизни проживал в Санкт-Петербурге.²² Но если даже их жизненные пути все-таки не пересекались, Пушкин не мог не слышать о прославленном генерале, возглавлявшем во время походов 1812 – 1814 годов инженерные войска армии Барклая-де-Толли.

Эти примеры из большого списка тех военных инженеров, которых Пушкин хорошо знал, можно было бы продолжить и далее, упомянув, например, Л.А. Молчанова, К.М. Ивеличи, Л.Л. Карбоньера, П.П. Коновницына, М.А. Назимова, С.С. Шаплета, Н.С. Завальевского и многих других. Но в этом уже нет никакой надобности. Автор сознательно ограничился только теми лицами из корпуса военных инженеров, которые, по его мнению, реально могли оказать влияние на создателя образа Германна. Даже беглый взгляд на приведенные примеры убеждает нас в том, что Пушкину было из кого формировать образ своего героя, что его живой контакт с инженерными офицерами был постоянным и достаточно тесным на протяжении всего времени, начиная с Лицея и до начала работы над «Пиковой дамой». Анализ характеристик лиц, приведенных автором, убедительно доказывают, что в своем Германне Пушкин, без всякого сомнения видел только инженерного офицера, представителя Корпуса военных инженеров.

Очевидным становится и другой вывод, который позволяет подтвердить предыдущие рассуждения автора. Он заключается в том, что Пушкин при создании образа Германна вовсе не задумывался над тем, к какому учебному заведению «приписать» своего героя. Те качества, которые он сумел воп-

²² Военная галерея 1812 года. – СПб.: 1912.

лотить в Германию, могли появляться непринужденно, под влиянием знакомых образов инженерных офицеров, запечатленных в его памяти особенно в последние перед началом работы над «Пиковой дамой» годы. Нет сомнения в том, что образ Германна – не портрет, срисованный с какой-то одной личности, а образ обобщенный.

Хочется обратить внимание еще на один аспект, который представляет несомненный интерес для исследователей. Для начала обратимся к примеру, приведенному академиком М.П. Алексеевым в доказательство своей концепции, относящемуся к быту офицеров корпуса путей сообщения и напоминающему нам о некоторых деталях быта офицеров, описанных в рассматриваемой повести Пушкиным: «*Скромная квартира в доме Колотушкина у Обухова моста, которую А.И. Дельвиг по недостаточности средств занимал вместе с инженер-подпоручиком Лукиным; игра в карты, несмотря на бережливость и аккуратность рассказчика, приводившая иногда к крупным проигрышам; воспоминания об азартной игре не только на квартирах у офицеров, но и в помещении «офицерских классов», усиливавшаяся «немедля по получении квартирных денег»; характерные фигуры главных персонажей этих игр, ставших затем «сильными карточными игроками*.²³ Запомним, к тому же, что сам А.И. Дельвиг был немецкого происхождения. Казалось бы – вот он и прототип. Но вот другой пример.

Листая как-то на досуге один из старых номеров «Инженерного журнала», я вдруг встретился со знакомой фамилией – Герман. Это был некролог, сразу заинтересовавший меня многими интригующими фактами, напоминающими мне о герое «Пиковой дамы».

Лука Лукич Герман – полковник, *военный инженер*, преподаватель математики в главном инженерном училище, «происходил от бедных родителей, родился 14 мая 1799 года (почти одновременно с Пушкиным – Ф.К.) … «в числе первых учеников по экзамену выпущен из 2-го кадетского кор-

²³ См.: Алексеев М.П. – С. 124.

пуска на службу в Инженерный корпус... и поступил для продолжения наук в тогдашнюю Инженерную школу, обращенную впоследствии в Главное инженерное училище. Вскоре по окончании курса в верхнем офицерском классе... он в начале следующего года (5 февраля 1822 года) назначен преподавателем математики в училище. С этого времени начинается учебная деятельность покойного, продолжавшаяся слишком 39 лет без малейших промежутков». Далее – еще интереснее: «Будучи хлебосолом по обычаю, у себя дома Герман умел оставаться в границах благоразумия и никогда не имел долгов, кроме расчетов по копеечной игре, которая, мимоходом сказать, доставляла ему удовольствие более других способов препровождения свободного времени. Часто случалось досиживать с Лукой Лукичом до зари, играя по грошу в любимый бостончик... Если он и действительно вел самые подробные счеты по своим расходам, то такая аккуратность обуславливалаась и твердым у него правилом: чтобы никогда расход не превосходил дохода».²⁴

Уж не с этого ли офицера списан портрет Германна? Здесь и бедные родители; и профессия военного инженера; и математическая специализация с выходящими отсюда германновскими качествами, столь ярко продемонстрированными в спальне графини; здесь и рачительный и экономный человек, умеющий «оставаться в границах благоразумия и никогда не иметь долгов»; здесь и увлеченность карточной игрой, правда, копеечной и не страстной; и, наконец, сходство фамилий. Тут бы сразу и впасть в искушение, начав отыскивать в пыльных архивах факты знакомства поэта с Лукой Лукичом, тем более, что он преподавал математику К.К. Данзасу, который мог бы быть связующим звеном между Пушкиным и Германом. Но, увы.... Нет надобности копаться в архивах. Этот пример как раз и подтверждает то, что судьба многих обруseвших немцев в России была очень похожа друг на друга. А привычки, черты характера и страсти, да еще с учетом чисто немецкого генотипа, определялись той самой

²⁴ Инженерный журнал. 1861. № 2. – С. 60 – 67.

средой, в которой они находились. Эти черты становились типичными для многих не только инженерных офицеров того времени. К тому же, нельзя игнорировать тот факт, что в большинстве военно-учебных заведений России в начале XIX века, особенно в инженерных, лица немецкой национальности составляли значительный процент. Так, например, из сорока воспитанников главного инженерного училища в 1820 году двадцать были немецкого происхождения.²⁵ А сколько было обрусовавших немцев среди лицейских товарищей Пушкина!

Таким образом, можно с полной уверенностью заключить, что в образе главного героя «Пиковой дамы» Германна Пушкин воплотил типичные черты, присущие инженерным офицерам того времени, касающиеся в основном лиц немецкого происхождения, которые он, без сомнения, заимствовал от лично знакомых ему представителей этой профессии.

²⁵ *Фабрициус И.* Военно-инженерное ведомство в царствование императора Александра I: В 2-х оч. – СПб.: 1909. Оч. 1 – С. 124.

Юрий Ключников

Пророческий крест и тайная свобода поэта

Сегодня все соглашаются: Пушкин – поэт-пророк. А кто такой пророк? Предсказатель будущего, наподобие Нострадамуса? Но разве мы любим Нострадамуса так, как любим Пушкина?

В своих поступках Пушкин часто был равен любому из нас. Да он и сам признавался, что до тех пор, «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», он может быть ничтожней любого смертного. Но не соблазнимся лирическими уверениями поэта. Когда Николай I вел дознание по поводу причастности тех или иных своих подданных к восстанию декабристов, был вызван на ковер и Пушкин.

– Где бы ты оказался, если бы был 14 декабря в Санкт-Петербурге? – спросил царь, глядя своими немигающими глазами на Поэта.

– На Сенатской площади, Ваше Величество, – был ответ.

А теперь представьте себе иного разоблачителя культа на ковре у Сталина в аду. Те же немигающие холодные глаза и вопрос:

– Сначала ты мне пел «аллилуйя», а потом «проклинаю». Как тебя понять? Конечно, и в поступках своих Пушкин не ровня нам. Но не случайны, не игривы слова о своей ничтожности, мучителен вопрос: «дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?», неподдельной тоской наполнены строки: «и с отвращением читаю жизнь свою».

Быть самым прекрасным человеком своего времени и писать о себе такое! Это значит – писать из вечности, где наше развитие беспределно. Где даже Иисус Христос не последняя граница совершенства. Представим, что закончат-

ся временные пророчества, обозначенные в катренах Нострадамуса, станем ли перечитывать их снова? А Пушкин останется, «пока в подлунном мире жив будет хоть один поэт». Он останется не только потому, что писал прекрасные стихи, но и потому, что всем обликом, каждым поступком излучал Свет непрерывно ускользающего, непрерывно перетекающего в вечность Божества. Божества, ни на секунду не пребывающего в самодовольстве.

Понять Пушкина – значит почувствовать Того, кто стоял за ним, кто вдохновлял Будду, Иисуса Христа, Магомета. Вот из какого Неба наш гений. И когда Поэт говорит о своей ничтожности, он тем самым открывает возможность и нашему ничтожеству подняться к стопам Отца Небесного. Иначе зачем явление пророка? Неужели для того, чтобы вздыхать о недосягаемости гениально-пророческого дара?

*Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участии оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова,
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа,
Бог с ними, Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред твореньями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья. –
Вот счастье, вот права...*

Это стихотворение обнаружили в ящике письменного стола Поэта после его смерти вместе с «Памятником» и цепным рядом других шедевров. Рукопись обозначена как перевод итальянского поэта Пиндемонти. В действительности ничего подобного в наследии Пиндемотти (таково его настоящее имя) нет. Этой заграничной «заплаткой» Пушкин прикрыл собственные сокровеннейшие мысли о «тайной свободе», идеал которой жил в его душе с юношеских лет.

Да, это стихи о свободе, той свободе, к пониманию которой мы еле-еле подбираемся два века спустя после рождения Поэта. С насмешливой непринужденностью он признался: «и мало горя мне, свободно ли печать морочит олухов, иль чуткая цензура в журнальных замыслах стесняет ба-лагура», когда идеал неподцензурной печати до сих пор будоражит лучшие умы России? После Пушкина целые поколения русских революционеров, дворянских, разночинских и пролетарских, а потом диссидентов с отчаянным упорством боролись за «вольное» русское слово. И вот мы, наконец, получили его. И увенчали апофеозом нецензурной браны на развалих нынешних книжных прилавков.

«Тайная» пушкинская свобода – это нечто совершенно иное. Это может быть внешняя уступчивость и законопослушность, «к чему бесплодно спорить с веком, обычай – деспот меж людей». Полная духовная свобода и одновременно строжайшая внутренняя дисциплина. Долог и тяжек путь к такой свободе. Но когда она завоевана, ее не могут ограничить никакие формы правления и ни один диктатор.

Как обрести такую свободу?

В наш рыночный век, когда покупается и продается все, к нашим услугам тысячи духовных «учителей», «гуру», «риши» и прочих «посвященных», которые за несходную, а иногда и за сходную цену берутся пробудить в нас спящие духовные силы и выпустить на свободу наших «духовных» джиннов. Но упаси нас Бог от таких «учителей». Также да охрани нас, Творец, от любых духовных лидеров, которые поучают, какую книгу читать, а какую нет или какому священному изображению молиться.

Есть евангельское определение «Бог есть любовь». Есть другое определение «Бог – это дух и свобода». По существу оба определения выражают одну и ту же мысль: любовь не существует без свободы. Её нельзя приобрести за деньги и навязать через телевидение. Она, как и дух, «дышит, где хочет». Также никогда не знает инфляции, какие бы смелые сексуальные прививки ей ни делали. Пушкин редко устраивал публичные читки в компаниях, даже когда его просили об этом. Смеялся: мы собирались пить, вот и займемся пуншем. Говорю об этом совсем не затем, чтобы упрекнуть современников и кивнуть лишний раз на классика. Глухариная болезнь проникла в каждого из нас, мы все любим говорить, и вполуха слушаем или совсем не слушаем других. Чужие мысли нам неинтересны.

Но представим себе, что Пушкина все же уговорили почитать и он в кругу нынешних его почитателей произнесёт: «шипенье пенистых бокалов и пунша пламень голубой». Найдутся, конечно, среди слушателей рьяные апологеты трезвого образа жизни, кто заговорит о программе спаивания русского народа...

А бедный наш народ все равно пьет – хоть запрещай, хоть пропагандируй спиртное. Потому что, как говорил Шукшин, праздник нужен душе, светлый праздник. Никакими лекциями о пользе трезвости эту жажду Света не заглушить. Вот и приходится за отсутствием настоящего праздника довольствоваться суррогатом. Но когда человек, томимый жаждой духовного, хотя бы однажды удостаивается на своем пути встречи с Серафимом, вечный праздник обретён и власть алкоголя заканчивается. Ты можешь даже продолжать пить вино, как это делал Поэт, но оно будет по-рабски плескаться у твоих ног, словно придорожная лужа.

Встретить Серафима – значит выйти на срединный, золотой путь гармонии, вмещающей всех и всё. Это не путь посредственности, где добро и зло принимаются с одинаковым равнодушием. О, нет! Золотой путь заповедует лишь равнодушное отношение к любым атакам низости, хвалеб-

ным или клеветническим. И, «не оспоривая глупца», поступающего наоборот: он радуется хвале и негодует на клевету.

Но возможно ли нам, рядовым людям, вступить на пушкинскую стезю гармонии, на стезю гения?

А что же остается делать русским людям, вываренным в кипятке нашей истории? В страшном котле крайностей. Нежели не надоело вариться!? В своё время прозвучали прореческие слова Гоголя, что Пушкин явил собой тип русского человека, который развернет свой потенциал в полной мере через двести лет. Эти двести с лишком лет со времени пушкинского рождения прошли. Путь гармонии открыт. Всем и каждому!

Жизнь Поэта изучена до дня, порой даже до часа. Мы взглядываемся в личность его, стараемся разгадать его манящую тайну. Но он и не скрывал ее. «Восстань, пророк, и виждь и внемли, исполнись волею моей». Стоя перед пушкинским памятником на Тверском бульваре, другой русский поэт-пророк воскликнул: «Я умер бы от счастья, сподобленный такой судьбе». Но, будучи сподобленным и тоже став «Божьей дудкой», умер совсем по-иному. Крест пророка – страшный крест, особенно если личность слабо согласована с Божественными заповедями.

Внешне довольно благополучная жизнь Пушкина наполнена постоянным страданием. Понять суть Поэта – значит, хоть однажды почувствовать Высший Луч на себе. Сегодня это доступно каждому. Мы сейчас все находимся в излучениях Божественной радиации, но не все сердцем чувствуем её. Потому так кидает Россию из стороны в сторону, а мы без конца спрашиваем: «За что?!» И Пушкин в минуту отчаяния спросил как-то: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?..» Но, получив разъяснения Серафима, больше таких вопросов не задавал.

Одного пророка наших дней спросили: «Отчего Россия веками мучается, тогда как Запад в сравнении с нами благоденствует?». Пророк ответил: «Потому что в русском котле Бог надеется сварить еще что-то пригодное для будущего,

тогда как на Запад Он махнул рукой». Впрочем и за Запад Бог в последнее время крепко взялся. Но наши оппоненты продолжают тупо держаться за свою рыночную экономику и права человека, совершенно не чувствуя новых императивов времени У многих потеряна ранимость сердца – вечный спутник жизни, отсутствие которого – смерть.

Сегодня каждое живое сознание напряженно ищет выход из гибельной рутины жизни. Но самое главное, пушкинское – «исполнись волею моей» – сплошь да рядом в небрежении. Но ведь это тот же завет Иисуса Христа: – «Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли». Пускай Христа отгородили от нас иконами и ризами, но сам Он не затмил от нас человеческое начало Божественным. И вот два века назад прошел по земле грешный человек, который дышал тем же Божественным Светом, что и Христос.

Каждая пушкинская строчка – комментарий к молитве «Отче наш». «Небеса» его духа излучали свет на «землю» души, и она корчилась, убегала от них, снова возвращалась и блаженствовала в муках творчества... В итоге пушкинское небо восторжествовало и два века проливает свои лучи на нас.

Досконально изучены и все подробности ухода Пушкина из земной жизни. Мы коснемся их лишь в той степени, в какой они помогут понять уход поэта в бессмертие.

Наряду с гармонией он носил в себе и страстное начало, очень страстное. Накануне дуэли кипел бешенством от обиды, от желания отомстить обидчику. Смертный исход считал единственной достойной развязкой конфликта: «чем кровавее, тем лучше». Смертельно раненный в живот, собрал волю для ответного выстрела и сделал его еще удачнее, чем Данте, – в грудь противника. Закричал радостно: «Попал!» Но попал в медную пуговицу или, как утверждают некоторые поклонники Поэта, в бронежилет француза-масона. Не станем оспаривать такое предположение, главное – не запятнал свой уход убийством. И во многих предыдущих дуэлях тоже никого не убил, хотя стрелком слыл классным. Последующие события свидетельствуют кончину истинного христианина, по суще-

ству, святого человека. Как могло в считанные часы произойти такое преображение? Конечно, это невозможно. Преобразование человека подготавливается всей предыдущей жизнью, а лучше сказать, многими прошлыми жизнями.

Пушкину, как и любому другому святому человеку, прошедшему долгий путь во многих веках и в различных странах, перед очередным воплощением, возможно, разворачивали варианты следующей его земной жизни. Он мог бы стать религиозным реформатором, положить начало новому духовному движению. Поэт выбрал путь реформатора культурного, а для этого пришлось надеть на себя фрак и подчиниться правилам светского общества, чтобы выполнить свою неординарную творческую миссию. Иначе в России не было бы Пушкина, но появился еще один Серафим Саровский.

Они не встретились лично, хотя и жили недалеко друг от друга. Священники объясняют этот факт внутренней неготовностью поэта к такой встрече. Но произойди она, что прибавилось бы в творческом багаже Поэта? Больше стихов типа «Отцы пустынники и девы непорочны»? Но разве менее святы «Я помню чудное мгновенье» или «Я вас любил, любовь еще, быть может...»?

В удивительное время мы живем! Небо открыло нам многие свои тайны. Тайны, которые раньше хранились за семью печатями. Мы можем побеседовать с ушедшими святыми, даже с самим Господом. Мы способны также проникнуть в тайну Пушкина. Но упаси нас Бог возгордиться, что мы действительно проникли. Только пробуем... Вспомним смиренность перед Господом Пушкина.

В чём суть защитной реакции от тицеславия?

В том, что наша замечательная эпоха одновременно и страшная. Да, можно побеседовать с Пушкиным, даже с самим Господом. Но есть риск вступить в контакт с бесами высшей квалификации, умеющими надеть на себя любую маску, в том числе поэта и Бога.

Эти бесы атаковали и Пушкина, об этом он писал сам. Но живший сразу в трех мирах: плотном, астральном и Боже-

ственном, поэт, хотя и уступал временами первым двум, умел подняться при падениях и неизменно выходил на Третий.

А что происходит сегодня с нами?

Года два назад прислала мне одна поэтесса сборник довольно крепких по ремеслу стихов. Я ответил горячей похвалой. Через некоторое время она присыпает свои астральные беседы с Вольфом Мессингом, тоже интересные, но насторожившие меня. В третьем письме пришли стихотворные экзерсисы «Пушкина» и «Есенина» с того света. Твердая рука самой поэтессы в стихах присутствовала, но дух наших гениев в этих стихах, конечно, даже не почевал. Я пробовал заронить сомнение в душу моей корреспондентки. Не тут-то было. Она твердо уверовала, что в приёмнике ее ясно звучали подлинные Пушкин и Есенин. Спорила в письмах, а потом и вовсе прекратила переписку.

В Волгограде мне случилось выступать с беседой «Мистический Пушкин» в эзотерической школе, где по замыслу учредителей с помощью различных техник «мастер» раскрывал творческие способности учеников. После беседы обступили меня не очень молодые люди с тетрадками стихов, которые они тоже «принимали» из Тонкого мира от «Пушкина» и «Есенина». Это были беспомощные вирши школьного уровня. Но мои собеседники со стеклянными глазами доказывали «подлинность» текстов. Позже, встретившись с руководителем школы и узнав, что он в свое время прошел курс лечения в психиатрической больнице, я все понял.

Но вернемся к Пушкину. Чем отличался его пророческий контакт с Серафимом от вышеописанного?

Тот факт, что творчество Пушкина не было «автоматическим письмом», конечно, не нуждается в доказательствах, достаточно бегло познакомиться с черновиками Поэта. Но тогда как осуществляется контакт гения? На Западе с давних времен существует теория о бессознательной природе творчества. Пушкин своеобразно выразил ее в письме к Вяземскому: «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповатой». В том смысле, что рассудок умолкает, когда в человеке

начинает говорить Серафим. Но если так, то откуда правка в черновиках?

Античность, откуда, собственно, и пошло понятие гения, понимала его по-иному, чем мы. Для Сократа, например, гений (даймоний) был как бы сверхчувственным спутником жизни, который руководил им. В метафизике Востока гений есть Высшее Эго человека, которое находится обычно в спящем состоянии, но путем напряженной внутренней работы может быть разбужено. Строго говоря, Высшее Эго и есть присутствие Бога в человеке («царство Божие внутри нас есть»). Только через него мы можем общаться с Миром Божественным. Всякая же попытка выйти к Богу через астральное тело приводит в мир астральный, или Тонкий, где возможны встречи с сущностями очень сомнительными. Встречи эти неизбежны, особенно теперь, когда, прежде отделенный от плотного, астральный мир начинает срастаться с ним. Требуется большая зоркость и распознавание, чтобы не заблудиться в лабиринтах этого мира. Недаром православные старцы называли свою внутреннюю духовную работу трезвиением.

Какие реальные примеры «автоматического письма» из самых Высоких Источников мы знаем? Это Коран, который, согласно традиции ислама, писался под пространственную диктовку архангела Джебраила (Гавриила), это прославленная во всем мире «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Случаи Божественной диктовки крайне редки. Трансляциями же из Астрального мира переполнен современный книжный рынок. Не все они плохи. Иногда информация в них перемешана со знаниями, переданными через Высшее Эго, или частично услышан Голос Учителя, ведь в наше тревожное время Голос этот звучит для всех. Но не всем по силам отделять зерна от плевел – и приемнику и читателю. Оттого так много опасной мешанины в современных книгах, претендующих на Божественность.

Пушкина же сопровождал Божественный Луч, как чистейшая энергия, а не диктовка. Трансляция прошла блистательно.

тельно, почти на уровне священных текстов. Может быть, это удалось Поэту потому, что он не стремился стать транслятором, оставался смиренным добрым малым, избегавшим широковещательного «Граждане, послушайте меня».

Он заповедал: «Да здравствует солнце, да здравствует Разум!» Но славу свою ограничил временем «пока в подлунном мире жив будет хоть один поэт». Подлунный мир заканчивается, мы вступаем в эпоху сплошного света, когда тьма скроется. Погаснет ли пушкинское солнце? Так и хочется сказать – никогда. Но будет ли превзойдено? Кто отважится на сомнение? И в самом деле, вечно ли должен сиять гений, одетый в черную крылатку с дырами от пуль в ней?

Пушкин, конечно, воплотится снова, но как другой человек. Новый гений будет чище, ярче, гениальнее. У индивидуальностей, подобных Пушкину, нет иного бессмертия, как только вечный путь наверх.

Пушкин и власть. Еще одна жгучая для нашего времени тема. Его называли другом декабристов, певцом свободы, понимая его тайную духовную свободу, как борьбу за свободу политическую. Охранители самодержавия, наоборот, не без основания считали его монархистом. Сам он, как известно, говорил «Зависеть от царя, зависеть от народа – не все ли нам равно!». Отсюда порой его называли родоначальником идеи чистого искусства, башни из слоновой кости, куда удалялись от земных страстей русские и нерусские декаденты. Между тем он считался своим у всех от графа Бенкендорфа до декабристов, оставаясь при этом чуждым всем. По существу ему не нужна была никакая форма власти. Самодержавие он терпел, как единственную приемлемую для своего времени форму правления.

Глубоко заглянул в проблему власти в «Борисе Годунове», указав на типично русское – «народ безмолвствует» и одновременно на страшное в своем безмолвии народное мнение как единственную опору власти. Из русских писателей он, пожалуй, самый «политичный», политичнее Маяковского уже хотя бы потому что основательнее всех (до сих пор) вник в тайну политики и власти вообще.

В чем эта тайна?

Ну, во-первых, в умении не ставить себя в зависимость ни от властей, ни от народа. До нас теперь только начинает доходить, чем кончаются призывы к топору, к демократии или «слава товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь». Не было в нем также скрытого раздражения – «а пошли вы все к...» Он умел терпеть. Терпеть же – значит зависеть. «Милостивый государь граф Александр Христофорович, покорнейше прошу Ваше сиятельство...», – так начинал он без всякого кукиша в кармане письма Бенкendorфу, которому Николай I поручил следить за «нравственностью» поэта. Предложение самого государя стать цензором его стихов встретило спокойно: «считаю за честь, Ваше Величество...» Но в вопросах чести не уступал никому, даже царю. Император понимал и ценил в Пушкине эти качества.

В холуйском или, наоборот, наплевательском отношении к власти нет свободы, нет тайны. Тайна именно в зависимо-независимой позиции, определяющей степень внешней не-свободы и свободы внутренней. Но до такого понимания свободы Пушкин дошёл не сразу. В молодости подурнул достаточно. А мы продолжаем дурить до сих пор.

Когда у Ивана Бунина крестьяне сожгли родовой дом во время революции 1905 года, а потом казаки выпороли мужиков за бесчинство, писатель спросил одного: «Зачем же?» Мужик, застегивая штаны, хмуро ответил: «Нам, барин, свободу давать нельзя, а то мы такое натворим...»

Нынешние «властители дум» любят цитировать пушкинские слова о русском бунте, бессмысленном и беспощадном, при этом обычно кивают на Октябрьскую революцию, забывая, что хотя она была беспощадной, но не бессмысленной. Она честно декларировала четкие цели, народ их принял, и они были успешно осуществлены. Наш «демократический бунт» был затеян и бессмысленно, потому что попытался повернуть развитие пути вспять, и беспощадным, потому что, разломав такими трудами и такой кровью созданную систему, сам не создал ничего.

Пушкинские оценки демократии актуальны и поныне.

*Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить свой доход,
С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год.
Что не живем семьею дружной
В довольстве, в тишине досужной,
Старея близъ могил родных
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел:
Дух века вот куда завел.*

Дух нашего века завел нас еще дальше. В нынешней тотальной войне всех против всех я не припомню случая, чтобы «демократическое копыто» коснулось личности Пушкина. А «патриотическое» порой лягает и его. Поэта обвиняют в апологии распутства, в насаждении безбожия, в прозападном «легионерстве», т.е. по существу обзывают представителем европейской пятой колонны на Руси и т.д. и т.п. (см. С.Рябцева «Правда о русском слове». – М.: «Парнас», 1998). Конечно, Пушкина от таких наскоков не убудет, но нам...

*Не дай нам Бог сойти с ума,
Уж лучшие посох да сума..*

В известном письме Чаадаеву (1836 г.) целая россыпь замечательных мыслей о судьбах России. Своему другу, убежденному западнику, который видел в русской истории одну лишь ничтожность, Пушкин возражает так: «Решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, что отличает юность всех народов?» Далее, похвалив обоих Иванов, Пет-

ра I, «который один есть целая всемирная история», Екатерину II, Александра I, «который привел нас в Париж», Пушкин восклицает: «И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?»

«Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы, и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли в свои пустыни, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех».

Можно даже спорить, было или не было само татаро-монгольское нашествие или что славяне с татарами составляли общую Орду, державшую в страхе Запад. Но невозможно сегодня не согласиться с логикой Пушкина об особом назначении России в том смысле, что она еще дважды спасала «христианскую цивилизацию» от Наполеона и Гитлера. И в то же время разгромом этих завоевателей утверждала свою некую отделенность от Европы, хотя и стала принимать участие в «великих событиях, которые ее потрясали». Даже железный занавес Сталина сыграл ту же роль. При этом мы сохранили внимание к Востоку: к бахчисарайским фонтанам, к снежным вершинам Кавказа, даже к стенам «недвижного Китая». Чем не тезисы для евразийской доктрины нынешним политикам!

И ключевое слово «наше мученичество». Зачем оно? Пушкин не ответил, Чаадаев, поставив этот вопрос, сам пострадал, зато для нынешних реформаторов-западников наше мученичество – предмет зубоскальства, дескать, все у вас, рус-

ских, не как у людей! Так в свое время зубоскалили фарисеи над распятым Христом: «Других спасал, а себя спасти не можешь!»

Прозорлив Пушкин и в оценке православия. С точки зрения Чаадаева, оно погрязло в мелочном доктринерстве в отличие от католичества, которое, по его мнению, благоприятно влияло на рациональное жизнеустройство Запада. Пушкин, обозначив смысл разделения церквей, отдал преимущество православию. «Наше духовенство до Феофана было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда бы не вызвало реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все».

Кто оказался прав в этом споре, показало время, чётко обозначив закат и католической церкви, и основанной на ней западной цивилизации.

Но как понять пушкинское замечание о том, что наше «особое существование... сделало нас совершенно чуждыми христианскому миру». Что это, оговорка? Но Пушкин всегда точно выбирал слова. В черновиках письма к Чаадаеву недостатки нашего духовенства подчёркнуты еще резче: «Оно не хочет быть народом... У него одна только страсть к власти...», далее следуют такие слова: «Религия чужда нашим мыслям и нашим привычкам, к счастью, но не следовало об этом говорить». То есть, Пушкин по существу соглашается с мнением Чаадаева и даже дает этой «чуждости» оценку – «к счастью», но рекомендует осторожность – «не следовало об этом говорить». Конечно, он не забыл, что и куда меньшие дерзости в таком же частном письме стоили ему ссылки. Впрочем, с годами Поэт сделался не только осторожнее, но и далеко ушел в духовном развитии; от прежнего «афеля» осталось лишь врожденное свободомыслие.

Что же, как говорится, в сухом остатке?

Поэт не кривил душой, он носил в себе и чаадаевское западничество, и почвенничество Достоевского, уравновеси-

вая оба начала гениальным равновесием. Гармония плюса и минуса не давала ему накрениться ни к бунту, ни к холопству. А его зоркое замечание, что духовенство вне народа, подтвердил Октябрь семнадцатого года, когда не только большевики, но, в первую очередь, народные массы развязали антицерковные погромы.

Поступил в продажу прекрасный видеофильм «Спасенья тесные врата», где свой взгляд на нашего великого поэта изложили высокообразованные священники РПЦ, кандидаты богословских наук. Уже сам факт, что эти люди, сняв шоры конфессиональной ортодоксии, говорят о светском человеке как о христианском пророке, заставляет задуматься о многом. Конечно, как люди церкви, они хотят видеть в Пушкине только человека своей веры и не приемлют возражение профессора Московского университета: «Не делайте из Пушкина христианина». Но, с другой стороны, один из них роняет глубокое замечание, что не каждый из пророков является образец святости, иные рассматривали свое избранничество как тяжкий крест именно в силу осознания собственной неготовности и греховности.

В какой мере Пушкин христианин, а в какой язычник? Даже беглый взгляд на его творчество, в том числе и на поздние стихи, где евангельские мотивы особенно сильны, убеждает, что все эти «киприды», «нимфы», «дриады», «цирцеи» и прочие персонажи языческого пантеона мелькают куда чаще, чем библейские. Так что можно понять возражение московского профессора. Даже принимая во внимание христианскую кончину поэта: прощение Дантеса, принятие святых даров, глубокое раскаяние, смирение, отпечатавшееся на посмертной маске, все же не уйти от вопроса: как мог Божественный Луч сопровождать афея (атеиста), масона, «гуляку праздного»? Не слишком ли велик греховный груз для пророка?

От Пушкина сделаем еще один вековой шаг в нашу историю. До Петра I русская культура развивалась главным образом в лоне церковной ортодоксии. В эпоху царя-реформатора

ра она решительно повернула на светский путь. Далее со времен Пушкина этот путь для культуры стал преобладающим, а в советское время единственным. Европейские страны проделали такую эволюцию раньше. Шла она мучительно, с гораздо большими потерями нравственного порядка, чем у нас, с «низостями папизма» и с провалами в лицемерную религиозность. Мог ли Бог ограничиться только ролью создателя такой церкви или инициатора Первопричины, каковую отвели ему западные деисты? Или отдать все земные человеческие дела на откуп Князю мира сего, что вытекает из немудрящей логики иных теоретиков христианства?

Тяжелые вопросы, жгучие, современные! Самый твердо-каменный ортодокс от церкви, думаю, не решится ответить на них утвердительно. Наоборот, здравая религиозная точка зрения подсказывает, что Божественные Лучи в темную эпоху особенно напряженно бороздят взбаламученное человеческое море в поисках пассионарных личностей, и «горячих» и «холодных», лишь бы не были «тёплыми».

Благодать проливается на всех. Но Луч как концентрированный благодатный Свет утверждается на Божьих избранниках. Что значит быть такими избранниками, свидетельствуют многие святые и далеко не святые люди, выдержавшие титаническую борьбу со стихиями тонкого мира, или, как говорит церковь, невидимую брань с бесовскими силами. Монах ведет такую брань в условиях затвора, наедине, а каково Божьему избраннику в миру, когда его достают через семью, близких, встречных! Конечно, эти силы разносили и Пушкина, и Достоевского, и Есенина. А что говорить о великих политиках, действующих в условиях постоянного лицемерия, предательства, двойных стандартов! И если монах изнемогает в мыслях и чувствах, мирской человек может допустить тяжёлые падения в поступках. Главное – встать и продолжать дело!

Пушкин свою пророческую миссию выполнил. Как сказано в Евангелии, судите пророков по делам их. Дело Пушкина – благодатный Свет, который он щедро пролил на рус-

скую культуру. Отлетела ржавчина вспыльчивости и язвительности, осыпалась шелуха многочисленных неразборчивых связей, короткое масонское увлечение и многое другое, что ставят порой в начет нашему великому гению. Это именно тьма внешняя, которая хотела его поработить. Но она почти не затронула его творчество, и лишилась почвы, когда дух поэта покинул тело. Поэт выиграл свое земное сражение.

Тайнственно звучат уже цитированные слова Н.В.Гоголя: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Почему не Сергий Радонежский, не Серафим Саровский, а именно Пушкин? Потому что в жизни он – мы со всеми нашими слабостями, а в духовном полете – наше русское небо. Святой человек иногда воспринимается как недосягаемый образец, а в Пушкине все кажется досягаемым. Как будто Бог, спустившийся на землю в теле грешного человека, говорит нам: дерзайте в свободе, творчестве, в любви к женщине, к родине, к людям...

Пушкин прошел свой Апокалипсис на два века раньше нас, обозначив борьбу Света и тьмы внутри человека, покаяние и победу Божественного начала. Очередь за нами. Так понимаю я слова Гоголя.

А мы, когда громы Апокалипсиса загремели для всего мира, мы судорожно ищем опору не в себе, не в своейтайной свободе, уповаляем на власть, которая твердой рукой наведет порядок. И в ответ встречаем улыбку Пушкина: хватит быть олухами, которых может заморочить пресса, царь или очередной кандидат в президенты. И, кажется, совсем уж гробовым гвоздем звучит: «на свете счастья нет». Зачем же тогда жить? Нет, Пушкин не мог оборвать свою мысль на подобной пошлости. Наслаждавшийся великолепным праздником жизни и заповедавший его нам, разве мог он хоть на минуту поверить, что счастье – химера? Счастье есть, но не в порабощенности теми миражами, которые мельтешат перед нашими глазами, оно внутри нас, в покое и воле, в «усо-

вершенствовании любимых дум», в независимости от «наград за подвиг благородный». Что ж, и от денег отказаться? Ну, зачем снова кидаться в крайности! «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать...»

Будь сам себе царем, осуществляй единственно реальные реформы – внутри самого себя и не жди ничего от реформ внешних. Даже, когда эти реформы осуществляются в виде революций и природных катаклизмов, они ничего не переменят в твоей жизни, пока не переменишься сам. Понимаешь это, жизнь – праздник, нет, она – тюрьма, «конец света».

Но это правила для гениев.

Это правила для каждого из нас, иных правил сегодня не дано.

* * *

*Говорят, что две тыщи девятый
Нам все переменит,
Что поднимет Россию с колен,
Только чуть подожди.
Улыбается Пушкин,
Два века он наши современник,
Он не верит тому,
Что пророчат волхвы и вожди.
Улыбается Пушкин, он знает,
Что счастье, как пряник
Или куклу ребенку,
Никто не положит в наши дом,
Что пока мы сердца
Не очистим от всяческой дряни,
Все закончится взрывом,
Разборками или костром.
Улыбается Пушкин,
Химер не оставив для рабства
И свободу воспев
В первозданной ее чистоте,
Ты, к которой мы можем*

*Лишь в духе и в тайне прорваться,
Потому что иной
Не бывает свободы нигде.
Улыбается Пушкин
Гармонии освобожденья,
Даже боги летят
На её ослепительный свет.
Потому что она,
Как всемирный закон тяготенья,
Управляет Вселенной,
А значит, пределов ей нет.*

От редакции:

По ряду вопросов, затронутых в публикуемой статье Ю. Ключникова «Пророческий крест и тайная свобода поэта» мнение издателей «Пушкинского альманаха» не совпадает с суждениями автора.

A.A. Суворов «Пушкин», 1937

БРАТСК – ПУШКИНУ

Точной отсчета существования в г. Братске Пушкинского общества, у руля которого встали поэт и прозаик Геннадий Михасенко, поэт Владимир Монахов и журналист Семен Саунин, стало 175-летие Пушкина.

Ежегодно, за исключением нескольких лет, поклонники и почитатели великого поэта 6 июня собираются, чтобы поздравить гения с днем рождения, звучат поэтические строки, музыка. В 1995 году Пушкинское общество восстановило лицейские годовщины, и 19 октября впервые в Братске в литературной гостиной городской библиотеки был проведен праздник в честь этой даты в соответствии с последним пушкинским протоколом.

Другая причина создания Пушкинского общества в нашем городе такова: именно у нас в Братске отбывал ссылку в братском остроге один из удивительных людей 19 века декабрист Петр Александрович Муханов.

25 апреля 1996 года правление Международного общества пушкинистов /г. Нью Йорк, США/ приняло решение о приеме пушкинистов города Братска в свое сообщество без взимания членских взносов. Президентом филиала общества утвержден Семен Саунин, вице-президентом – Владимир Монахов. А 4 ноября 1997 года общественная организация «Братское пушкинское общество» была зарегистрирована Управлением юстиции администрации Иркутской области с указанием основных целей деятельности: развитие нравственной и эстетической культуры, творческой активности народа посредством приобщения к культурным классическим традициям, к великому наследию великого русского поэта А. С. Пушкина.

На счету Пушкинского общества немало интересных дел, главное из которых – издание миниатюрных сборников «Братск – Пушкину», их вышло 6 выпусков. В них стихи братских поэтов. Они скорей не о самом Пушкине, а о том, как видят, воспринимают, чувствуют поэта наши современники. Стихи интересны, они притягивают к себе внимание читателя, недаром книга получила отклик не только в нашей стране (об этой серии писали газеты «Книжное обозрение» и «Литературная газета»), но и за рубежом – нью-йоркская газета «Новый русский».

В данном выпуске «Пушкинского альманаха», приводятся лучшие стихи братских поэтов из указанных сборников без указания их номера. Учитывая юбилейную направленность Пушкинского альманаха, были отобраны только те стихи, которые непосредственно относятся к Пушкину.

Наталия Безыдная

Нет, весь я не умру...

А. С. Пушкин

Как жаль, что некому посплетничать
О новом платье Натали...
Опять шарманки вековечные
Вдвоем «Разлуку» завели...

Как жаль, что некому представиться,
Надменно-ласково кивнуть –
Исчезли томные красавицы,
Балов столичных не вернуть.

Как жаль, что нету Сан Сергеича –
Он все же памятником стал.
Как жаль, что не на что надеяться,
От безнадежности устав...

Но, может, косточка вишневая
На Черной речке прорастет,
Но, может, чья-то строчка новая
От пули Пушкина спасет!..

И пусть Поэта пальцы гибкие
Опять потянутся к перу,
И кто-то вновь прочтет с улыбкою
О том, что «весь я не умру...».

* * *

Веселое имя Поэта!
Чего в этом имени нет:
И эхо, звучащее где-то,
И крохотной птахи привет,

Ликующий танец пылинок
В отвесном луче поутру,

И голос гитары старинной,
Зовущий к чужому костру...

Прочти! Ну, а хочешь – послушай:
Тропинкой, манящей к себе,
Великому имени Пушкин
Навеки осться в судьбе!

Людмила Милованова

Пушкин и мы

Стоптались сто дорог,
Забылись сто печалей,
Но Пушкин, видит Бог,
Все так же величавый.

Мы живы испокон
Не хлебом, что едим мы:
И чувствуем, как он,
И духом с ним едины.

В нас бьется по ночам
Единственное слово.
И жизнь отдать за честь,
Как Пушкин, мы готовы.

Разговор с Пушкиным

19 октября 1995 года в Михайловском

– Друзья мои, прекрасен наш союз! –
Ты восклицал, а наш Союз распался.
Смертей напрасных, игр кровавых груз
Несу к подножию Парнаса.
Ты был печален, потерявши друга.
И я грущу: редеет круг друзей.

Сочится боль. А середина круга
Пуста, как древний Колизей.
Вещал ты: стоит мир душевных мук,
Но ведь и наши души уязвимы.
Тревожит их любовь и боль разлук,
Несправедливый строй. А серафимы
Вотще летают. До сих пор летают:
Кто б правду вещую сказать народу мог?
Один из них давно избрал Исаию,
Тебя, Поэт, избрал в пророки Бог.
И осень, яркими одеждами шурша,
Рассказывает нам былую повесть.
Как рада я: болит моя душа!
Болит душа, зовет и плачет совесть!

Геннадий Михасенко

Пушкин

Прошли над миром двести лет,
Утряскам жизни счета нет.
Швыряло Русь во все края,
Кругом шаталось и ломалось,
И лишь фамилия твоя
Незамутненною осталась.

Быть после Пушкина поэтом –
Чушь, скажут мне наверняка
И пальцем шевельнут при этом
У ожиревшего виска.

Но вместо робости угрюмой
Огнь проплясал по волосам!
Да если б Лермонтов так думал,
То кто бы «Парус» написал?

Гадание на 6 июня

У кукующей кукушки
Я спросил: – А сколько лет
Проживет в народе Пушкин? –
Ни ку-ку она в ответ.

– Что замолкла ты, горюя?
Али Пушкин не знаком?
Аль с тобою говорю я
Непонятным языком?

Аль таежная колдунья
Не расслышала слова?
Али бедная вещунья
В арифметике слаба?

– Нет, – вещунья отвечает, –
Все понятно в словесах.
Кто же Пушкина не знает
В наших северных лесах!

В арифметике сильна я!
Даже, может, чересчур!
Я старательно считаю,
Потому-то и молчу!

И выходит по расчету:
Чтобы дать тебе ответ,
Мне хватило бы работы
Куковать на сотни лет!

Да и то бы не успела
На своем, видать, веку!
Пушкин вечен – вот в чем дело!
Я же смертная, ку-ку.

Мой Пушкин

Я что-то собственником стал,
Как тот небезызвестный Плюшкин:

«Моя гроза» «Мой идеал»
И замахнулся на «Мой Пушкин».

Наглец! Замучила амбиция!
Хоть тот же цех – резец не тот!
Плебей, рядящийся в патриция!
Зануда! Жалкий рифмоплет!

Судьба такая мне отпущена.
Вот говорю, а в горле – ком:
Любить до слез восторга Пушкина
И быть его учеником!

Пусть это дерзко и мучительно –
Так близко подходить к нему
И воспевать его, Учителя,
И даже подражать ему,

Боясь, конечно, сесть на рифы, –
О, как его обманна гладь! –
И им обструганные рифмы
Старался я не повторять.

Давно лелеял мысль – «Мой Пушкин»,
Ища оригинальный ход,
Да все слонялся по опушке,
А углубиться – страх берет.

А написать бы, право, мог
Но вот досада и кручина –
Опередила, видит Бог,
Меня Цветаева Марина.

«Мой Пушкин» – это у нее,
Ее конек, ее отдушина.
Но принцип – «каждому свое»
Вполне относится и к Пушкину.

Без нас он в вечности пребудет,
Небесной славой осиян...

И Пушкина пусть столько будет,
Сколько на свете россиян!

Золото

Рвут березы парчовые платья,
Чтоб надеть снежевые манто,
И всё платят, всё золотом платят
Неизвестно кому и за что.

От зимы ли хотят откупиться,
Рассчитаться ли с летом хотят,
Понимая: не надо скучиться –
И червонцы по ветру летят.

Ожидание весны

Давно ли, кажется, весна
Была на белом свете?
А вот уж осень. И опять
Шагают в школу дети.

– А лето было или нет? –
Встает вопрос уныло.
И лишь увянувший букет
Подсказывает – было.

А осень длится без конца –
Глаза на мокром месте.
И о блистательной зиме
Покамест нет известий.

Но вот уже и первый снег
Прилип к оконной раме.
И стало ясно, что весна
Уже не за горами.

Анатолий Лисица

Уж 200 лет, как Пушкин
В нас живет.
Года его ничуть не удаляют.
И мчится Русь, как тройка удалая,
Хотя порой и задом наперед.

Меняются российские пейзажи,
Душа народа все-таки жива.
Спроси мальца – о Пушкине расскажет,
С десяток букв лишь выучив едва.

Порой того не замечая сами,
Его стихами мыслим наугад:
– Пришла, рассыпалась клоками...
– Октябрь уж наступил... – встречаем

листопад.

– Ах, лето красное! – звенит его строка.
Иных уж нет, а те далече...
И, кажется, легла его рука
Издалека нам каждому на плечи.

Снега

Снега, снега по всей России,
Такие белые снега!
Во всей красе своей и силе
Стоят сугробы, как стога.

И на ветвях берез и елей,
На кронах сосен вековых
Висят кудрявые кудели
В лучах заката золотых.

«Там лес и дол видений полны»,
Ученый кот сидит на пне.

Стихи от Пушкина, как волны,
Бегут и пенятся во мне.

Стихи поэта, словно чудо,
Среди других земных чудес.
Начну писать, и вдруг – откуда?
– Опять в его строку залез!

О, если б так поэзию любили
И понимали б так же, как футбол,
Дарили б за стихи автомобили,
Как футбалистам за красавец-гол.

Я б стал писать, наверное, шедевры,
Их выдавать, как пасы, на ура,
Не капал бы читателю на нервы
И стал кумиром мира и двора.

Увы, нас ждет судьба совсем иная:
«Служенье муз не терпит суеты»,
«Живи один», смеясь или стеная,
До самой смертной, роковой черты.

Няня поэта

Отец не знал, кем станет сын.
Был безразличен: плут ли, гений?
Каких достигнет он вершин,
С лицейских прыгая ступеней?
Ему завязывала руки
За спину в гневе в детстве мать,
И он сидел в тоске и муке,
Что мог он матери сказать?
Затем его цари вязали
И по рукам, и по ногам.
Он постоянно жил в опале,

Но редко кланялся богам.
И только няня лишь одна
Была наперсницей поэту,
Где б ни скитался он по свету,
В его душе жила она.
Её сказанья, песни, были,
Преданий разных целый мир
В его поэзию входили,
Как Данте, Байрон и Шекспир.

Жанна Ковалева

Мольба

Живу, душой изнемогая,
Опять мечта меня влечет
В страну, где Сороть голубая
В реку Великую течет.
Михайловского рай зеленый,
Холмов Тригорских благодать,
Туда, где «Дуб уединенный»
Мне что-то не успел сказать.
Молю судьбу: «Даруй частицу
Последней радости земной.
Дай Святогорью поклониться,
Что воссияло предо мной!

К могиле Пушкина

Под ногами уставший гранит,
И невольно ступени считая,
Я на каждой на миг замираю.
Вороньё над собором кричит

37 – роковая заря
Рафаэля, мятежного лорда,
И твоя в белый ад января
Голова запрокинулась гордо.

37 – мой полуночный крик,
Боль твоих несказанных страданий,
37 – кровоточье гвоздик
Сквозь года на зажившую рану.

Владимир Панов

Кого, куда в метельной круговерти
В санях – кибитке кони вскачь несут?
То – Пушкина
 судьба везет в бессмертье.
А если так,
 то это – Божий суд.
Поэта дивного
 великие творенья
В сердца народные
 пойдут из века в век.
Так Бог решил.
 Поплачь, поплачь, смиренье –
Ушел из жизни
 светлый человек.
Что ж так настырны вы,
 дурные, злые вести?
«Ах, женка-женушка» –
 Красавица-жена.
Любовь и ревность
 стали жаждой мести –
Черна ты, речка Черная, черна.
А разве не черны
 вы, серые кукушки?

Так мало нагадали –
только – 37...
О, сколько тайн
унес с собой ты, Пушкин!
На Натали
женился ты... зачем?
Но прочь с души
надуманное чувство!
Священны гения
опального пути.
Упрек его любви –
безумие, кощунство.
Великий ум,
прости меня, прости.
Тоска-печаль моя,
о, как ты высока!
Моим протестам
выстраданным тесно.
Смотрю на кучевые облака,
А вижу дым от выстрела Дантеса.

Пушкинская площадь

Россия... Родина...
В компьютер ты запущена.
Но, перегруженный,
Он искренно искрит.
Москва. Тверской бульвар.
Пришел Есенин к Пушкину –
Вопрос от Чернышевского
“Что делать?” не закрыт.
И разве Гоголь
В дни свои не спрашивал:
«Куда, Русь-тройка,
Мчишься? Дай ответ!»
Ответа не было.

Художник мир раскрашивал
Квадратом черным –
Смолы тягучий цвет.
Умы великие!
Как мрачен лик России!
Как хочется понять
Ее к рассвету путь!
Шаги по терниям,
А ноги все босые –
След кровянит
И сердце точит жуть.
Желанье, мистика,
Грез радужных сиянье.
Ох, как удущлив
Легкой жизни чад!
Жестоко бьют
Друг друга россияне,
А бронзовые гении молчат.
И день, что тень,
Страшна глухая полночь.
Мы вновь «до основанья», а затем
Зовем родимых классиков на помощь –
Понять себя
В накладках сложных тем.
Мы в ступе времени
Хотим добиться толка.
Но нет муки,
Лишь мука толчеи.
Мы нравственность свою
Расстукали настолько...
Вновь ищем истину –
Мы кто? Мы где? Мы чьи?
.....
Искрит компьютер.
Его удущлив чад.
Жаль – бронзовые гении молчат.

Борис Салтыников

Мой Пушкин

Я помню, чутъ ли не с рожденья
Богатства Пушкин мне дарил:
И сказок золотые звенья,
И песнь, где русский дух царил.

Всю жизнь, до старости хранил
С большой поэзией общенье,
Запомнил чудные мгновенья,
Исполнившихся душевных сил.

И вот на склоне лет заметил,
Не накопив, увы, монет,
Что путь мой все-таки был светел

И осветил его Поэт.
Он веру дал надеждам новым,
Что рухнет тьма, падут оковы.

Телебесы

(Парафраз «Бесов» А. С. Пушкина)

Мчатся тучи «звезд» эстрады,
Заполняя весь экран,
Демонстрируя наряды
Из чужих далеких стран.
Безголосы, безобразны,
Беспрardonны и наглы....
Источают кайф заразный
С наркотической иглы.

Посмотри-ка, вновь играют,
Децибелами гремя.

Вновь толпу во мрак толкают,
Радость разума громя.
Вот по сцене проскакали,
Извиваясь червяком...
Вспышки лазеров сверкали,
Ослепляя дураков.

Раскрутили рой за роем
По дворцам и площадям.
Визгом жалобным и воем
Глушат души не щадя.
А кумир хрипатый стонет!..
И не более двух нот.
Домового ли хоронит?
Ведьму ль замуж отдает?..

Ольга Худорожкова, г. Куйбышев, ИСО

Любви к нему все возрасты покорны

«Куда ж нам плыть?» А может быть, к тому,
Любви к которому все возрасты покорны
И чей корабль, рассекая волны,
В пучине времени не затонул...
Он «наше все», он духа средоточье,
Что выразилось ярко, мощно, точно
В «Отцах пустынниках», «Пророке» и Гриневе,
Менталитет наш утвердивши в Слове.
Куда ж нам плыть? Держите курс всегда
На честь и милосердье, господа.

Читая Пушкина

Строфою ясной и любимой
Хочу я рассказать о том,
Как в зимний вечер, длинный-длинный
Вновь раскрываю милый том

С изящной надписью старинной
И острым росчерком пера,
С пометками, что на латыни:
И vale¹, и et cetera²,

И голос слышится поэта,
Простая дева им воспета.

¹ Vale – будь здоров (лат.)

² Et cetera – И так далее (лат.)

Свой разговор он неустанно
Ведёт с читателем романа:

Вот речки зимнее убранство,
Иль нравы местного дворянства,
Иль бал, чудацства гостей
Рисует кистью он своей;

...Героя горькое смятенье:
Собою властвовать уменье –
Урок, усвоенный сполна,
И чаша выпита до дна...

А за окном – всё так же снег
Струит повсюду мягкий свет.

Í óáëèöèñòèêà

Олег Кузьменков

Пушкин и парапушкинисты

*Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.*

Бл. Маяковский

В России все любят Пушкина, любили и те, кто в прошлом веке хотел сбросить его с парохода современности, любят и те, кто ныне с его именем пишут непотребные авангардистские стихи. Попросите любого человека назвать первую, приведшую ему в голову фамилию русского поэта, и девяносто процентов спрошенных россиян назовут имя Пушкина.

И не только потому, что с творчеством Пушкина все знакомы со школьных лет, а потому, что это действительно поэт всенародной славы и известности, а фамилия его получила нарицательное значение еще во времена безграмотности простого народа России. Может быть, это пошло с той поры, когда он, надев красную рубаху, ходил по ярмаркам окрестных с Михайловским псковских деревень и крестьяне воспринимали его не столько как писателя, а скорее как свойского человека, как ловкого, остроумного добра молодца, который всегда найдет нужный ответ и выход из любого щекотливого положения. Наверное, с тех пор и пошло летучее выражение «Кто это сделает – Пушкин?».

Имя Пушкина вошло в самосознание русского народа не только по причине его величайшего поэтического дара и основополагающего вклада в нашу культуру, а и вследствие всем

известных фактов его судьбы – его дуэли, его мученической смерти и потому, что он пострадал за правду, не пожалел жизни своего, охраняя свою честь и достоинство.

То есть, имя Пушкина, вдобавок к притягательности замечательных его произведений, окружено еще и неким венцом, мученическим ореолом. Русский народ по природе своей сострадательный и сердобольный, поэтому этот элемент страстотерпца имеет очень большое значение в народном восприятии Пушкина и душевной близости его каждому русскому человеку.

Огромный талант Пушкина, очарование его поэзии и блеск ума, доступность и непринуждённость всего его творчества явились причиной неустанного внимания и интереса людей к его литературным произведениям, характеру, поведению и фактам личной биографии. Жизнедеятельность личности такого масштаба, какой является Пушкин, всегда привлекает внимание историков, литературоведов и просто неравнодушных людей. Они хотят разобраться в истоках гениальности, выяснить неясные или сознательно зашифрованные страницы его творчества, выявить связи гения с другими историческими персонажами и событиями, которые происходили в государственной и общественной жизни в период их деятельности.

Таким образом, гениальная историческая личность с течением времени «обрастает» большим количеством биографов, исследователей его наследия и различного рода толкователей творчества великого человека.

Пушкин, несмотря на недолгий срок своей жизни, оказался такой глыбой, такой вершиной, которая привлекла огромное количество исследователей, число которых давно перевалило за сотни, а число опубликованных о нем работ – за тысячи, а может быть, десятки тысяч.

Что движет всеми этими авторами, почитателями и публикаторами? – Извечное человеческое любопытство, поиск жизненного примера, стремление восстановить исторические факты, а часто и просто желание показать себя, «засветиться» в лучах его славы. Существует множество и других причин,

побуждающих человека более пристально относиться к Пушкину, чем к другим его знаменитым современникам. Например, благородное желание восстановить справедливость. Ведь справедливость – чисто божественное чувство, наличие которого в характере человека нельзя объяснить никакими эволюционными процессами. К Пушкину было проявлено много несправедливости его современниками, да и сам он, по своей человеческой сущности, иногда грешил невоздержанностью и несправедливостью к окружающим его людям – взять хотя бы злую и унизительную эпиграмму на графа Воронцова:

*Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда..... и т.д.*

Пытаясь разобраться среди множества различных опусов на пушкинские темы, необходимо обратить внимание на их разнохарактерность, на принципиальную разницу, которую можно усмотреть по существу того вклада, который они вносят в Пушкиниану не только с литературной стороны, но и как специфическую область российской культуры. С этой точки зрения их можно разделить на несколько групп.

Первая группа – это учёные-пушкинисты

Это люди, которые сознательно посвятили всю свою жизнь – или часть её – добросовестному изучению пушкинского наследия и делают это профессионально, работая с первоисточниками в государственных и частных архивах, находя ранее неизвестные подлинные документы, более тщательно изучая уже известные и заново анализируя их. Они имеют соответствующую научную подготовку и обладают профессиональными навыками исследования исторических и литературных текстов. Их имена хорошо известны – начиная с первых биографов Пушкина П. Анненкова и П. Бартенева и таких пушкиноведов, как Б. Модзалевский, М. Гершензон, М. Цявловский и многие другие. Их работы внесли огромный вклад в пушкинистику, заслуживают всяческого уважения и используются новыми поколениями пушкинистов.

Вторая группа – её можно назвать народными пушкинистами

Это люди, которые, не являясь профессионалами, по тем или иным причинам проявляют повышенный интерес к творчеству Пушкина и фактам его биографии, испытывают особое удовлетворение, перечитывая его произведения, пытаются найти что-то новое в них и других доступных им материалах пушкиноведения. Они активно участвуют в тех акциях, которые устраиваются различными учреждениями культуры и средствами массовой информации под знаком пушкинского имени.

Так, несколько лет назад проводился всероссийский телевизионный конкурс «Ай да Пушкин!», который собрал любителей творчества Пушкина со всех уголков России и финал которого проводился в Москве. По результатам этого конкурса была издана очень своеобразная, хорошо иллюстрированная и умело срежиссированная книга-викторина, уникальное в своём роде издание. Нам известно, что финалистам этого конкурса даже были выданы некие дипломы на звание «народный пушкинист». Но по нашим понятиям народные пушкинисты не нуждаются ни в каких дипломах, им может быть всякий человек, который не только любит и знает Пушкина, но и проявляет себя активно в этой области. Пропагандирует его творчество, проводит работу со школьниками и студентами, участвует в музыкальных и поэтических концертах, собирает пушкинские материалы, принимает участие в создании местных музеев Пушкина.

Многие талантливые люди из числа народных пушкинистов публикуют свои размышления и исследования как в виде самостоятельных изданий, так и участвуют в различных сборниках и альманахах. Не проводя резких границ между авторами, можно сказать, что работы некоторых из них, кого мы причисляем к народной пушкинистике, находятся на достаточно высоком научном и доказательном уровне для того, чтобы их можно было бы отнести и к первой группе авторов. В их число входит калининградский пушкинист, профессиональный военный Феликс Кичатов, автор нескольких изданий: «Пушкин. Взгляд из зарубежной России» (2005 г.),

«Кофейный портрет»(2006 г.) и другие, омский исследователь Пушкинианы Валерий Болтунов, опубликовавший несколько очень интересных содержательных книг, новосибирский пушкинист Владимир Крыжановский, выпустивший «Путеводитель по портретам Пушкина» со многими цветными иллюстрациями и в прекрасном полиграфическом исполнении. Необходимо отметить работы на эту тему новосибирца Владимира Евдасина, характеризующиеся оригинальностью и углубленным творческим прочтением Пушкина.

Общим оценочным критерием опубликованных народными пушкинистами материалов является их бережное отношение к творчеству и фактам биографии Пушкина, стремление не переиначивать доподлинно известные факты, основанные на документальных свидетельствах, в угоду сенсационным «открытиям», неискажать необоснованными домыслами светлый облик гения русской литературы, названного солнцем русской поэзии. Публикуя результаты своих исследований и догадок, каждый добросовестный пушкинист обязан учитывать, что в основе принятых им версий должны лежать три основополагающих источника (системных принципа):

1. Подлинные архивные документы.
2. Свидетельства современников в тех их частях, которые не противоречат одно другому.
3. Свидетельства самого поэта, которые можно найти при внимательном прочтении его литературного наследия.

Однако принципы эти очень часто не соблюдаются по разным причинам. Одна из них – обычная человеческая недобросовестность, в основе которой лежит желание показать свою сопричастность к имени гения, засветиться его отражённым светом, а то и попросту мистифицировать читателя, не заботясь о добром имени – ни Пушкина, ни своём собственном. Такие работы публикуются, особенно в печатных средствах массовой информации, частью по малограмотности или легковерности редакторов этих изданий, а в большинстве случаев из стремления к сенсационности, ведь сенсации – это хлеб журналистики.

Подобных сочинителей в среде пушкинистов мы выделяем в третью группу и будем называть их парапушкинистами.

Стоит ли писать о выдумках парапушкинистов, их претензиях на новое слово в пушкиноведении и давать их опровержение? Некоторые учёные и читатели считают, что не следует этого делать, чтобы не привлекать к ним внимания и не создавать дополнительную рекламу их вымышленным, а то и скандальным «открытиям». Мы считаем такой подход неправильным, ведь лживые и необоснованные публикации снижают весь уровень пушкиноведения. Они создают мифы, которым верят неискущённые читатели, где образ Пушкина показывается исказённым, а исторические факты сфальсифицированными.

Особенно много таких необоснованных версий выдвигается в истории предсмертной дуэли Пушкина. Одна из авторов нашего альманаха, поэтесса, интеллигентный и образованный человек, прислала нам неплохое стихотворение о Пушкине, в котором были слова: «Стреляли, как известно, двое....». Мы отказали ей в публикации этого стихотворения, потому что версия о том, что в Пушкина стреляли двое – не только Данте, но и некто другой, находившийся где-то поблизости и нанесший поэту смертельное ранение, не выдерживает никакой критики, это явная выдумка парапушкинистов. И вот что дословно ответила наш корреспондент: «Была статья в феврале 2006 года в уважаемой газете «Труд», и там все это описано – как изучали баллистику пули, анализируя траекторию, как велись раскопки в Пушкинском заповеднике и т.д. Впечатление производит убедительное **опровержение никаких не было**. Под действием этой статьи и было написано то стихотворение. Очень много публикаций на эту тему, в том числе и в Интернете. **Как же отличить истину от вымысла?**»

И действительно, как это сделать?

Поскольку предлагаемых парапушкинистами версий очень много и они весьма разнообразны, то общего рецепта здесь нет. Общим является только то, что к каждой новой версии необходимо относиться скептически, с позиций здра-

вого смысла и разумного консерватизма, основанного на изложенных выше 3-х системных принципах. Рассмотрим их применительно к данной версии:

1. Документальные архивные свидетельства – их нет.
2. Свидетельства очевидцев – их нет.
3. Свидетельства самого поэта – нет ни прямых, ни косвенных.

Особо следует остановиться на втором пункте – ведь на дуэли присутствовала целая группа людей. Как же никто не заметил ещё одного неизвестного человека на практически открытом пространстве? И не услышал второго выстрела, ведь сделать два выстрела строго одновременно не имеется никакой возможности. Что же касается баллистических исследований траектории пули, то вряд ли их вообще стоило проводить. Надо помнить, что пуля была круглой и выстреливалась из гладкоствольного оружия. Она могла легко отклониться от своей траектории при встрече с каким-либо плотным препятствием – например, пуговицей или швом из твёрдым корсетной ткани в одежде Пушкина.

Очень часто пустым домыслам парапушкинистов люди верят, потому что очень хочется верить. Например, в то, что на Данте был бронежилет. Во-первых, никаких бронежилетов тогда не существовало, могла быть кольчуга. Но и кольчуга – это из средневековья, они использовались для защиты от холодного оружия, но в 19 веке уже не применялись, так как плохо защищали от огнестрела. Версия бронежилета возникла потому, что уж очень хочется нам видеть Данте умышленным злодеем и законченным подлецом, а, между прочим, он таковым не был. Он был принят в высшем обществе, «в свете», в том числе в кругу друзей Пушкина и пользовался там хорошей репутацией, ведь только в таком качестве он смог жениться на свояченице Пушкина. Просто он был обычновенный хлыщ, дамский угодник и паркетный шаркун, он и в мыслях не имел, кто такой для России человек, которого он вызвал на дуэль, поскольку ничего не читал, не зная русского языка, да и знать его не хотел. Пушкина он

воспринимал только как ревнивого мужа той женщины, которую он (искренне или притворно) любил, с которым во-лею судьбы должен был драться на дуэли и смертельно ранил при этом.

А что ещё ему оставалось делать – ведь Пушкин был известный дуэлянт, хорошо стрелял из пистолета и наверняка убил бы Дантеса, не опереди тот его выстрелом.

В этом была воля Пророков, запечатлевшего Пушкина в наших сердцах таким, как это есть сейчас: благородным человеком, не запятнавшим свой образ убийством, страдальцем, принявшим мученическую смерть, истинным христианином, примирившимся со своей участью и простившим своего врага. Если бы случилось всё наоборот, еще неизвестно, получил ли бы он, оставаясь великим поэтом, такое особое место в нашем самосознании.

Одной из характерных особенностей парапушкинистов является то, что они или не знают некоторых, точно установленных фактов биографии Пушкина, или в угоду своей версии не считаются с ними.

Так, в «Комсомольской правде» от 06.06.2002 г. в статье «В руке не дрогнул пистолет» автор О. Мусафирова приводит сведения о работе некоего оружейника Павла Макарова, который смоделировал на компьютере схему поединка (приведена в газете), и утверждает, что Пушкин на дуэли с Дантесям стрелял первым, но промахнулся. Сказать так – значит опровергнуть все сведения, приводимые непосредственными участниками события, не доверять которым нет никаких оснований.

В другом еженедельнике, «Аргументы и факты» от 13 февраля 2007 года в статье «Из чего стрелял Пушкин» автор С. Осипов вообще перепутал все преддудельные события. Он пишет: «7 января поэт Александр Пушкин вызвал на дуэль кавалергарда Жоржа Дантеса, Как ни странно ...» и т.д. Ничего подобного не происходило 7 января 1837 года ни по старому, ни по новому стилю. И вызов на дуэль был сделан Дантесям, а не Пушкиным, а поводом для неё было оскорбительное письмо Пушкина, посланное приемному отцу Дантеса,

послу Нидерландов барону Геккерну, которое не оставляло никакой другой альтернативы, кроме вызова на поединок автора этого письма.

Подобных примеров можно привести очень много, но иногда публикуются версии, гораздо более замысловатые, хотя и столь же неверные. В «Литературной газете» от 6 – 12 февраля 2008 года опубликована обширная статья А. Воронцова «Они дрались насмерть». Автор вновь поднимает версию о составленном против Пушкина заговоре. И кого же он считает организаторами этого заговора? – Известных военачальников и государственных деятелей, с которыми поэт встречался, будучи на юге России, и находился в дружеских отношениях с ними. Суть версии сводится к тому, что упомянутые в ней генералы М.Ф. Орлов, П.Д. Киселев, А.П. Ермолов, А.И. Чернышов входили в число заговорщиков-декабристов, но остались неизвестными следственному комитету, расследовавшему дела заговорщиков. А Пушкину об этом было известно, и теперь, 10 лет спустя, они сильно обеспокоились тем, что Пушкин мог на них донести Николаю I и полностью разрушить их карьеру. Донести, конечно, не в прямом смысле – до такого предположения не может дойти даже самая буйная фантазия версификатора, но невзначай проговориться царю. Так, где-нибудь, при личной встрече, за рюмкой водки, без свидетелей: «Как же, Ваше Величество, и эти были замешаны в заговоре» или еще более интимно: «Коля, да как же ты приблизил и возвысил этих людей, ты же змею пригрел на своей груди».

Пусть простит меня серьезный и строгий читатель за ёрничество, но невозможно удержаться, читая подобные глупости. Все предположения автора – сплошь выдумка, передергивание фактов, непонимание духа той эпохи, принижение многих достойных людей, непонимание дворянского кодекса, когда честь дворянина была ему дороже самой жизни. Защита своей чести была причиной сотен и тысяч состоявшихся дуэлей, в которых погибали самые деятельные и энергичные люди государства, поэтому дуэли повсемест-

но (в том числе и в России) были запрещены под страхом самого сурового наказания.

В основу своей версии автором положено предположение, что стихотворение М. Лермонтова «На смерть поэта» носит не общеэмоциональный характер, а строго документальный. Лермонтов будто бы прямо указывает нам – ищите там-то и там-то, виноваты те, кто удовлетворяет эпитетам, использованным им в стихотворении: «надменный», «подлый», «рабский». Но их в гораздо большей степени можно отнести к совсем другим придворным, нежели к упомянутым генералам.

Очень странное предположение, почему именно Лермонтов взял на себя миссию замаскированного разоблачителя. В то время ему было всего 23 года, он был корнет лейб-гвардии гусарского полка и, скорее всего, был лично незнаком с Пушкиным. Он боготворил Пушкина как поэта и испытывал чувство огромной потери и эмоционального стресса после его гибели. Но он знал о нем менее, чем десятки других, близких Пушкину людей, его искренних друзей и почитателей, которым было гораздо больше известно о всех делах Пушкина, но никому и в голову не приходили подобные обвинения.

При создании любого стихотворения, будь то лирическое или гражданское, интенсивно работает фантазия автора, он ищет наиболее эмоциональное выражение своих чувств, ищет определения и метафоры, которые наиболее сильно воздействовали бы на читателя. Все это выражает его личный взгляд, его личное отношение к событию или факту и не может служить основанием для построения точной модели происшедшего. Иначе как же оценить другие строчки того же стихотворения «На смерть поэта», такие как:

*Погиб поэт, невольник чести.
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести.....*

Здесь первые две строчки верно соответствуют сути излагаемого события, а третья – совершенно неверно. Лермонтов, несомненно, знал обстоятельства смерти Пушкина – и то, что

свинцовая пуля была не в груди поэта, а в брюшной полости, и то, что в предсмертные дни он не жаждал никакой мести, а, наоборот, отказался от предложения своего секунданта и друга Данзаса отомстить, вызвать на дуэль Дантеса и убить его.

Для усиления эффекта своего стихотворения поэт воспользовался иносказанием, общим понятием (убит – значит, свинец в груди и т.п.), и никто не вправе винить его за это. Но никто не вправе и двурушничать – концентрировать внимание на тех строках, которые находятся в русле принятой автором версии, и не обращать внимания на другие, не соответствующие ей.

Наверное, не следует задерживать внимание читателя на всех других измышлениях автора рассматриваемой статьи, на попытках совершенно безосновательно оболгать многих заслуженных людей русской истории, в том числе и А.И. Тургенева, сопровождавшего, как наиболее близкий человек, гроб с телом Пушкина к месту его захоронения в Свято-гогорском монастыре.

Но нельзя не выразить недоумения тем, что эта статья опубликована именно в «Литературной газете», ведь это не какой-нибудь желтый листок, и даже не обычный еженедельник типа «Комсомольской правды», готовый в поисках сенсации публиковать любые измышления. Это уважаемое издание с замечательной доперестроечной историей, на титлах его красуется профиль Пушкина! Неужели редакция не видела полной недоказанности, надуманности публикуемого материала, или её не заботит собственная репутация?

Другой заботой парапушкинистов, после уничижения действительных и мнимых врагов Пушкина, является безудержное и часто безрассудное восхваление личных качеств и достоинств самого поэта. Приписывание ему всяких дополнительных талантов, доблестей и заслуг кроме тех, которыми он действительно обладал, невзирая даже на то, нужно ли это или нет, так как иногда приводит к обратным результатам, вызывая сомнение и недоверие ввиду их противоречивости доподлинно известным фактам.

Так, журналистом Л. Вяткиным были обнародованы свои вымыслы о том, что Александр Сергеевич достиг больших

успехов в артиллерийском деле и даже занимался литьём пушек. Всякому мало-мальски знакомому с биографией поэта известно, что математику (как основу артиллерийского дела) он не любил и не знал и вообще никакими инженерными делами никогда в жизни не занимался. Но желание еще раз преизвестии поэта – превыше всего, и даже люди, знающие реальные факты, с восторгом принимают эту версию. Разгадка её очень проста – артиллерийским делом действительно занимался Пушкин, но не Александр Сергеевич, а его однофамилец, ведь эта фамилия довольно часто встречается в русском языке. Всё это очень ясно и убедительно показано В. Евдасиным в статье «Нужны ли Пушкину приписки», опубликованной в 2006 году в 3-м выпуске «Пушкинского альманаха».

Однако инженерные таланты – это лишь малая и безобидная часть всех достоинств, придаваемых Пушкину некоторыми его «исследователями», желающими произнести и своё слово, чтобы попасть в орбиту его славы и известности. Так, в 2008 году вышла книга В.М. Лобова с интригующим названием «Ключи к загадкам Пушкина». Книга объёмом в 300 страниц, напечатана на хорошей бумаге, с иллюстрациями, имеет привлекательный вид. Она выпущена под грифом «Научно-популярное издание» и снабжена всеми внешними атрибутами такового, в том числе многочисленными сносками и списком литературы из 139 наименований.

Мы не берёмся рецензировать всю эту работу, так как это вряд ли целесообразно ввиду эклектичности её содержания. В ней перемешаны и действительные, всем известные факты, и необоснованные версии автора, и ссылки на другие, столь же недостоверные источники. Она заполнена многочисленными цитатами из произведений Пушкина, отдельным словам и фразам которых придаётся, по воле автора, новый, якобы не замеченный ранее другими читателями смысл, и на основании этого делаются совершенно произвольные выводы.

Однако на одном документе следует остановиться более внимательно, поскольку автор придаёт ему особое значение в

составе вновь открытого наследия Пушкина. Это так называемая, «Донская рукопись», автор книги называет её «научной рукописью Пушкина» и сообщает о ней следующее: «Пушкин собрал свои научные труды (это 200 рукописных листов на старофранцузском языке), закрытые особым «ключом»... В 1828 году Александр Сергеевич привёз свой труд на Дон, передав его Кутейникову Дмитрию Ефимовичу, бывшему в то время наказным атаманом Войска Донского... С тех пор несколько поколений рода Кутейниковых сохраняли, переводили рукопись на русский язык, ... изучали и проверяли научную работу А.С. Пушкина». В последние годы она оказалась в г. Таганроге у потомка дворянского рода Кутейниковых И.М. Рыбкина.

Известно, что любой вновь обнаруженный исторический документ, прежде чем быть принятным в общественное использование, должен пройти научную экспертизу. Автор книги сообщает нам, что хранители «Донской рукописи» еще в 1977 году предлагали на определённых условиях сделать это Институту русской литературы (Пушкинский дом), но не смогли договориться об условиях её раскрытия и публикации. Прежде чем обвинить уважаемое научное учреждение в косности и невнимании к новым открытиям в области пушкиноведения, мы обратились в ИРЛИ с просьбой о разъяснении сложившейся ситуации. И вот что нам ответил, по поручению руководства института, известный пушкинист главный научный сотрудник отдела пушкиноведения, доктор филологических наук С.А. Фомичев:

«... Что же касается книги В. Лобова, то могу сообщить следующее. Никакого отношения к науке ни эта книга, ни ряд других изданий единомышленников этого автора, не имеют. Лет 30 назад в Пушкинский Дом обращался некто Рыбкин (ныне покойный), который сообщил, что якобы в Таганроге хранятся автографы Пушкина (наряду с автографами Льва Толстого и Т.Д. Лысенко). Несмотря на фантастичность такого сообщения в Таганрог был направлен сотрудник Пушкинского Дома, чтобы проверить эти сведения. Как и следовало ожидать, никакие автографы ему не были

показаны. В дальнейшем же все измышления глобального масштаба таганрогских последователей Рыбкина основывались на единственном пушкинском тексте – «У лукоморья дуб зелёный». Можно проследить по публикациям, что они все больше и больше приспосабливались к текущей политической ситуации и менялись в зависимости от неё».

Нет никаких оснований не доверять такой авторитетной научной организации, как Институт русской литературы, однако попробуем оценить эту ситуацию и с точки зрения здравого смысла, по трём названным выше системным признакам правдоподобия.

1. Сведения в архивных документах.

Никаких апробированных документов и сведений, указывающих на существование в прошлом «научной рукописи Пушкина» не имеется, а сама она в настоящее время считается утерянной.

2. Свидетельства современников.

Несмотря на то, что В.М. Лобов (вслед за Рыбкиным) утверждает, что текст «научной рукописи» был знаком многим известным людям, в их числе Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, П.И. Чайковский и другие, никаких данных об этом не имеется ни в высказываниях самих этих людей, ни в воспоминаниях о них.

3. Свидетельства самого Пушкина.

В наследии А.С. Пушкина нет ни прямых, ни косвенных указаний на то, что он когда-либо занимался научной работой подобного характера.

Таким образом, всё указывает на то, что эта книга с многообещающим названием «Ключи к загадкам Пушкина» является еще одной печатной акцией парапушкинистов.

Может возникнуть вопрос – а стоит ли обращать внимание на подобные публикации, всё равно изжить их невозможно, разоблачая одни необоснованные версии, мы тут же встречаемся с другими. Подобные проявления свидетельствуют о грандиозности самой фигуры Пушкина, но многие из них не только исказывают живое лицо Пушкина, но и разрушают подлинный

смысл его творчества, лишая его тех неповторимых свойств, которые придавались им творческим гением самого поэта и подменяя их другими, совсем иного значения и качества.

Примером тому может служить упоминаемая книга Лобова.

В поисках скрытого смысла, зашифрованных сведений и пророчеств поэта этот «исследователь» вычленяет отдельные слова и предложения из стихотворного текста, заставляет читателя придавать им новый, будто бы скрытый смысл в отрыве от контекста. Тем самым он лишает его естественности и, сводя его к разрозненным смысловым понятиям, убивает цельное восприятие стихотворения, а значит, убивает и самоё Поэзию! Ведь настоящая поэзия пробуждает в нас не только смысловое восприятие, но и интуитивное чувство прекрасного; гармонией в сочетании звуков и слов возбуждает некий резонанс наших душевных струн и тем доставляет радость и наслаждение.

В попытках «разъять» стих в поисках его потаённого смысла, при этом разрушая его поэтический дух, такие «исследователи», не ведая того, уничтожают и самого Пушкина, ведь именно свою музу он любил больше всего на свете и только ей служил всю свою жизнь! А также теряется и основной смысл его творчества – дарить людям радость и пробуждать в них чувство доброго и прекрасного!

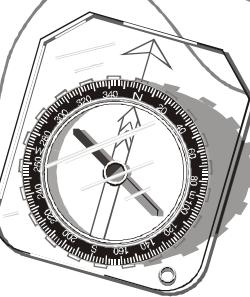
Однако в деятельности парапушкинистов можно усмотреть не только вред, но и пользу – они поддерживают постоянный интерес к Пушкину в обществе. И делают это порой даже с большим успехом, чем учёные пушкинисты. Правда, поначалу этот интерес может быть, как говорится, нездоровым. Многим хочется заглянуть в замочную скважину личной жизни гения, проникнуть в его тайны и мотивы поведения. Но потом серьёзный читатель уже сам пытается разобраться в том, где же здесь правда, а где вымысел. И тогда ему следует обратиться прежде всего к двум вполне доступным источникам:

1. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Академия наук СССР. С 1976 года неоднократно переиздавалась.

2. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина, в 4-х томах. Составитель Н.А. Тархова. – М.: Изд. Слово 1999 г.

Это и есть самые верные ключи к загадкам Пушкина.

O-åí ûå çài èñèè

Ольга Сонина

Судьба Пушкина и судьба России*

Пушкин есть явление чрезвычайное и, быть может, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет.

Н.В.Гоголь

...Непонимание Пушкина есть величайшая неблагодарность.

Ф.М.Достоевский

В предыдущей статье, посвященной анализу Пушкинской речи Ф.М. Достоевского, я сознательно обошла молчанием, быть может, самый значительный ее аспект – констатацию Достоевским всемирного значения творческого гения Пушкина, заключающего в себе именно вследствие этой всемирности некое пророческое указание на будущую историческую судьбу России и ее значение для всей европейской цивилизации в целом. «...Не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, – с потрясающей уверенностью в своей правоте утверждал Достоевский, – и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, по-

* Продолжение. Начало см. «Пушкинский альм.», вып.4. Публикуется с сокращениями.

вторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила...»¹. Однако, будучи единственным в своем роде, как подчеркивал Достоевский, это феноменальное качество русского гения отнюдь не является самодовлеющим. «Всемирность» Пушкина, как ее понимал Ф.М. Достоевский, есть именно пророческое указание на особое значение России в судьбе европейской цивилизации, дошедшей в своем развитии до некоей роковой черты и уже не имеющей возможности разрешить свои противоречия самостоятельно.

В этом смысле ослепительная, почти фантастическая «всечеловечность» Пушкина есть именно *руссость* в ее предельном развитии, утвердившаяся не как сугубо этническая характеристика, но как особое качество национального духа, его исключительная и только одному ему вверенная социокультурная миссия. «...Будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, – пророчествовал Достоевский, – что стать *настоящим русским* и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всесоединяющей...»(курсив наш. – О.С.). Но, являясь весьма лестными для национального самосознания, эти пророчества великого писателя не только требуют сейчас своего нового истолкования (сложен и темен смысл любого, заслуживающего внимания пророчества, не говоря уже о пророчествах Достоевского, который обладал в этом смысле несомненным даром), но и явно нуждаются в некоем контекстуально-творческом «обрамлении». Поскольку писатель отнюдь не претендовал на безусловное раскрытие феномена Пушкина, заключавшего в себе некую тайну влияния судьбы России на будущность европейской цивилизации («Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно, унес с собою в гроб некоторую великую тайну, – заключил он свою Пушкинскую речь. – И вот мы теперь без

¹ Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк). С. 146 – 147.

него эту тайну разгадываем»), то перед нами в свою очередь возникает ряд вопросов, в той же мере относящихся к судьбе и творчеству великого поэта, в какой они могут быть обращены к суждениям о нем и самого Достоевского.

Так как же следует понимать сейчас «всемирность» (или «всечеловечность») Пушкина, и почему в этой «всемирности» парадоксальным образом заключается именно наша европейская историческая судьба? Имеет ли эта «всемирность» какое-либо отношение к индивидуально-личностной судьбе поэта, или она укоренена лишь в его творчестве? И каким же образом связана судьба европейской цивилизации с судьбой русского поэта, отчужденного от нее и духовно, и социально, и географически? Не является ли, наконец, идея о «всечеловечности» творчества Пушкина, осмысленная Достоевским как некое провиденциальное указание именно европейской цивилизации, творческим заблуждением самого писателя, которое (в силу его явной фантастичности) не следует воспринимать уж слишком серьезно?

В общем контексте настоящей работы эти вопрошания отнюдь не являются излишними, ибо фиксируют, к сожалению, практически не замеченную многими внимательными критиками Достоевского *антиномическую коллизию* в восприятии писателем *личности и творчества* великого поэта. Так, с одной стороны, Достоевский отмечает «всемирность» («всечеловечность»!) гения Пушкина, а с другой – нимало не колеблясь, объявляет его, как это ни парадоксально, преимущественно... *европейским* достоянием, заключающим в себе некое сложное духовное предназначение, столь же значительное для европейцев, сколь и для самих русских. Дистанцированные друг от друга и рассматриваемые *автономно* оба эти подмеченные Достоевским качества пушкинского гения вызывали чрезвычайное раздражение у многих значительных отечественных мыслителей. К примеру, И.А. Ильин, согласившись с Достоевским в том, что всемирная отзывчивость, несомненно, присуща гению великого русского поэта, отнюдь не считал возможным рассматривать ее как определя-

ющую характеристику его творчества, ибо увидел в ней опаснейшую угрозу духовному единству личности Пушкина, а вместе с ним – национальной идентичности самосознания русских в целом. «И что за плачевная участь была бы у того народа, главное призвание которого состояло бы не в *самостоятельном созерцании и самобытном творчестве*, – воскликнул И. Ильин в негодовании, – а в вечном перевоплощении в чужую национальность, в целении чужой тоски, в примирении чужих противоречий, в созидании чужого единения!؟ Какая судьба постигнет русский народ, если ему Европа и “арийское племя” в самом деле будут столь же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли!?».

В противоположность И.А. Ильину К.Н. Леонтьев счел совершенно неприемлемым именно указание Достоевского на открытость пушкинского гения… европейской цивилизации ввиду радикального уклонения ее от ценностей и постулатов христианской культуры. Между великим поэтом-страдальцем, благородным, порывистым, рыцарски жертвенным в работе о личной чести, утонченно-аристократическим в дружбе, любви, гражданском служении, и европейской цивилизацией, расчетливой, эгалитарной и мелкобуржуазной, провозгласившей в качестве непререкаемых оснований своего бытия гедонизм, утилитаризм и эвдемонистическую «гуманность», нет и не может быть, по К.Н. Леонтьеву, решительно ничего общего, и одна лишь возможность допущения этого для здравомыслящего русского почти оскорбительна. Именно в этом смысле и могут быть истолкованы его гневные филиппики по поводу одного из широкоизвестных фрагментов Пушкинской речи Достоевского: «как мне хочется теперь в ответе на странное восклицание г. Достоевского: “О, народы Европы и не знают, как они нам дороги!” – воскликнуть не от лица всей России, но гораздо скромнее, прямо от моего лица и от лица немногих мне сочувствующих: “О, как мы ненавидим тебя, *современная Европа*, за то, что ты погубила у себя самой все великое, изящное и святое и уничтожаешь и у нас, несчастных, столько драгоценного твоим заразительным дыханием!”».

Тем не менее, как это ни удивительно, именно влияние Европы отозвалось в творчестве Пушкина, никогда не пересекавшего границы России, столь ослепительными шедеврами, столь многообразными в различных культурно-исторических проявлениях картинами – от эллинистических безумств в «Египетских ночах» до почти шекспировских коллизий в «Пире во время чумы», нарождающегося буржуазного духа в «Скупом рыцаре», мрачной назойливости подлинно испанской страсти в «Дон Гуане», гетеевского холодного «олимпийства» в набросках к «Фаусту», протестантского фанатического энтузиазма в знаменитом отрывке «Однажды шествуя среди долины дикой...» и пр., что подвергать сомнению *органичность* его русского гения именно *европейской культуре* решительно невозможно, если оставаться, как любил выражаться Достоевский, «на почве действительности». Поражая богатством творческих возможностей и артистически легким «вчувствованием» в ментальный строй разных западных народов, эта феноменальная пушкинская «европейскость» вовсе не растворяется в них всецело, не тщеславится и не гордится собой как носителем самой совершенной «всечеловеческой» культуры, а главное – вовсе не стремится быть «всемирной» в смысле экспансии своих идеалов и ценностей на чужие культурные территории. «Европеец» в Пушкине безукоризненно *толерантен*, толерантен той восхитительной снисходительностью гения, которая (подобно Моцарту) без зависти и мелочных придирок самолюбия стремится распространить свои дары на всех и вся. Чужое слово, если оно достойно выражено, всегда найдет отклик в его душе, будет понято, истолковано, творчески пережито и после духовного освоения отпущено «с миром», предоставлено самому себе и своему творческому предназначению. Не стремясь превосходить и господствовать, насиливать склад чужой души и прививать ей свое мировосприятие, этот парадоксальный европеизм великого русского поэта легко и непринужденно выходит за свои собственные пределы, становясь подлинно *всечеловеческим*. Есть все основания полагать, что *всечеловечность* эта проявляется не только в даре

эмпатии (как полагал Достоевский и вслед за ним в негативном смысле утверждал И.А. Ильин), но скорее в поистине универсальной и потому в высшей степени русской, никакими трагическими обстоятельствами существования России неизживаемой потребности сопереживания и сочувствия племенам и народам, судьбам и ситуациям, временам и нравам. Такому «европейцу», вопреки всем ожиданиям, становятся понятны и духовно близки смысл и строй религиозных откровений пророка Мухаммеда, жизненный уклад и верования западных славян, быт и привычки кавказского горца и, на конец, загадочные даже для этнических русских духовные основания родной страны, бесконечно разнообразные и одновременно внутренне единые в сложных формах социокультурной жизни и неписанных законах государственного строительства.

А.С. Пушкин как «всечеловек» и «всеевропеец»

Но кто же более убедительно представлен в творчестве Пушкина: «всечеловек» или «всеевропеец»? И которому из этих двух, казалось бы, взаимоисключающих начал его творческой личности дано, по слову Достоевского, *пророчески предуказать логику культурно-исторического развития России*, характер взаимоотношений ее с западной цивилизацией именно в период переживаемого ею острейшего кризиса, а через нее – и со всем остальным человечеством? Напомню: в изумительной «отзывчивости» художественного гения Пушкина, способного, как никто другой в мире, понять все и вся, Достоевский усмотрел пророчество не жизнеустроительного, а *духовного порядка*, некое таинственное обещание будущих возможностей национального духа, призванного разрешить неразрешаемое и примирить непримиряемое отнюдь не экономическими или военными усилиями («...Разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки?»), но исключительно «по Христову евангельскому закону». Более того, осуществлять эту странную миссию духовно-устраивающего водительства дано будет не сильной России, уверенно законодательствующей во всех формах европейской общественно-политической жизни, но скорее Рос-

ции ослабленной (или временно ослабевшей), претерпевшей какие-то исторические потрясения, а потому в эмпирическом плане по-прежнему остающейся «нищей» и «грубой». Однако, по Достоевскому, эта внешняя социальная неустроенность России и ее, казалось бы, бедственное положение парадоксальным образом лишь усилият *непреодолимость* ее нового духовно-исторического задания: «Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю “в рабском виде исходил, благословляя” Христос. Почему же нам не вместить последнего Слова Его? Да и Он Сам не в яслях ли родился?».

В этих парадоксальных, сбивчивых, невнятных, как и всякое пророчество, рассуждениях Достоевского просматривается некая общая констатация, конгениальная как личности и творчеству Пушкина, так и кровно с ним связанный России, неотделимой от него исторически и духовно. По сути дела, согласно Достоевскому, будущее «новое слово» России должно явить себя миру как «правда Христова», *персонифицированная* в творческом складе и духовно-душевных качествах ее величайшего поэта, непостижимым образом заключившего в себе некий сложный синтез основных европейских типов культуры с отечественной культурной традицией, «снимающей» и преодолевающей их жесткость и агрессивность. Выступая как гармонизирующее равновесие, казалось бы, поляризованных стихий, это удивительное единство как некий сложноорганизованный космос объединяет их, не растворяя друг в друге; *примиряет*, не унижая и не подавляя. Будучи подлинно *всемирным* по своей содержательной глубине, по форме оно остается вполне национальным, в высшей степени *русским*, то есть не эгоистичным и индивидуалистически-самодостаточным, знающим только «себя» и «свое», но бесконечно открытым и в открытости этой обращенным ко всему человечеству в целом и прежде всего к Европе, как возможность иного исторического пути, как надежда и указание.

Если перевести это пророчество на язык современных представлений, то становится несомненным, что у Достоевского речь идет о возникновении в России особой христиан-

ской культуры, соединившей в себе многообразие созидаательных усилий отечественного гения с творческими возможностями европейского культурно-исторического типа в их сложной исторической динамике – от античности до разнообразнейших проявлений так называемой фаустовской культуры. Подобно своему величайшему поэту, сумевшему на протяжении своей очень короткой 37-летней земной жизни побывать в юности и ранней молодости человеком античности, гедонистом до безудержа и скептиком до цинизма; в зрелости – откровенным «фаустианцем» (атеистом, жуиром, вольтерьянцем, байронистом, денди, республиканцем и конституционалистом, приобретателем-буржуа, живущим на доходы со своего «дела» и пр.); во время трагических изломов своей судьбы – в высшей степени русским, безупречно национальным по ментальному складу и типу поведения; и, наконец, убежденным христианином в горе и страдании, православным в сокровенно-духовном *самочувствии* и в основных жизненных предпочтениях, – Россия, согласно сокровенным упованиям Достоевского, вынуждена будет ассимилировать основные культурные достижения христианского Запада, сохранив при этом, однако, автономность собственного духовного и культурного задания. И только при условии взаимопроникновения своего «старого» и европейского «нового», *пересозданного* страдальческим напряжением национального духа, станет возможным появление совершенно оригинального типа культуры, в той же мере *русского*, в какой и *европейского*.

В контексте этих предположений возникает совсем иная версия «всеевропейскости» и «всемирности» художественного гения Пушкина. Расходясь с суждениями на этот счет многих значительных отечественных мыслителей и, как это ни парадоксально, с самим Достоевским, я рискну утверждать, что «европейскость» Пушкина отнюдь не исчерпывается столь присущим ему своеобразным творческим «протезмом», но скорее представляет собой поистине уникальную способность поэта вмещать в своем самосознании основные

культурно-исторические и национально-художественные типы Европы в их творческой одномоментности, ни в коей мере не утрачивая при этом избирающей самостоятельности творческой воли, неподкупности мысли и духа.

Действительно, вышедшие на арену европейской жизни лишь благодаря реформам Петра Великого, испытавшие множество влияний со стороны западных народов и государств, русские, дабы окончательно не потеряться перед Европой, не стать жалкими эпигонами ее нравов, образа жизни и привычек, просто вынуждены были взять на себя почти невозможное духовное бремя – стать носителями всех возможностей европейской культуры, но не в самодостаточности и обособленности их друг от друга, а в *синтезе*, в счастливой гармонии всех положительных качеств «европеизма», понять и практически осуществить который в России в полной мере было дано только гению Пушкина. Весьма показательны в этом плане суждения С.Л. Франка: «Пушкин остро осознавал, что вся русская культура XVIII-го и XIX-го веков и все начатки науки и искусства в России имеют своим источником ту европеизацию России, начало которой положил Петр Великий. Он чувствовал самого себя органически связанным с этим европейским элементом, насажденным в России Петром. Можно сказать, что он бессознательно ощущал то, что позднее о том самом так метко сказал Герцен: “На призыв Петра Великого образоваться Россия через 100 лет ответила колоссальным явлением Пушкина”».

Тем не менее при всем богатстве своих возможностей «европеизм» Пушкина не представлял «последней» сути и смысла его творческого гения. Парадоксальным образом национальный гений в Пушкине должен был вместить в себя *все самое лучшее в Европе*, дабы суметь сохранить *свое неповторимое творческое лицо в России* – в свободе и достоинстве, неподвластных никому и ничему. Многие духовно чуткие современники поэта (тот же Гоголь, например) прекрасно осознавали, что вместе с универсальной (почти возрожденческой!) одаренностью на него было возложено некое колоссальное сверхличное задание, уклониться от исполн-

нения которого он не мог ни при каких обстоятельствах. Осмелиюсь предположить, что эта особая миссия Пушкина, кстати, вполне осознаваемая им самим, заключалась в созидании поэтом *своеобразного культурного феномена*, почти не имевшего себе равных по качественному разнообразию своих проявлений в настоящем и вместе с тем наделенного изумительной способностью духовно-творческого предвидения будущего. Будучи персонифицированным воплощением души своей страны, ее вещей «психеей», Пушкин в образной форме в своих знаменитых, наиболее «европейских» произведениях – «Пире во время чумы», «Фаусте», «Моцарте и Сальери», «Каменном госте» и др. – сумел, как никто другой, предсказать многие роковые коллизии западной цивилизации, ее тоску по новым формам жизни и поистине фатальное неумение осуществить их практически. Более подробно о прорицательном даре Пушкина я скажу ниже, но уже сейчас не могу не заметить, что именно в последний трагический период своей жизни страдающий и мучительно одинокий русский поэт действительно стал явлением «всечеловеческим» и «всемирным». Многие современники великого поэта отмечали, что именно смерть придала особое величие его личности, завершив ее духовно и тем самым сделав подлинно совершенной. И действительно: роковой финал его жизни был столь значителен исторически, столь богат впечатлениями и смыслами, столь нравственно поучителен и столь таинственен событийно, что не мог не войти, по прекрасному выражению отечественного историка церкви А.В. Карташева, в состав «светской библии народов». «Разве в силах кто-нибудь развенчать потрясающую трогательность истории Авраама, Иосифа,魯фи, Davida, Илии? Кто посягнет на умаление трагической смерти Сократа, чудесности Александра Македонского, священности любви Данте к Beatrice, благородства Вильгельма Телля, феноменальности Наполеона? Их не вырвать из памяти наций. Это образы из светской библии народов. <...> Также “житийно” влечет нас и приковывает к себе и ослепительный образ Пушкина».

Но, как указывает А.В. Карташев далее, этот почти «житийный» поздний Пушкин, ставший первой (и, возможно, единственной) *всебющей любовью* русских, был отмечен прорицательностью особого рода. Сейчас уже совершенно очевидно, что мученическая кончина поэта, озаренная светом Божественной благодати и христианской любви, есть не только факт его личной биографии или исторической хроники. Сама роковая непреложность ее, как бы предназначенная свыше и ставшая *непреодолимой*, по сути дела, символизирует судьбу целого цикла отечественной культуры, призванной заново обрести свое духовное предназначение и стать совершенной через разложение и смерть.

Пророческое значение судьбы Пушкина для России и Европы

Приступая к последнему и, быть может, наиболее проблемному разделу этой главы, я хотела бы подчеркнуть, что применительно к Пушкину понятия «фаустовский человек», носитель «фаустовской культуры» и пр. ни в коей мере не следует рассматривать в качестве «идеологического» определения взглядов великого поэта, его мировоззренческих пристрастий или еще чего-нибудь в том же роде и духе. Так, пытаясь осмысливать значение судьбы поэта в контексте отечественной и европейской культур, мы не имеем права забывать, что по отношению к его жизни и творчеству образы и смыслы западноевропейского (фаустовского) мироощущения есть не более чем *метафоры*, в символической форме запечатлевавшие экзистенциальное содержание переживаний поэта в период его душевного и творческого созревания, социального и личностного становления. Что же касается характеристики его социально-политических умонастроений, то, как справедливо отмечают сейчас некоторые современные исследователи, Пушкин, подобно П.Я. Чаадаеву, Ф.М. Достоевскому, К.Н. Леонтьеву и многим другим отечественным мыслителям, несомненно, принадлежал к тому редкому и весьма сложно живущему разряду независимых и самостоятельно мыслящих русских людей, который никоим об-

разом не может быть подведен под какие-либо направления общественно-политической мысли России (будь то, к примеру, западники или славянофилы) и еще менее того – представлен как нечто общедоступное и потому легко классифицируемое. «Все эти славянофильства и западничества – все это лишь одно великое недоразумение, правда, исторически необходимое в просыпающемся русском сознании, но которое, конечно, исчезнет, когда русские люди взглянут прямо на вещи...», – утверждал Достоевский еще в 70-е годы XIX столетия, и хотелось бы надеяться, что хотя бы в отношении Пушкина эти упования все-таки сбудутся.

Более того, указывая на присутствие в жизни Пушкина аполлоновской и фаустовской версий судьбы как неких обобщенных оснований его мирочувствия, я считаю необходимым отметить, что в творческом пути поэта вслед за вторым («европейским») его периодом, несомненно, присутствовал и *третий*, к сожалению, не вполне развившийся из-за его преждевременной смерти, но по-своему очень значительный и глубокий. Именно в этом *третьем периоде* (называемом Достоевским «всеевропейским» и «всемирным») произошло, на мой взгляд, новое, неожиданное углубление поэтом своего творческого предназначения, представшего, однако, в несколько ином качестве, чем предполагал великий русский писатель. Только тогда, когда, согласно многочисленным пророчествам, личная судьба поэта начала неуклонно приближать его к последней черте земного бытия, состоялось важнейшее экзистенциальное событие его творческой биографии: подлинное, глубокое осознание Пушкиным творческого предназначения своего гения, уже не всеевропейского, но именно *русского* и в этой «русскости» действительно *всемирного*. В гордых строфах своего «Памятника» Пушкин с полным на то правом заявил миру о себе как о творце нового типа культуры, новой классики, где античное и западноевропейское творческое наследие «встречаются» и с народной художественной стихией русских и с восточно-христианской духовной традицией, смиряющей их мнимую самодостаточность и самоценность.

*Веленью Божию, о муга, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.*

Решающим признаком этой вполне самобытной культуры, этого нового творческого пути поэта, возникшего когда он, возможно, еще осознавал себя вполне европейцем (почти полтора века тому назад Достоевский высказал парадоксальную мысль: «...Пушкина мы еще и не начинали узнавать, это гений, опередивший русское сознание еще слишком надолго. Это был уже русский, настоящий русский, сам, силою своего гения переделавшийся в русского... и показавший на себе, как должен глядеть русский человек, – и на народ свой, и на семью русскую, и на Европу...»), становится благородная и умиротворяющая готовность ее величайших творцов (поэтов, полководцев, политиков) к *всепримирению* чужого и далекого со своим, родным и близким в акте высочайшей духовной свободы – где скорбь и благотворение едины. Согласно Пушкину, этим исключительным даром в полной мере обладал Петр Великий, определивший новую *европейскую* судьбу России:

*Пиรует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.*

<...>

*В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок поднимает.*

Что касается Достоевского, то по его глубочайшему убеждению, именно Пушкин оставил нам в наследство «слово все-примирения, всесоединения в великой и общей гармонии братства евангельского», и, быть может, наступает время, когда вопреки всему это упование имеет шанс осуществиться... В исторической жизни русских оно по большей части проявило себя в страдальческом напряжении национально-

го духа, самозабвенно служившего (как пророчески указал сам же Пушкин) не столько самому себе, сколько задачам высшего жизнеустроительного порядка – «всеевропейским» и «всемирным».

Именно Пушкину, постигнувшему, как никто другой, сложную, богатую и исполненную таинственными возможностями жизнь русского сердца, дано было впервые в России понять сокровенную природу «русскости» не как этнического, но как наднационального духовного феномена, вменившего в себя, по слову Достоевского, «все духи и гении мира, не внешне, а органически, как бы свое родное...». Причем освоить и творчески пережить эту «русскость» величайший поэт России сумел в самых разнообразных формах, доныне поражающих своей оригинальностью и совершенством – от мелочей бытового характера, детальным знанием которых он почти щеголял («Русский человек в дороге не переодевается, – поучал он свою молодую жену, – и, доехав до места свинья свиньею, идет в баню, которая наша вторая мать. Ты разве не крещеная, что всего этого не знаешь?»), до очень глубоких, экзистенциально значительных переживаний, весьма характерных для самосознания русских во все времена и эпохи: «Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит...». В этом удивительном стихотворении, обозначающем перелом в судьбе и жизнечувствии Пушкина, для нас чрезвычайно важно устремление поэта к почти недостижимому в земной жизни, антиномическому соединению... покоя и воли:

*На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег, –*

обещающему долгожданное освобождение от всех способов социального принуждения, несовместимых с творчеством, достоинством и любовью. В этом переживании соединились, казалось бы, самые несоединимые вещи на свете: фаустовская воля к самоутверждению с русской волюш-

кой, бесшабашной и безмерной как стихия национального характера; стремление к независимой частной жизни «на покое», где «мой дом – моя крепость», с почти детской, трогательной нуждой в местопребывании за пределами эмпирического бытия, где есть защита и опека совсем особых, надчеловеческих сил и потому живется легко и спокойно, как «у Христа за пазухой». Разумеется, что подобное жилище поэту не могла предоставить никакая земная власть, за исключением власти духовной, воссоединяющей земной дом человека с его небесной обителью. Есть все основания полагать, что именно о таком пристанище мечтал поэт, когда набрасывал план предполагаемого продолжения стихотворения: «Юность не имеет нужды at home, зрелый возраст ужасается *своего* уединения. Блажен, кто находит подругу, – тогда удались он *домой*. О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь etc. – религия, смерть».

Этот автокомментарий поэта чрезвычайно интересен для нас, поскольку позволяет задаться вопросом: что же случилось в жизни с эпикурейцем, вольтерьянцем и байронистом Пушкиным, если он без всякого внешнего принуждения сам осознал свою принадлежность к отечественной духовной традиции и пожелал воссоединиться с нею *на своей земле*?! И хотя, по всей вероятности, вполне достоверно об этом мы не узнаем никогда, тем не менее, согласно весьма сведущему в такого рода обстоятельствах К. Леонтьеву, *переход* от байронизма... к православию не только возможен, но у отдельных очень значительных и сильных личностей легко осуществим, ибо безмерность душевной боли имманентна здесь безмерностиисканий духа, неутолимых никем и ничем, кроме Христа-Спасителя: «От некоторых мест Чайльд Гарольда можно перейти без всякого усилия и почти незаметно к иным местам Давидовых псалмов, а от псалмов Давида – ко всей христианской церковности.

Два величайших лирика всего мира могут легко примириться в большой и тоскующей русской душе. И вольно же было сухим умам *мировую тоску*, тоску безграничную нена-

сытной и широкой души (русской души. – **О.С.**) сводить на мелкое гражданское недовольство современностью вместо того, чтобы *разрешить ее в Боге?*». Поэтому, по Леонтьеву, нет ничего удивительного в том, что недавний байронист Пушкин сумел написать подлинно православный шедевр: «Отцы пустынники и жены непорочны...»; гораздо удивительнее здесь другое: как из этих разнородных начал возникла новая христианская культура, преодолевшая свою этническую и национальную обособленность и поднявшаяся до всемирного значения. Более того, именно величайшему поэту России дано было отстоять духовное предназначение этой культуры – не в тишине кабинетных размышлений, не в polemике с друзьями и не в «теории», а в живом и мучительно-достоверном опыте изживания своей трагической судьбы – как *жертве и пророку одновременно*.

Особенно показательны в этом смысле дуэль и смерть поэта. Многочисленные биографы и хронikerы, буквально по минутам расписавшие поступки Пушкина в последние месяцы его жизни, дружно отмечают две поразившие их особенности: чрезмерную аффектированность переживаний поэта, явно не соответствующую ни житейской мелкости его семейной драмы, ни уж тем более откровенной человеческой ничтожности его врагов – Геккерена и Дантеса; а также поглотившую Пушкина потребность в испытании своей судьбы, не только не исключающую смерть, но, быть может, подсознательно устремляющуюся к ней. Вот что писал сам Пушкин в черновике преддуэльного письма к Геккерену: «Я добр, простодушен... <...> Дуэли мне уже недостаточно...». Весьма многозначительно описание преддуэльного поведения поэта гр. В.А. Сомогубом в период написания им этого письма: «Тут он (Пушкин. – **О.С.**) прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику. Губы его задрожали, гла-за налились кровью. <...> Что я мог возразить против такой сокрушительной страсти?».

Эти настроения, столь частые у зрелого Пушкина, вмешавшие в себя весь необъятный диапазон национальной пси-

хей – от беспредельной тоски до безудержной ярости, лишний раз свидетельствуют о том, насколько чужд был душевный склад поэта его ближайшему окружению, воспринимавшему избыточность его характера как дурной тон и неприличие. Многочисленные биографы Пушкина дружно указывают на весьма примечательное обстоятельство: чем больше искренности и непосредственности проявлял поэт в стремлении любой ценой отстоять свое достоинство, тем меньше он был уважаем в той среде, где прошла вся его сознательная жизнь. Однако в этом третировании *искреннего* как бессмысленного (если не сказать, глупого) была и своя жестокая правда. Живущий под гнетом античного рока, притаившегося в недрах его «цивилизованного» существования, фавстовский человек вынужден обуздывать свои влечения и не давать ни малейшей уступки страстям, дабы не спровоцировать воздействие судьбы, которое может оказаться беспощадным. Однако расчетливость, этот кумир фавстовской культуры, была глубоко чужда свободному, артистическому жизнеощущению поэта как в ранней юности, так и в зрелые годы («В Пушкине замечательно было соединение необычайной заботливости к своим выгодам с такою же точно непредусмотрительностью и растратой своего добра, – утверждал, в частности, П.В. Анненков. – В этом заключается и весь характер его»), поэтому предсмотрение ближайших последствий своих поступков не только не входило в его замыслы, но даже и не рассматривалось как возможность. Захваченного своими переживаниями преддуэльного Пушкина было совершенно невозможно укротить испытанными житейскими способами, к сожалению, это слишком поздно осознали и власти, и друзья, и родные поэта. Увлекший его вихрь оказался настолько сильным, а вызванные им страсти до такой степени всепоглощающими, что поневоле возникает предположение о внезапном пробуждении в таинственных глубинах его личности уже, казалось бы, изжитой навсегда *аполлоновской судьбы*, сначала делающей человека слепым играющим его же собственных страстей, а затем распоряжаю-

щейся им по своему усмотрению. О возможности переживаний такого рода Пушкин писал в поистине пророческих строках своих «Цыган», где главный герой поэмы, Алеко

... жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но Боже, как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирили?
Они проснутся: погоди.

Что же касается *фаустовской судьбы* с ее духом заботы, решимости и волевого порыва, пытающегося любой ценой восторжествовать над неблагоприятными обстоятельствами жизни, то нельзя не заметить, что накануне дуэли все эти устремления преобразовались у Пушкина в один-единственный мотив *попранного достоинства*, за возможность восстановления которого он в полном смысле этого слова *отдал жизнь*. Многие духовно чуткие современники поэта отмечали, что это стремление отстоять себя, свою репутацию, свое светское *имя*, наконец, в котором была не только слава первого поэта России, но и родовое достоинство 600-летней русской аристократии, доходили у Пушкина почти до умописступления, разрушавшего природную гармонию его личности. Пушкин «вступался не за обиду, которой не было, – утверждал гр. В.А. Соллогуб, – а боялся огласки, боялся молвы и видел в Данте не серьезного соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого он не перенес». И хотя супружеская честь Пушкина оказалась незатронутой, эффект мелочной гордыни, так странно диссонирующей с величием его ума и свободой духа, был настолько силен, что поэт предпочел подчиниться *поработившим* его формам общественной жизни и культуры и добровольно пойти на смерть, нежели прибегнуть к другим, менее опасным способам самозащиты. Эта фатальная захва-

ченность переживанием, духовно чуждым благородному и снисходительному в житейских проявлениях поэту, и была подлинной, настоящей причиной его гибели, что, как никто другой, сумел постичь младший современник Пушкина, поэт с не менее трагической судьбой: «Погиб поэт, *невольник чести...*» (курсив наш. – **О.С.**)

Однако нельзя не заметить, что в дуэли и смерти Пушкина было еще одно обстоятельство, к сожалению, до сих пор не вполне осмысленное многочисленными исследователями жизни и творчества поэта. Безусловно верная себе судьба поэта, прекратившая его земную жизнь в 37-летнем возрасте посредством самого заурядного представителя фаустовской культуры, трижды «белого» (согласно пророчеству), оказалась бессильной перед некоторыми событиями последних дней жизни Пушкина, настолько неожиданными, насколько и пророческими. Как свидетельствуют самые интимные друзья поэта, перед смертью Пушкин не только *сам* пожелал умереть *христианином*, со всем необходимым соблюдением тайнств исповеди и причащения, но и (что особенно замечательно!) полностью простил и Дантеса, и всех своих недоброжелателей, вольно или невольно подтолкнувших его к смерти. «Данзас сказал ему (Пушкину. – **О.С.**), что готов отомстить за него тому, кто его поразил. – «Нет, нет, – ответил Пушкин, – мир, мир!». Более того, приближение смерти не только не устрашило поэта, не вызвало в нем ужаса или душевного содрогания, но скорее было воспринято Пушкиным как благое вмешательство в его судьбу Высших Сил, как призыв из иных миров, предуготовляющих его к иным формам существования. «Пушкин заставил всех присутствующих сдружиться со смертью, так спокойно он ее ожидал, так твердо был уверен, что роковой час ударил, – писал В.И. Даль. – <...> Пушкин положительно отвергал утешение наше и на слова мои: “все мы надеемся, не отчайвайся и ты” – отвечал:

“Нет; мне здесь не житье; я умру, да, видно, уж так и надо!”».

Есть все основания полагать, что это настроение не было случайным, как это желали бы представить некоторые не-

дальновидные биографы поэта. Примечательно также, что эти переживания отнюдь не являлись следствием смертельного ранения; наоборот, они посещали вполне здорового и полного сил Пушкина незадолго до дуэли, о чем писал близко знавший поэта П.А. Плетнев: «Написать записки о моей жизни мне завещал Пушкин... за несколько дней до своей смерти. У него тогда было какое-то высокорелигиозное настроение. Он говорил со мной о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем, видел это качество во мне, завидовал моей жизни». Поэтому нет ничего удивительного в том, что предельная душевная усталость, своего рода изнеможение от жизни, не отвечающей высшим духовным запросам поэта, *пресуществились* у умирающего Пушкина в полнейшее смирение перед Высшей Волей, возвышающейся над всеми капризами и превратностями его судьбы и завершающей ее единственно возможным образом. И это смирение было вознаграждено. Случилось то, что никто не мог предвидеть: в момент смерти Пушкина роковые силы, терзавшие поэта, отступили, и, согласно счастливому выражению о. Г. Флоровского, «Христос пришел, чтобы разрешить вопрос судьбы человека». Благодать Божественного спасения осенила Пушкина вместе с освобождением его от бремени жизни, и это поразительное событие оказалось столь достоверным, столь ощутимо очевидным, что отрицать его было бы прямым кощунством по отношению к памяти великого поэта. «Когда все ушли, я сел перед ним (Пушкиным. – О.С.) и долго один смотрел ему в лицо, – писал В.А. Жуковский. – Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было в нем в эту первую минуту смерти. <...> Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовольствованное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось спросить: что видишь, друг? и что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. <...>... Никогда на лице его не видал я выражения такой

глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти».

Можно сколько угодно сетовать на злокозненное стече-
ние обстоятельств, подтолкнувших поэта к роковому фина-
лу, но вместе с тем нельзя усомниться в том, что итог жизни
Пушкина был бы совсем иным, если бы он не пошел на по-
воду у своей судьбы, толкавшей его к преждевременной смер-
ти, а захотел превозмочь ее с помощью благодати. Однако в
этом выборе между роковыми стихиями «мира сего» и Боже-
ственным вмешательством поэт оказался именно на стороне
судьбы, чем она и не замедлила воспользоваться. «Чувствуя,
что смерть близка, – писал кн. П.А. Вяземский, – он (Пуш-
кин. – О.С.) хладнокровно высчитывал шаги ее... <...> ибо
он желал этого исхода. <...> Он с нами не советовался, и ка-
кая-то судьба постоянно заставляла его действовать в невер-
ном направлении». И надо сказать, что за это подчинение
ложным фантомам бытия – судьбе, житейской магии, забо-
те, самолюбию, гордыне, – Пушкин заплатил непомерно
большую цену. Царь русских поэтов, считавший *свободу* од-
ной из главнейших тем своего творчества, «как отрок Би-
блии, безумный расточитель» сам отрещил себя от единствен-
но возможной на свете духовной свободы – «царственной
свободы Евангелия», предопределив тем самым не только
свою собственную судьбу, но и судьбу своей страны, а вмес-
те с ней – судьбу вверенного России культурно-историческо-
го задания.

Подобно своим героям – Онегину и Ленскому – поэт так
и не познал себя до конца и, быть может, сам того не желая,
избрал для себя наихудший финал из всех возможных: нега-
тивизм воли и сознания отечественного интеллигента, отри-
цающего все на свете, кроме собственного своеволия. О не-
обходимости познать самого себя, а вместе с собой и свою
страну Пушкину писал... не кто иной, как П.Я. Чаадаев, чьи
советы («погрузитесь в себя и извлеките из вашего собствен-

ного существа тот свет, который неизбежно находится во всякой душе, подобной вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечное благо этой бедной России, заблудившейся на земле...»), почти текстуально совпадают с известными призывами Достоевского к «русскому скитальцу»: «Не вне тебя правда, а в тебе самом, найди себя в себе, подчини себя себе, овладея собой – и узришь правду». Само наличие таких суждений у проницательнейших и умнейших людей своего времени, предупреждавших деятелей отечественной культуры о необходимости преодоления ими духовных недугов, могущих стать для них *роковыми*, несомненно, требует от них констатаций, не закрывающих проблему раз и навсегда, но, возможно, выводящих нас к новым идеям и решениям.

* * *

1. «Пушкин умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, унес с собою в гроб некоторую великую тайну, – утверждал Достоевский в finale своей Пушкинской речи. – И вот теперь мы без него эту тайну разгадываем». Действительно, личность великого поэта заключала в себе так много таинственного, что *все* ее тайны, очевидно, не будут разгаданы никогда. И все же, по моему глубочайшему убеждению, самая сокровенная тайна Пушкина как раз и заключается в совершенно особых, глубоко провиденциальных взаимоотношениях *его самого со своей же собственной судьбой*, а через нее и со всем необъятным миром западноевропейской и отечественной культуры в прошлом, настоящем и будущем. Разумеется, с моей стороны было бы большой смелостью утверждать, что в этой работе предоставлено исчерпывающее раскрытие этой «тайны», однако есть некоторые основания полагать, что какие-то аспекты ее, возможно, стали проясняться. Удалось это или нет – об этом предоставлю судить читателю, добавив лишь, что единственным и бесспорным «критерием истинности» здесь может служить *сама жизнь*, подтверждающая или опровергающая построения автора согласно своим прихотям и возможностям.

2. Как мы можем судить на основании всего вышеизложенного, в наиболее трудный и ответственный период своей жизни величайший поэт России – как глубоко несчастный в личной жизни человек – осуществил выбор между Богом и судьбой в пользу последней, и именно эта духовная ошибка и стала причиной его преждевременной гибели. По существу, Пушкин воспользовался Дантеом как предлогом, чтобы сдаться всю жизнь преследовавшему его року, для преодоления которого он уже не имел ни воли, ни желания, ни сил. И именно как Божью милость исстрадавшему человека следует понимать то, что из жизни поэт ушел не бунтарем и мстителем, а мучеником и жертвой, *искупителем* не только своей личной вины перед Богом, помочь и поддержку которого в этих трудных обстоятельствах он так и не смог принять, но и родовой вины всех своих будущих последователей, русских интеллигентов, также тяготеющих к погружению в метафизику судьбы и пренебрегающих свободой во Христе. Многие значительные деятели отечественной культуры неоднократно отмечали, что почти повсеместное обращение интеллигенции к языческим стихиям, житейской магии, суевериям, оккультизму и пр. было весьма распространено в наиболее сложные, переломные эпохи в истории страны, и, к сожалению, можно констатировать, что эта своеобразная (пророчески предугаданная поэтом!) *болезнь сознания* не изжита ею и до сих пор. Очень хорошо сказал об этом И.С. Шмелев, устами человека из народа, простой старушки няни, живущей у весьма «интеллигентных» хозяев, абсолютно противоположных ей по выбору основных духовных приоритетов: «В Бога не верили, а такие-то опасливые – судьбы боялись. За зеркала дрожали, как бы не треснуло. А я и посмеюсь: в Бога не верите, а зеркалу верите?»².

3. Но, избрав судьбу в качестве духовной основы своего существования, отечественная интеллигенция, быть может, сама того не желая, приняла именно фаустовскую ее версию, что опять-таки пророчески предсказал Пушкин в сложном

² Шмелев И.С. Няня из Москвы. М. – 1995. С. 273.

опыте своего соприкосновения с европейской культурой. Однако в противоположность Пушкину, отнесшемуся к ней как к совокупности переживаний определенного рода, отечественная интеллигенция приняла ее преимущественно как *идею*, утопическую социальную доктрину, долженствующую преобразовать Россию на тех или иных теоретических основаниях. Подобно ослепшему Фаусту, мечтающему о социальном рае на земле и при этом томящемуся дурными предчувствиями из-за непонимания цели и смысла затеянных им преобразований, русская интеллигенция, как и великий поэт России, оказалась в пленах у своих же собственных фантомов, на долгое время поработивших дух и волю народа и тем самым лишивших его возможности осмысливать перспективы своего дальнейшего исторического существования – в свободе, достоинстве и творческом самоопределении.

4. Но, будучи подвластным судьбе как человек, *как творец* нового культурно-исторического типа, *всемирного* по своим духовным задаткам и художественной глубине, Пушкин, безусловно, находился вне ее власти и в высшем скропленно-творческом плане был *свободен* от нее. Именно поэтому ему суждено было стать основателем великой культурной традиции, *благодатной* и по обилию ее творческих даров, и по значительности влияния на творчество многих художников слова как в Европе, так и за ее пределами. Одним из подтверждений подлинно *благодатной* основы творчества поэта может быть также и то, что он сам пережил мистические озарения чрезвычайной силы и глубины, сопоставимые по силе воздействия лишь со Святым Писанием. Особенno замечателен в этом смысле знаменитый и чрезвычайно любимый Ф.М. Достоевским пушкинский «Пророк», где поэт, согласно суждению В.Ш. Сабирова, не только постиг «роковую судьбинную тяжесть пророческого дара, выпадающего человеку по воле Пророков», но и сам удостоился «откровения высшей духовной реальности и Богоизбранной миссии пророка, несущего людям свет Истины». Как Пророку, удостоенному созерцания чудес Божь-

их, изменивших его духовное существо и тем самым обосновавших его от обычных, земных людей, Пушкину дано было воплотить в своей творческой индивидуальности и *тайну* исторического бытия России, так же, как и ее величайший поэт, раздирающейся между велениями своей судьбы и действием Божественной благодати.

5. Являясь *персонифицированным* воплощением души своего Отечества, Пушкин, как никто другой, сумел экзистенциально пережить и духовно освоить потрясающую уникальность *судьбы* России, трагически колеблющейся между стремлением к европейским (фаустовским) формам социального существования и потребностью *выговорить и предъявить* миру собственное независимое культурно-историческое задание, смысл и назначение которого становились явными лишь в эпохи жесточайших потрясений – и почти никогда во времена относительного благополучия. Ощущив и восчувствовав как личность и как художник всю мощь и значительность пришедшей в Россию европейской культуры, Пушкин сумел постичь и ее таинственные антиномии, запечатленные им в феноменальной фигуре Петра I. Именно в пушкинском «Медном Всаднике» Петр Великий, этот «протестант» (как называл его сам поэт в своих набросках к «Истории Петра I»), впервые предстал как жуткая сила, не щадящая никого и ничего. Заявив себя в истории (опять-таки по слову поэта!) в качестве русского синтеза двух великих европейцев – тирана Робеспьера и завоевателя Наполеона, Петр Великий осуществил над Россией некий *метафизический эксперимент*, поставив ее под знак *судьбы*:

*О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы? –*

что, по существу, и стало первопричиной многих зловещих аномалий в новой и новейшей истории нашего Отечества. Более того, оказавшись *по воле* Петра Великого под *судьбой*, Россия,

так же, как и ее величайший поэт, стала жертвой разного рода нелепых и страшных обстоятельств, и эта роковая случайность ее культурно-исторического бытия (особенно драматическая в XX столетии) не только предельно истощила жизненные силы нации, но и сделала проблематичной возможность ее дальнейшего существования. И если воспринимать судьбу Пушкина как явление пророческое (на чем, как мы помним, настаивал Достоевский), то перед Россией рано или поздно встанет один из тех вопросов, которые принято называть предельными: а можно ли ограничить действие неблагоприятной исторической судьбы страны помощью и поддержкой Свыше (Волей Божьей, благодатью)? Или, проще говоря, как повторить сейчас уникальный личный духовный опыт Пушкина, сумевшего соединить столь необходимые русским европейские формы жизни и культуры с православной духовностью? И хотя только дыхание смерти освободило в поэте христианина – и русского (что само по себе является для нас серьезным предупреждением!), все же можно предположить, что историческое бытие России не будет обрвано, если она, преодолев распад, хаос и разложение и овладев дарами фаустовской культуры и цивилизации, сумеет очистить их в покаянном огне восточно-христианской традиции. И если этому всему все-таки суждено случиться, то судьба России (как и судьба ее величайшего поэта) будет являть собой некий сложный исторический парадокс, где движение вперед, к западной цивилизации, будет как бы ритмически совпадать с возвращением назад, к себе, к родной христианской культуре, органичной 1000-летнему опыту духовно-гражданского становления нашего Отечества.

6. Что же касается значения судьбы русского поэта для судеб европейской цивилизации и культуры, то (как пророчески предчувствовал Ф.М. Достоевский) будущее развитие Запада в XXI и – в особенности – в XXII и XXIII веках будет представлять собой своего рода параболу истории, где современность окажется почти тождественной эллинизму, так сказать, «по всем пунктам»: мироощущению и образу жизни как элитарных слоев, так и париев общества, религиозным

умонастроениям, нравам, состоянию человеческого сознания, быту и привычкам народа. И именно тогда, когда, по слову Достоевского, за неимением других ценностей «будущая Вавилонская башня...» станет «идеалом и... страхом всего человечества», а гениально описанные Пушкиным в «Египетских ноках» «земные боги... ставшие впрямь уединенными богами и обезумевшие в отъединении своем, в предсмертной скуке своей и тоске тешащие себя фантастическими зверствами...», навсегда забудут о сверхрациональной основе истории – «...живой, свободной и постоянно присутствующей милости³» Божьей, – в бытие исторического человека *постфаустовской* культуры ворвется во всем могуществе своих роковых возможностей *античная судьба*, от которой ему уже некуда будет укрыться. О том, что духовные основания фаустовской культуры хрупки и очень плохо защищены так называемыми достижениями цивилизации вслед за Достоевским, увидевшим в Европе... кладбище, где лежат «дорогие покойники», достаточно много говорили уже в XX столетии талантливейшие представители русского зарубежья: Н.А. Бердяев, И.А. Бунин, И.А. Ильин, В.В. Набоков, С.Л. Франк, И.С. Шмелев и многие другие, но, к сожалению, все их предостережения до сих пор так и остались неуслышанными. И подобно тому, как угративший духовную свободу и поглощенный Заботой зрелый Пушкин *просмотрел* неожиданно явившуюся к нему судьбу и оказался не готов к встрече с нею, так и беспечный, рационалистический и склоняющийся к ложным формам мистицизма Запад рискует оказаться лицом к лицу с вызванными им же самим роковыми силами бытия без поддержки и опеки со стороны трансцендентных Инстанций, взывать к которым будет уже и поздно, и бесполезно.

7. Совпадая со Шпенглером в том, что западное «общество сложилось не... на Христе, а на Римской империи», Достоевский был одним из первых отечественных мыслителей, кто увидел, что «всеевропейское» и «всемирное» значение России заключается в призвании к духовному водительству,

³ Шпенглер О. Закат Европы. С. 207.

к которому, страдая и ошибаясь на своем жизненном пути, шел также и ее величайший поэт. Именно России и никому другому дано будет, по Достоевскому, в мученичестве и скорбях утверждать *всечеловеческие* идеалы христианского общеиздания, где гражданское внутренне тождественно духовному, ибо и то и другое (пусть и по-разному!) служат единой и вечной правде Христовой. «У вас гражданские идеалы одно, а христианство другое, – писал он, сопоставляя Западную Европу с Россией. – По-нашему, по-русски это неделимо. Гражданским должно быть христианство, а христианин уже поневоле гражданином, ибо мы христианство принимаем в идее, а не в слове и не в букве, как вы».

Однако эта духовная рознь, фатальным образом установившаяся между европейцами и русскими, согласно Достоевскому, не может быть вечной. Подобно А.С. Пушкину, ставшему христианином не по букве, а по духу и преодолевшему благодаря этому тяготевшую над ним судьбу, «народ западный свергнет ту гнусную оболочку, в которую его заключили, и кончит тем, что найдет Христа. Может быть, к нам придет за Ним, к народу нашему великому, и тогда все обнимемся и запоем новую песнь».

И если мы все-таки «встретимся с Европой на Христе», как вопреки «злобе дня» предрекал Достоевский, то это огромное по своей духовной значимости событие, по-видимому, отменит или, по крайней мере, смягчит воздействие судьбы на бытие европейской цивилизации, и тогда весь ход новейшей мировой истории может быть совершенно иным, нежели предполагал О. Шпенглер. Сейчас, разумеется, трудно предугадать, кто был более прав в трактовке этой культурно-исторической коллизии – немецкий философ-фаталист или русский православный писатель, да и разрешение ее – дело отнюдь не сегодняшнего дня. И все же именно мучительный жизненный опыт великого отечественного поэта показал, что смирить судьбу можно только Божественной благодатью, для свободного и спасительного действия которой в мире не существует ни преград, ни ограничений, ни запретов.

Николай Вольский

Звуковые повторы у Пушкина

Заявленная в заглавии тема отнюдь не нова. Появившаяся уже в 1919 году статья О.М.Брика¹, впервые введшая в научный обиход понятие «звукового повтора», основывалась на примерах, значительная часть которых была взята из произведений Пушкина. В 1923 году к этой же теме обратился В.Я.Брюсов², который, хотя и ни единым словом не упоминал о существовании статьи Брика, все же тщательно избегал повторения строк Пушкина, уже цитированных Бриком. Можно сослаться также на статьи А.Гербстмана³ и Н.А.Кожевниковой⁴, а также на работы других авторов, в которых обсуждение приемов стихотворной техники, обозначаемых как «звуковые повторы», «аллитерация», «эвфония», «слоговые созвучия», «паронимическая аттракция», сопровождается примерами из пушкинских стихов. Как источник примеров Пушкин – а равно и другие поэты-классики – практически неисчерпаем, и любую теоретическую конструкцию можно подтвердить ссылкой на его опыт.

Но можно пойти и другим путем и, обнаружив у Пушкина (рассматриваемого как эталон поэтического мастерства и

¹ Брик ОМ. Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры стиха) // Сборники по теории поэтического языка. II. Пг.1917 – С. 24 – 62

² Брюсов В. Звукопись Пушкина. // Брюсов В. Избр. Соч. в двух томах – Т.2. М.: 1955 – С. 480 – 498 (Впервые статья была опубликована в журнале «Печать и революция», 1923, кн. 2.)

³ Гербстман А. Звукопись Пушкина. // «Вопросы литературы», 1964, № 5 – С. 178 – 192

⁴ Кожевникова Н.А. О способах звуковой организации стихотворного текста. // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М: Наука, 1988 – С. 183 – 211

стихотворной техники) какой-либо эффектный случай введения в текст звуковых повторов, попытаться понять их роль в общей конструкции стихотворения, а следовательно, и механизм их воздействия на читательское восприятие. Собранные таким образом отдельные «поэтические факты», независимо от их исходного истолкования, могли бы в дальнейшем служить эмпирическим материалом для исследователей, выдвигающих любые гипотезы стиховедческого или общестетического характера.

Предлагаемые ниже заметки, не претендуя на широкие обобщения, описывают три интересных случая виртуозного использования Пушкиным звуковых повторов.

I

Суждение, состоящее из нескольких простых суждений, называется сложным: например, «Прозрачный лес один чернеет, и ель сквозь иней зеленеет, и речка подо льдом блестит».

Из студенческого реферата по логике

Один из хрестоматийных образцов пушкинской словесной живописи – строки из стихотворения «Зимнее утро»:

*Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

Наличие в этих внешне безыскусных строчках внутренних созвучий уже отмечалось ранее (прозрачный, *чернеет*, *речка*⁵), но присмотримся к этому отрывку более пристально. В нем обнаруживается более сложная симметрическая структура:

..ЛЕС один ЧЕРнеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И РЕЧка подо льдом БЛЕСТИТ.

⁵ Там же.

Уже одного этого было бы достаточно, чтобы признать расположение перекликающихся слов не случайным совпадением, а результатом намеренного (но вовсе не обязательно сознательного) упорядочивания поэтом фонетической структуры стихотворения. Благодаря такому неосознанно воспринимаемому порядку на фонетическом уровне находящаяся в ясном поле читательского сознания картина зимней природы приобретает черты внутренней гармонии и логической ясности, которых она не имела бы в состоящей из тех же слов прозаической фразе. На семантическом (назовем его так) уровне сочетание чернеющего леса, зеленеющей елки и блестящего речного льда случайно, его можно объяснить как случайнм соположением в описываемой Пушкиным реальности, так и авторским произволом. Но строгая звуковая симметрия этой картины не оставляет места для случайности: если мы улавливаем своим внутренним слухом логику построения этих строк, *речка* в последней строке не может не блестеть – у нее просто не остается никакой другой возможности. Поставленный на самый конец строки блеск льда обеспечивает завершенность и кристаллическую четкость нарисованной поэтом картинки. При этом гармоничность структуры транслируется (если можно так выразиться) с фонетического на семантический уровень, так что эта черта, обусловленная звучанием пушкинских строк, воспринимается нами как качественная характеристика возникающей в нашем сознании картины зимней природы. Наше целостное ощущение, не расчленимое для читающего на уровня и плоскости восприятия, убедительно свидетельствует, что русская зима – как ее увидел и описал Пушкин – прекрасна и даже обыденнейший зимний пейзаж, может, если к нему присмотреться, вызывать глубокое восхищенное чувство.

Но рассмотренной выше симметрической структурой дело не ограничивается. Истинным перлом пушкинского отрывка является третья – еще не проанализированная нами строка. Хотя она и не содержит звуковых комплексов, на которые мы обратили внимание, но это вовсе не бесструктурная прокладка, раздвигающая две, корреспондирующие друг

другу строки. У нее есть своя не менее сложная и не менее гармоничная звуковая структура:

И ель сквозь иней з(ель)инеет...

«Ель» вставлена в словосочетание «(скво)зиней» и потому мы не только слышим сообщение Пушкина, но и как бы непосредственно видим зелень, просвечивающую сквозь полу-прозрачные снежные кристаллы («ель» ведь находится *внутри* того, что «зинеет»), хотя это *квази-зрительное* впечатление обусловлено восприятием *звуковой* структуры стиха.

В целом возникающая в нашем сознании зимняя картинка

... ЛЕС один ЧЕРнеет,
И ель сквозь иней з(ель)инеет,
И РЕЧка подо льдом БЛЕСТИТ.

приобретает магический характер: ее восприятие оказывается не только гораздо более ярким и убедительным нежели простое выслушивание прозаического сообщения на эту тему, но и воздействует на нас с большей впечатляющей силой, чем непосредственное разглядывание подобных пейзажей в реальной жизни.

II

С точки зрения нетождества между смыслом и событием, референциальная информация стиха «то робостью, то ревностью томим» не касается референциального описания «страдания от любви», а касается скорее описания творческих мук субъекта дискурса в его поисках «живого», то есть *не отсутствующего слова...*

Иван Берн. Нarrативность стихотворения А.С.Пушкина «Я вас любил...» (ещё раз об этике художественного произведения)

В стихотворении «Я вас любил...», одном из своих лирических шедевров, Пушкин, на первый взгляд, почти не пользу-

ется общепринятыми поэтическими приемами⁶. Стихотворение воспринимается как простое, идущее от сердца высказывание – захваченному глубоким чувством автору не до того, чтобы заботиться о художественности своих слов, он просто стремится с возможно большей точностью донести до адресата содержание своего поэтического послания, не обращая особого внимания на его художественную форму. Однако потрясающий поэтический эффект, который возникает при чтении этого стихотворения, не позволяет удовлетвориться мыслью о его «простоте» и «бесхитростности». Вероятно, Пушкин использовал здесь какие-то более тонкие и не бросающиеся в глаза приемы, обеспечивающие эффективное воздействие этих внешне простых фраз на ум и чувства читателя. Попробуем разобраться с одним из таких приемов.

*Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим...*

В работе, специально посвященной анализу данного стихотворения, А.К.Жолковский⁷ связывает со строкой «То робостью, то ревностью томим...» кульминацию напряженности, именно здесь, по его мнению, воскрешаемое поэтом чувство достигает своего максимального выражения. И действительно, эти слова проникают в самое сердце читателя. Неожиданное совмещение в рассказе о пережитой поэтом любви понятий *робости* и *ревности* поражает предельной искренностью и одновременно глубоким проникновением в душу влюбленного.

⁶ «Стихи «Я вас любил...» неоднократно цитировались литературоведами как выпуклый пример безобразной поэзии. Действительно, в их лексике нет ни одного живого тропа, и мертвая, вошедшая в словарный обиход метафора – «любовь угасла», разумеется, не в счет» (Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. // Семиотика. М.: Радуга, 1983, с. 462-482)

⁷ Жолковский А. «Я вас любил...» Пушкина: инварианты и структура. // Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГТУ, 2005

И в то же время от читателя не может ускользнуть звуковое подобие сталкиваемых поэтом слов. В психологическом плане *робость и ревность* противостоят друг другу как взгляд снизу вверх (с точки зрения обожателя и просителя) и взгляд сверху вниз (с позиции обладателя и повелителя). Но в фонетическом (и синтаксическом) плане они уравниваются как сходно звучащие и однородные члены предложения. Совершенно очевидно, мы имеем дело со звуковым повтором *то ро... то ре...* Можно было бы считать, что Пушкин использует здесь прием «паронимической аттракции», связывая (в фонетической плоскости) далеко отстоящие друг от друга (в семантической плоскости) психологические понятия. Однако на этом роль звукового повтора в данном случае не заканчивается, на нем надстраивается еще более сложная и эффектная конструкция.

Когда мы читаем: «*To робостью, то ревностью...*», возникает инерция ожидания, которая укрепляется появлением последующего «*...то...*». Если бы эта конструкция пришла на ум стихотворцу средней руки, то скорее всего он продолжил бы как-нибудь вроде: «*...то радостью охвачен...*» – и страшно гордился бы этим результатом. Потому что он не Пушкин. А у Пушкина инерция, созданная предыдущими словами (повтором), разрешается переходом в другую плоскость: с одной стороны, совершенно неожиданно, а с другой – предельно естественно, то есть так, что не возникает вопроса, могло ли здесь стоять какое-то иное слово. Это и есть высший класс художественного мастерства и наглядный пример «диалектического снятия». Если бы читатель осознал внутреннюю конструкцию фразы, как построенную на игре повторов, то в этом месте он должен был бы засмеяться от удовольствия: как ловко и остроумно сделано. Но нормальный (то есть «правильно воспринимающий текст») читатель этого не осознает, и благодаря этому (взамен упущенного удовольствия от созерцания продемонстрированного ему эффектного приема) у читателя возникает ощущение предельной психологической достоверности сказанного. Ведь именно так должен чувствовать себя истинно влюбленный человек, внут-

ренне шарахающийся от неуверенности и робости по отношению к предмету своей страсти до ревнивого чувства единственного законного обладателя, который имеет обоснованное (любовью) право владения этим предметом⁸. Эффект, созданный поэтом на пересечении различных плоскостей восприятия, проявляет себя не в качестве словесного (и фонетического) трюка, а как свойство высказывания – он неосознанно перемещается читателем в сюжетную плоскость.

III

... до того как выйти в гоголевской «Шинели» на улицы Петербурга, русский критический реализм тяжело-звонко проскакал по потрясенным мостовым северной столицы.

Ю.Борев. Эстетика. Гл. 7, § 1

Для понимания того, как звуковые повторы становятся по воле Пушкина важнейшим элементом сюжетной конструкции «Медного Всадника», необходимо небольшое «теоретическое» введение, которое снисходительный читатель должен мне простить – без него просто не обойдешься.

Любое восприятие текста, в том числе и «нехудожественное» восприятие самого «прозаического» текста, неизбежно начинается с обращения к его простейшим внесмысловым элементам: прежде чем слово будет воспринято как носитель определенного смысла (как целостный знак, используемый для обозначения определенного понятия и соответствующего ему объекта, то есть как *сема*), оно должно быть опознано восприятием как *данное конкретное слово*, как именно *этот знак*, но для этого соответствующий набор звуков (или букв) должен быть вычленен из потока речи и сопоставлен с имеющимися в памяти образцами таких наборов. После опознания ряда слов, образующего некий целостный отрезок тек-

⁸ Ср. у Жолковского: «Таким образом, от РОБОСТИ к РЕВНОСТИ нарастает не только активность и драматизм эмоций, но и та «эгоистичность притязаний», которая прежде всего подлежит обузданию и о которой здесь впервые говорится прямо».

ста (предложение и т.п.), смысл уже опознанных слов уточняется по контексту, и при необходимости восприятие может вновь обратиться к находящимся в нем звуковым паттернам и скорректировать восприятие неправильно понятых слов. Но после этого восприятие может оперировать уже только словами (как знаками определенных понятий или даже более широких семантических полей, к которым принадлежат данные понятия), и конкретная звуковая форма, в которой выступают эти понятия, оказывается уже ненужной для понимания смысла сообщения – дальнейшее ее присутствие в «нехудожественном» восприятии оказывается излишним. Следовательно, вся имевшаяся в «фонетической плоскости» текста информация исчезает из восприятия и в нем остается только результат ее переработки – проекция на единственную «содержательную» плоскость текста.⁹

⁹ «...речь способна порождать эффекты двойкого рода, прямо противоположные по своим признакам. Одним из них свойственно приводить в действие механизм, который изглаживает всякий след самой речи. Если я обращаюсь к вам и вы меня поняли, значит, этих моих слов больше не существует. Если вы поняли, значит, мои слова исчезли из вашего сознания, где их заменил некий эквивалент – какие-то образы, отношения, возбудители; и вы найдете в себе теперь все необходимое, чтобы выразить эти понятия и эти образы на языке, который может значительно отличаться от того, какому вы сами внимали. Понимание заключается в более или менее быстрой замене данной системы созвучий, длительностей и знаков чем-то совершенно иным, что, в сущности, означает некое внутреннее изменение или же перестройку того, к кому мы обращались. Доказательством этого утверждения от противного служит следующее: человек, не сумевший понять, повторяет либо просит повторить сказанное.

Отсюда явствует, что качество высказывания, единственной целью которого является понимание, явно определяется легкостью, с какой речевые средства, его составляющие, преобразуются в нечто совсем иное, а язык – сперва в *неязык*, а затем, если мы того пожелаем, – в форму речи, отличную от формы исходной.

Иначе говоря, форма – что значит состав, материя и сам акт высказывания – ни в практической, ни в отвлеченной речи не сохраняется; понимание ей ставит предел; она испаряется в его лучах; она произвела свое действие; она исполнила свое назначение; она дала нам понять: она умирает». (Валери П. Поэзия и абстрактная мысль. // Валери П. Об искусстве – М.: 1993. – С. 324)

В отличие от этого «художественное» восприятие, для которого звуковая форма также входит в число «содержательных» плоскостей, не только перекодирует звуковые паттерны в значения слов, фиксируя их в соответствующей плоскости, но и продолжает обрабатывать и фиксировать информацию в собственно фонетической плоскости, так что словам приписываются как их лексические значения, так и свойства, которые также определяются набором входящих в состав слова звуков, но не имеют непосредственной связи со значением слова. Так, встретившийся в тексте «Медного Всадника» звуковой паттерн (набор букв) «н-е-в-а» воспринимается (в данном контексте) как отдельное слово *Нева* со значением «впадающая в Балтийское море река, на которой расположен Петербург». Все встречающиеся в тексте слова (наборы звуков), декодируемые по ходу восприятия, как имеющие – в данном тексте – то же самое значение (и, соответственно, указывающие на тот же объект), должны восприниматься как тождественные в своей сущности и фиксироваться в плоскости содержания тождественными знаками, иначе смысл текста просто не будет воспринят.

Поэтому, если мы обозначим смысл, приписываемый в данном тексте слову *Нева* (и его словоформам), знаком *X*, то проекции отрезков текста на плоскость содержания будут выглядеть в отношении этих слов, как

Перегражденная **X** (*Нева* → **X**)
Обратно шла, гневна, бурлива...

X (*Нева* → **X**) вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервеняясь,
На город кинулась. Пред **X** (*нею* → **X**)
Все побежало...

...Евгений мой
Спешит, душою замирая,

В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся **X** (реке → **X**).

В этой плоскости различные слова – *Нева, река, она* – оказываются связанными между собой, поскольку все они употреблены в тексте для обозначения одного и того же объекта.

В то же время в других плоскостях слово *Нева* будет связываться совсем с другими словами. Так в фонетической плоскости те же строчки будут выглядеть иначе:

Перегражденная **Y** (*Нева* → **Y**)
Обратно шла, **Y** (*гневна* → **Y**), бурлива...

где знаком **Y** обозначены слова, в которых мы можем выделить сочетание звуков *-nev-*. Появляющиеся в этой плоскости связи слова *Нева* со словами *гневный, невод, ревнивый, невинный* и т.п. пересекаются в пространстве восприятия со связями, которые образует это же слово в плоскости содержания, создавая избыточную обусловленность элементов, оказавшихся в точках таких пересечений. Поэтому *разгнезданность Невы* объясняется не только характером поведения реки в описываемой ситуации, но и тем, что эта река называется *Нева*, а не как-то иначе.

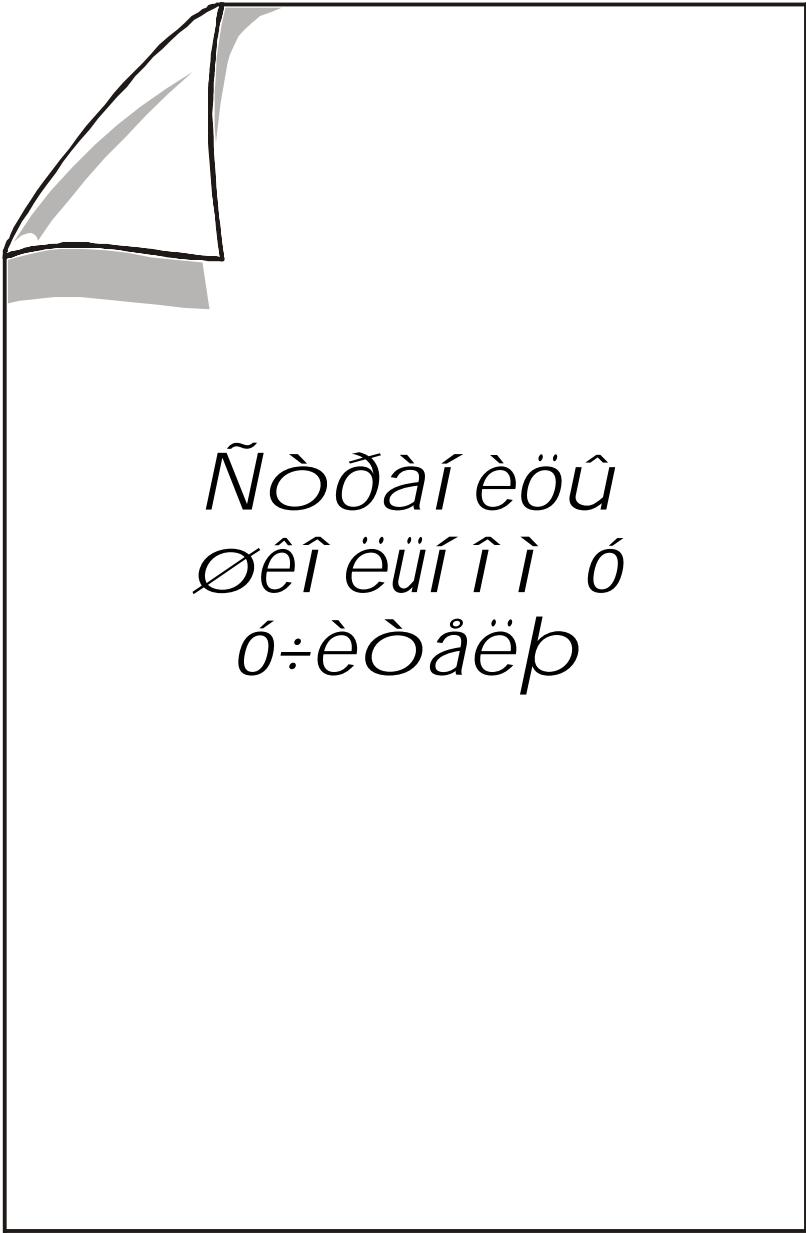
С другой стороны, тот же самый факт художественного восприятия *Невы* и как определенной реки, и как определенного звукокомплекса (и как **X**, и одновременно как **Y**) позволяет связывать в тексте слова и понятия, которые никак не соотносятся друг с другом при «нехудожественном» прочтении того же текста. В плоскости сюжета *Евгений (наши герой, бедный и т.п.; обозначим этот объект как Z)* – случайная жертва наводнения, у него нет какой-то особой связи с *Невой*, и в этом отношении он ничем не отличается от других жителей Петербурга. Лишь случайное и непредсказуемое стеченье обстоятельств приводит к тому, что поведение реки вмешивается в судьбу героя и разрушает его счастье. Но не так обстоит дело в «фонетической» плоскости. На первый взгляд, и здесь *Евгений* и *Нева* существуют независимо

друг от друга – помимо небольшого общего сочетания *-ев-* они ничем не связаны в звуковом отношении. Однако это утверждение оказывается верным только при спокойном состоянии реки, как только *Нева разгневалась*, ее гнев обрушился именно на *Евгения*. И это – в данной плоскости восприятия – вовсе не случайно: ведь и *Евгений* и *гнев* носители одного и того же легко вычленяемого и хорошо слышимого звукокомплекса **W** (*евгн/гнев*). Если кратко записать эти связи принятыми нами условными значками, то получается что-то вроде следующего:

в плоскости содержания: **X** (*Нева*) не связано **Z** (*Евгений*) в «фонетической» плоскости: **Y** (*Нева*) (**X**) → **Y** (*гнев*) **W** → **W** (*Евгений*) (**Z**).

Так как в целостном художественном восприятии текста обе плоскости существуют совместно (хотя и не сливаются в одну), мы опять имеем дело со «случайным неслучайным событием»: мы ясно видим, что Евгений стал случайной жертвой Невы, и в то же время мы не менее ясно чувствуем, что само сосуществование Евгения и Невы в этом тексте неизбежно приводит к трагедии, постигшей героя поэмы.

И здесь важно заметить, что создание такой – неразрывной в данном тексте – связи между судьбой героя и поведением реки целиком лежало в воле автора поэмы. Достаточно было бы Пушкину назвать своего героя не *Евгением* или при описании наводнения использовать не слово *гнев*, а какое-то другое, близкое ему по смыслу (например, *ярость, бешенство* и т.п.), и судьбе не было бы необходимости обрушиваться на бедного героя, она могла бы поразить любого из случайных прохожих.

Nòðàí èöû
øêî ëüí î ì ó
ó÷èòåëþ

Марина Малкова, Евгений Шаталов,

Образовательный проект «Пушкиниана»

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» поставлена задача формирования высококультурной, интеллектуальной, социально активной личности. В то же время, по данным Международной программы оценивания учащихся (PISA) сравнительного тестового обследования качества чтения школьников разных стран, Россия показала слабые результаты (28-е место из 32). Неслучайно 2007 год объявлен Годом чтения и русского языка.

Проблема эта многогранна. Одной из ее существенных сторон является недостаточно широкое распространение и применение современных технологий, которые обеспечивали бы формирование в молодежной среде более глубокого интереса к историческому и культурному наследию страны и реализацию творческих возможностей подрастающего поколения в деятельностиной форме, формирующей позитивный жизненный опыт.

Новосибирский городской педагогический лицей – инновационное образовательное учреждение. В течение 16 лет НГПЛ творчески подходит к решению проблемы подготовки компетентного выпускника, обладающего гуманистически направленным сознанием, коммуникативной культурой и способностями к успешному самоопределению. В лицее накоплен большой опыт разработки и применения коллективных творческих дел, виртуальных экскурсий, интеллектуально-творческих конкурсов и др. Среди них особый интерес представляют технологии, связанные с методикой погружения в эпоху золотого века русской культуры и актуализацией творческого наследия А.С.Пушкина.

Внимание к этому периоду нашей истории и личности великого соотечественника не случайно. Именем гениального поэта освящены все наши лучшие чувства и помыслы, с ним связаны прекрасные традиции и творческие взлеты. Это имя – символ национального достояния. 6 июня, день рождения А.С. Пушкина, с 1999 года специальным Указом Президента Российской Федерации объявлен Пушкинским днем России. Тем самым подчеркнуто, что это важнейшая дата в истории русской культуры. А год 2007 – год печального юбилея: 10 февраля исполнилось 170 лет с того дня, когда поэт ушел в свое бессмертие. Однако не менее важной следовало бы признать дату 19 октября – день открытия Царскосельского лицея. Ведь это учебное заведение благодаря широкой образовательной программе и разностороннему развитию учащихся воспитало граждан России, которые прославились в самых разных областях государственной и общественной жизни, науки и культуры.

Для коллектива Новосибирского городского педагогического лицея погружение в культурную эпоху первой трети девятнадцатого века – это метод творческого освоения национальных и мировых духовных ценностей пушкинской эпохи, особая форма воспитания у лицеистов уважения к историческому и культурному прошлому России. Среди форм деятельности по изучению творчества А.С.Пушкина в лицее наиболее ярко представлены: исследовательские работы лицеистов, литературные гостиные, музейные выставки, тематические лектории, конкурсы юных поэтов, чтецов лирики А.С.Пушкина, конкурсы творческих работ, в том числе на иностранном языке. В программе занятий танцевальной студии изучается бальный этикет. В 2007 году в лицее открылся Пушкинский музей. Организуются поездки по пушкинским местам, проводятся виртуальные экскурсии, конкурсы и викторины, методические семинары по пушкинской тематике.

С 1991 года в НГПЛ проводится коллективное творческое дело (КТД) «Пушкинский бал» как особая форма. Это сюжетно-ролевая игра, в процессе которой происходит ин-

теграция трех видов деятельности – учебной, трудовой и досуговой. Целью проведения КТД «Пушкинский бал» является создание условий для формирования у лицеистов уважения к культурному, историческому прошлому России, реализация творческих и познавательных способностей лицеистов. Задачи игры: интегрировать учебные предметы литературы, истории, МХК, эстетики, математики, физики, русского языка, французского языка и дополнительное образование (кружки и студии по интересам); накапливать опыт по развитию совместной деятельности детей и взрослых; осваивать культурные ценности через погружение в эпоху.

«Пушкинскому балу» в течение учебного года посвящена целенаправленная творческо-поисковая работа. В начале учебного года задача Совета дела – обосновать игровой замысел, продумать познавательное, интересное содержание, четко распределить роли и установить правила, соотнести оформление игрового пространства с условиями игры. При этом учащиеся являются непосредственными участниками создания игровой ситуации, структурирования игры, ее проведения и рефлексии. Каждый год игровая ситуация меняется. Так, темами прошедших пушкинских праздников были «Вечер у Энгельгардта», «Бал литературных героев», «Бал в честь коронации Николая I», «Бал в честь героев 1812 года», «Домашний бал у князя Вяземского» и другие. В год 10-летнего юбилея педагогического лицея (2001 г.) игровая ситуация получила название «170 лет спустя» и охватывала условно исторический период 1828–1830 годов.

Новым этапом этой деятельности стало проведение 19 октября 2006 г. «Пушкинского бала» «В союзе дружных муз» на двух площадках: для учащихся 1–9 классов педагогического лицея в помещении НГПЛ и для учащихся 10–11 классов лицеев и гимназий г. Новосибирска в популярном городском молодежном клубе-кафе «Отдых». Городской «Пушкинский бал» был организован по инициативе Главного управления образования мэрии Новосибирска, при поддержке Ассоциации лицеев и гимназий Новосибирска, центра детскo-

го творчества «Юниор» и регионального Новосибирского Пушкинского общества. В 1-м городском «Пушкинском бале» приняли участие представители 20 лицеев и гимназий города. Получился необыкновенно красивый и вместе с тем содержательный праздник, где можно было увидеть прекрасные, одухотворенные лица, услышать гениальные поэтические строiki, полюбоваться изяществом и грацией старинных танцев, побывать на интереснейших программах самых разнообразных салонов. Все это позволило участникам проникнуться высоким духом отечественной истории и культуры, погрузиться в мир творческого волшебства великой эпохи. В этом же году НГПЛ по распоряжению мэра Новосибирска, на основании решения городской комиссии по наименованиям получил почетное право носить имя А.С.Пушкина. А любимое традиционное коллективное творческое дело «Пушкинский бал» стало основой образовательного проекта «Пушкиниана».

В рамках этого проекта в феврале 2007 года в лицее родилась новая традиция – День памяти А.С. Пушкина. Этому событию предшествовали Дни погружения в тайны трагической и светлой судьбы гения, осознания особой значимости его наследия и торжества его бессмертного духа. Программа Дня памяти и Дней погружения в творчество А.С Пушкина ориентирована на интересы и возможности всех возрастных групп лицейстов и подготовлена в атмосфере сотрудничества всего педагогического коллектива и коллектива детского как целое созвездие творческих дел. Для 1 – 3 классов проводились конкурс чтецов «Мы любим Пушкина» и викторины «Угадай сказку». На сцене актового зала были представлены инсценировки сказок и поэм А.С.Пушкина, а на уроках в эти дни малыши побывали на виртуальных экскурсиях «По пушкинским местам», подготовленных старшеклассниками под руководством кафедры общественных наук. В это же время в остальных классах лицея шли уроки по обычному расписанию. Но занятия в этот день отличала особая, пушкинская тематика – ведь столько «открытых чудных» во всех областях знаний, связано с эпохой золотого века рус-

ской культуры! Это показала и блестательная интеллектуальная игра для учащихся средних классов, и конкурс творческих работ, и выступления в литературно-музыкальном салоне «Природа в творчестве А.С.Пушкина».

Апогеем Дня памяти стали два события: общий сбор «Венчает время след...» и поэтическая гостиная с участием поэтов – членов регионального Новосибирского Пушкинского общества. Торжественная и проникновенная музыка Моцарта сопровождала композицию общего сбора лицеистов, подготовленного коллективами всех творческих студий лицея. Взволнованная тишина актового зала взрывалась аплодисментами – это современные «пииты», члены регионального Пушкинского общества читали свои творения, продолжая святые традиции пробуждать «чувства добрые» и подтверждая сбывающееся пророчество поэта.

В мае 2007 года в Ассоциации лицеев и гимназий был сформирован новый Совет дела по подготовке второго городского «Пушкинского бала» для учащихся 10 – 11 классов. Совет определил тему бала-2007 и программу своей деятельности. С первых дней сентября эта программа начала осуществляться, и организатором этой деятельности вновь выступил педагогический лицей. Тема бала 2007 года – 190-летие первого (пушкинского) выпуска Царскосельского лицея, которая обозначена в его названии «Отечество нам Царское Село». В 19-ти учебных заведениях Новосибирска проходили отборочные конкурсы для участия в бальной церемонии, готовились презентации о судьбе лицеистов, на еженедельных Советах дела разрабатывались необходимые положения, принимались организационные решения, работала сценарная группа. Параллельно шли репетиции, готовились костюмы и реквизит, осуществлялось постоянное взаимодействие с региональным Новосибирским Пушкинским обществом, городским центром информационных технологий «Эгипет» и коллективом клуба «Отдых», любезно предоставившим вновь свою площадку для проведения бала.

Одновременно в педагогическом лицее проходила подготовка к традиционному «детскому» балу для учащихся 1 – 9 классов под одноименным названием. В этом незабываемом празднике с лицеистами встретились новосибирские поэты и члены Пушкинского общества, представители Новосибирского отделения Союза художников и различных общественных объединений. Также впервые на бал в лицее в качестве активных зрителей и гостей приехали ребята из Новосибирской области (с. Кочки). Особенностью этой ступени проекта «Пушкиниана» стало включение в программу дня двух важнейших событий, привлекших внимание общественности города и средств массовой информации: церемония торжественного открытия на территории НГПЛ памятника А.С. Пушкину и рождение в лицее нового музея – Пушкинского.

Второй городской «Пушкинский бал» «Отечество нам Царское Село» прошел под девизом «Мы все – прекрасного друзья!» Его организаторы, участники и гости действительно продемонстрировали свою любовь и уважение к прекрасным традициям в искусстве слова, музыки, живописи и танца. Но главным результатом этого яркого действия стало погружение в ту особую атмосферу «святого братства», лицейской дружбы и духа творчества, которые были так дороги нашему великому соотечественнику. Таким образом, день 19 октября 2007 г. – это еще одна ступенька реализации проекта «Пушкиниана». Проведение таких праздников стало красивой и благородной традицией, особой страницей культурной жизни города, что, несомненно, способствует воспитанию нового поколения лицеистов и гимназистов как духовной элиты.

В 2008 году тема бала – «Увенчанный любовью красоты». 180 лет назад, в 1828 году, А.С. Пушкин впервые встретился на балу с Натальей Гончаровой, поэтому девиз бала – «Чистейшей прелести чистейший образец».

Реализация подобных проектов позволяет использовать образовательный потенциал города для развития культуры речи и формирования ценностных ориентиров учащихся. Практическая деятельность Ассоциации лицеев и гимназий

третий год активно развивает проект «Городской Пушкинский бал» и обеспечивает условия для совершенствования духовно-нравственного становления учащихся.

Возвращаясь к проблеме повышения интереса школьников к чтению и классической национальной культуре, хочется обратить внимание на единственность таких интерактивных технологий, как погружение в эпоху золотого века. Это не обязательно может быть именно «Пушкиниана», ведь художественный и духовный мир каждого гения отечественной и мировой литературы поистине неисчерпаем! Он так органично связан с развитием других видов искусств и поисками смысла бытия, что найти в этой сокровищнице опору для формирования творческого саморазвития юной личности доступно и актуально на любом уровне – от школьного до общероссийского. Ученикам первого десятилетия нового века – поднимать науку и культуру города и страны. Так пусть их речь станет богаче, мысли – благороднее, духовный опыт пополнится личным сопереживанием, сопричастностью к роскоши общения с мудрыми талантами великой эпохи расцвета нашей культуры, а жизненным кредо станет то служение Отечеству, которое вынесли первые выпускники из стен Царскосельского лицея и высокое убеждение, что они должны «Для Общей Пользы жить!».

Приложение 1

Подготовка «Пушкинского бала»

Городской «Пушкинский бал» имеет троичную структуру: подготовка, проведение и рефлексия.

1 этап – подготовительный.

Для подготовки КТД создается совет дела, в который входят представители всех лицеев и гимназий – участников. Задачи Совета дела на этом этапе:

- определение цели и темы игровой ситуации;
- разработка игровой ситуации: сценария проведения, положения о конкурсах, содержания салонов, общих правил игры;
- интеллектуально-творческая подготовка участников;
- работа внутрилицейских Советов дела и подготовка оформления.

В рамках подготовки еженедельно проводятся заседания Совета дела, а также:

- беседы и выполнение творческих работ в рамках пушкинских тем на уроках, классных огоньках, занятиях студий;
- коллективный выход лицея в театры для просмотра спектаклей, включающих сцены бальных церемоний;
- взаимодействие коллективов-участников с творческими коллективами для разучивания танцев пушкинской эпохи, подготовка к танцевальным конкурсам;
- организация Дня погружения в эпоху А.С. Пушкина, когда каждым классом были разработаны разнообразные проекты подготовки салонов и бальных конкурсов;
- проведение предварительных конкурсов во всех коллективах с целью определения непосредственных участников сценария, салонов, бальных конкурсов и жюри, традиционный конкурс «Натали» в НГПЛ.

2 этап – игровой:

- оформление интерьера помещений лицея и салонов, подготовка костюмов и реквизита;
- проведение бала в соответствии со сценарным планом.

3 этап – рефлексия:

- рефлексия Советов дела;
- рефлексия в классах и студиях;
- рефлексия педагогического коллектива;
- рефлексия кафедры классных воспитателей;
- рефлексия лицея в форме общего сбора «После бала»;
- мониторинг результативности проведенного бала.

В течение всего периода до следующего «Пушкинского бала» в лицее будет работать творческая группа в составе: педагоги лицея; лицеисты, активно принимавшие участие в коллективном творческом деле (по желанию); с сентября в процесс подготовки включатся члены следующего Совета дела «Пушкинский бал». Таким образом, «Пушкинский бал» как ежегодное коллективное творческое дело Новосибирского городского педагогического лицея имеет достаточно богатые традиции, успешно развивается и набирает новую качественную высоту. Несомненно, это КТД достойно служит целям формирования исторического самосознания учащихся, создания условий для их творческого развития, воспитания уважения к духовному национальному наследию.

Приложение 2

Сценарный план проведения городского «Пушкинского бала»

I. Приезд гостей, размещение. Трансляция видеоматериала о предыдущих балах, видеофильмов о семье и друзьях А.С. Пушкина и пушкинских местах

II. Пролог – инсценированное выступление.

III. Церемония торжественного открытия.

IV. Бальные забавы:

Интеллектуальная игра.

Конкурс танцевальных пар.

Игра в фанты.

Работа салонов.

Танцы, игры, конкурсы.

V. Церемония торжественного закрытия.

VI. Отъезд гостей.

Владимир Крыжановский

**Дополнения к библиографии иконографии
А.С. Пушкина***

1. Адарюков В.Я. Степан Филиппович Галактионов и его произведения. – СПб.: Кружок любителей русских изящных изданий, 1910. – С. 74.
2. Александр Сергеевич Пушкин. Выставка – альбом. Ред. Грабарь И.Э. и др. ИЗОГИЗ, 1937.
3. Александр Сергеевич Пушкин. Юбилейный альбом в память 200-летия со дня рождения поэта 1799 – 1999. – М.: изд.Ю.С. Самгина, 1999.
4. Алпатов М.В. Историческое место Кипренского в развитии портрета XIX века. Ежегодник института истории искусств. – М.: Академия наук СССР, 1952.
5. А.С. Пушкин в Государственной Третьяковской галерее/ Каталог выставки. – М.; Л.: Искусство, 1936.
6. Амшинская А. Василий Андреевич Тропинин. – М.: Искусство, 1976. – С. 96 – 99.
7. Баранская Н. История одного портрета// Литература и мы. Вып.6. – М.: Мол. гвардия, 1977. – С.100-111.
8. Быстров Д.Д. Великий поэт и его время// Ленинградская панорама. – 1984. – № 10.
9. Виноградов Л. Пушкин в Москве. – 1930. – С. 46.
10. Врангель Н.Н. Русский музей имп. Александра III. – СПб.: 1904. – Т. II. – С.423.
11. Временник Пушкинской комиссии. –1962. – М.; Л.: изд. Академии наук СССР, 1963. – С. 95 – 96.

*Начало в «Пушкинском альманахе» №№ 2 и 6

12. Всеволодова Е. Современник Пушкина – П.Ф. Соколов// Художник. – 1987. – № 2. – С. 50 – 55.
13. Галушко Т. Последний портрет Пушкина// Искорка.– 1979. – № 6.
14. Галушко Т.К. «Раевские мои...». – Л.: Лениздат, 1991.– С. 32 – 40.
15. Голубев В. Пушкин в изображении Репина. – М.; Л.: изд. Академии наук СССР, – 1936.
16. Голлербах Э. Портретная живопись в России. – М.; Л.: Госуд. изд, 1923. – С. 13–14.
17. Голлербах Э. Литература о Детском Селе. – Л.: изд. Ленинградского общества коллекционеров, 1933.
18. Гофман М.Л. Пушкин и его эпоха. Юбилейная выставка в Париже. – Пушкин в эмиграции. 1937 / М.: Прогресс – Традиция, 1999. – С. 575–618.
19. Давыдов В.Н. Воспоминания // Русская старина. – 1887. – № 4. – С. 162.
20. Западов А.В. Пушкин и Хвостов // Литературный архив. – Т. 1. – М.; Л.: изд. Академии наук СССР, 1938. – С. 267.
21. Зильберштейн И. С. Из разыскания о Пушкине: Парижские находки // Огонек. – 1984. – № 23. – С. 10 – 12.
22. Знаменитые россияне XVIII – XIX веков: Биографии и портреты: По изд. Вел. кн. Николая Михайловича «Русские портреты XVIII – XIX столетий» / Сост., вступ. ст., примеч. Е.Ф. Петиновой. – СПб.: Лениздат, 1995.
23. Каверин Ф.Н. Мaska Пушкина. Рассказ. – В кн.: Каверин Ф.Н. Воспоминания и театральные рассказы. – М.: ВТО, 1964. – С. 289 – 299.
24. Каталог Пушкинской выставки, устроенной комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. сост. Гаевский В.П. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1880.
25. Курбатов В.Я. Перед вечером, или Жизнь на полях. – Псков, 2003. – С. 531 – 537.

26. Лебедев Г.Е. Кипренский. Сохранила мирового искусства. – М.; Л.: Искусство, 1937.
27. Либрович С. Еще один портрет Пушкина // Новости. – 1880, 20 дек.
28. Липатов В.С. Краски времени. – М.: Мол. гвардия, 1983. – С. 137–138., 157–158.
29. Литературный Архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. Т.1. – М.; Л.: изд. Академии наук СССР, 1938. – С. 230–231.
30. Лобанов М.Е. Обед у Смирдина, 19 февраля 1832 года // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Т. XXXI –XXXII. – СПб.: тип. Академии наук СССР, 1927 – С. 113.
31. Марцевич Ю.П., Вишнякова Т.Д. А.С. Пушкин в книжном знаке: Библиографический указатель. Вып. 1. – М.: 1978.
32. Межов В.И. Открытие памятника А.С. Пушкину в Москве в 1880 году: Сочинения и статьи, написанные по поводу этого торжества: Библиографический указатель // СПб.: изд. Александровского лицея, 1885.– С. 61–62.
33. Мир Пушкина: Автографы, прижизнен. портреты, пейзажи, отрывки из сочинений и писем, свидетельства современников. Альбом / Сост.: Лебедева Э.С. и др. – М.: Рус.кн.: Гос.фирма «Полиграфресурссы», 1994.
34. Наш Пушкин: Указ. пушкин. материалов(текстов и изображений), опубл. в журн. «Наше наследие»(1988–1999) Сост.: С. Елецкая, А.Маньковский // Наше наследие. – 1999. – № 50/ 51. – С. 231–141.
35. Острогорский В.П. Двадцать биографий образцовых русских писателей: С портретами: Для чтения юношества // М.: Нар. образование, 1995. (Б-чка журн. «Народное образование» № 10–11) – С. 53–61: А.С. Пушкин.
36. Павлова Е. Семья Пушкина в портретах // Художник. – 1989. – № 6. – С. 48–64.

37. Погодин М.П. (О портрете А.С. Пушкина) // Русский. – 1868. – № 116.
38. Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем. 1837 – 1927. Сост. М.Д. Беляев и А.А. Платонов. – Л.: изд. Академии наук СССР, 1927.
39. Пушкин и его современники: Портреты из собрания Всесоюзного музея А.С. Пушкина. Каталог. – М.: 1980.
40. Пушкин С.Л. «Замечания на так называемую биографию А.С. Пушкина, помещенную в «Портретной и биографической галерее». Цявловский М.А. Книга воспоминаний о Пушкине. – М.: Мир, 1931. – С. 373–379.
41. Пушкинская энциклопедия. 1799 – 1999 / Вступ. ст. К. Плещакова. – М.: 1999.
42. Пушкинский альманах. Выпуск 2 / Под ред. О.П. Кузьменкова. – Новосибирск: Изд.дом «Манускрипт», 2005. – С. 187–200.
43. Пушкинский кинословарь / Госфильмофонд России; Авт.-сост. Е.М. Барыкин и др. М.: Современные тетради, 1999.
44. Русские портреты XVIII – XIX столетий/ Издание великого князя Николая Михайловича. – Т. I–V. – СПб.: 1905–1909.
45. Русский библиофил // № 5. Изд. журнала «Русский библиофил», 1911.
46. Розенблат Г.Г. Использование произведений портретной живописи при изучении Пушкина в школе. В кн: 25 Пушкинских конференций. – Л.: Наука, 1980. – С. 22.
47. Сидоров А.А. «Найди искусный быстрый карандаш...» А.С. Пушкин и книжная графика. В кн. С.: Друг книги-советский библиофил / Вступ. статья, ред. и примеч. Е.Л. Немировского. – М.: Книга, 1981. – С. 82–91.
48. Соколов А.К. Власть сердца: Образ А.С. Пушкина в изобразительном искусстве // Слово. – 1997. – № 5/6. – С. 46–49.

49. Соколов П.П. Воспоминания / Ред., вступит. ст. и прим. Э.Голлербаха. – Л.: изд. Комитета популяризации художественных изданий, 1930. – С. 49.

50. Ципельзон Э. Где портрет Пушкина? // Вечерняя Москва. – 1968, 18 мая.

51. Цявловская Т., Григорий Чернецов // Наука и жизнь. – 1973. – № 2. – С. 98-105.

52. Шевченко Т.Г. «Художник». Повести. – Киев: Дніпро, 1988.

N.B. Кузьмин «Пушкин за столом», 1928-1933

Èçî áðàçèòåëüí àÿ
í óøêèí èàí à

Олег Кузьменков, Надежда Семенова

Образ Пушкина в творчестве художника-сибиряка В.К.Чебанова

Заслуженный художник России, член Союза художников СССР, Российской Федерации, участник областных, зональных, республиканских, всесоюзных и международных художественных выставок Вениамин Карпович Чебанов родился в селе Васиятском Привольнянского района Николаевской области в 1925 году. В Новосибирск приехал в 1935 году. В годы Великой Отечественной войны (1942 г.) работал слесарем паровозного депо станции Инская. С 1943 по 1944 год был курсантом Новосибирского военно-пехотного училища, по окончании которого в звании лейтенанта был направлен в действующую армию на 1-й Украинский фронт. Командиром стрелкового взвода, роты воевал до окончания войны. За боевые заслуги награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу» и многими другими медалями.

После войны поступил в Новосибирский инженерно-строительный институт на архитектурный факультет, но по совету педагога, увидевшего в нем более художника, чем архитектора, перевелся в Иркутское художественное училище, которое окончил в 1956 году. Свой путь В.К. Чебанов начинает в Новосибирском книжном издательстве, специализируясь по военной тематике. В этом издательстве он проработал 45 лет и вошел в искусство мастером книжной графики. Он иллюстрировал книги К. Симонова, А. Маркуши, Г. Падерина, К. Лисовского, С. Баруздина, А. Новикова-Прибоя и многих-многих других авторов, всего около сотни книг. Вершиной книжной графики Вениамина Карповича искусство-

веды считают оформление поэмы Александра Смердова «Пушкинские Горы», где красной нитью проходит повествование об А.С. Пушкине, полагая «что у книги фактически два автора – поэт и художник.» Не случайно, вечный страж Михайловского – С.С. Гейченко удостоил художника искренней похвалы. За эту книгу В.К. Чебанов получил 2 диплома – республиканский и всесоюзный. Книга «Пушкинские Горы» с благодарственной надписью А. Смердова хранится у художника по сей день. Мастерство иллюстратора отмечали и другие авторы литературной первоосновы. Известный полярник И.Д. Папанин в свое время прислал Вениамину Карповичу свою книжку «На полюсе» (1974 г.) с благодарственной надписью за его превосходные иллюстрации. Начав с графики, книжных иллюстраций, Чебанов перешел к таким жанрам, как станковая картина, портрет, пейзаж, натюрморт. Он был и остается художником в «гимнастерке», остается умом и сердцем на той великой войне, к которой он причастен потом и кровью, остается приверженцем своей «главной темы, одного жанра – трагедии, требующей высочайшего мастерства и непременно катарсиса – очищения зрителя через потрясение». «Бранденбургские ворота», «Переправа», «Цена победы» – это правдивая и честная летопись войны. Нельзя без глубокого переживания смотреть его картины, посвященные нынешней судьбе воинов-ветеранов: «9 мая. Однополчане» – женщина-фронтовичка у постели изможденного старика – однополчанина. «Фронтовой вальс в подземном переходе» – бывший солдат, зарабатывающий себе на пропитание игрой на гармошке. «Бомж и голуби» – тоже судьбина победителя... И сегодняшние его полотна будоражат душу и терзают совесть...

Большое место в творчестве В.К. Чебанова занимает портретный жанр. Здесь и индивидуальный портрет (мать, отец, жена, дочери, сын, внуки), портреты писателей (В.М. Коньякова, А.В. Никулькова, А.С. Смердова, Н.Я. Самохина). «Композиционный портрет» («А.С. Пушкин», «Л.Н. Толстой», «А.М. Горький»). Особое место среди его живописных произведений занимает триптих памяти А.С.Пушкина

«Дружба, свобода и любовь», написанный к 200-летию со дня рождения поэта. Левая часть триптиха «Арина Родионовна и Саша», центральная часть «Пушкин в Бессарабии», правая часть «Наталья Николаевна и Александр Сергеевич. Новые стихи» Остается только догадываться, какой огромный труд художника (изучение творчества, многие тома трудов пушкиноведов, сотни набросков и эскизов) остается «за кадром». Но любовь к великому русскому гению возвращает художника вновь и вновь к работе над образом поэта.

Из бесчисленного множества сюжетов, составляющих жизненный путь А.С. Пушкина, художник выбрал один из главнейших, посвященный народности нашего великого поэта. На левой части триптиха показана картина общения Саши Пушкина с няней Ариной Родионовной, знавшей, как известно, множество русских сказок и народных преданий и передавшей это богатство русского фольклора юному Пушкину, который в дальнейшем использовал их в сюжетах своих сказок. Но, может быть, еще важнее, чем литературные сюжеты, явилось для Пушкина восприятие живой народной речи его няни, восприятие того народного языка, который послужил ему в качестве одного из источников для обновления русской литературной речи.

В этой картине художник нашел замечательный прием – изобразил голову старой женщины, заслонив ею свет от горящего светильника, что создает вокруг головы светящийся ореол. Это усиливает значение образа няни в нашем сознании и придает особую прелесть картине, несмотря даже на то, что детали лица при этом немного теряются. Светлые бежевые и коричневатые тона стен комнаты и окружающей обстановки подчеркивают теплоту этой встречи, этому же способствует и умиротворенность летнего вечера, о чём говорят раскрытые створки оконных рам, а синие сумерки окна прекрасно гармонируют с цветовой гаммой других деталей картины.

Средняя часть триптиха продолжает всё ту же тему народности Пушкина. Здесь он показан в центре многофигур-

ной композиции, представляющей праздничную встречу поэта в цыганском таборе. Известно, что, находясь в Михайловском, Пушкин любил посещать народные праздники, гуляния, ярмарки. Он приходил на них в простой одежде, в красной рубахе навыпуск, с тростью в руке. Именно таким показал его здесь художник, но не на ярмарке в средней полосе России, а на юге, в Бессарабии, в окружении цыганского табора. Это позволило художнику использовать всю яркость и многоцветность красок в обстановке и в одежде людей – цыган и цыганок, показать в самых разнообразных позах цыганских музыкантов и танцоров. Удивительно гармоничны наряды персонажей – женщины в ярких цветастых платьях, мужчины в черных жилетках и широких штанах, полуоголые загорелые дети, разнообразные головные уборы, яркое небо с жемчужными облаками – все это очень точно воссоздаёт картину бесшабашной цыганской жизни, искреннего и беспредельного веселья, охватившего всех, в том числе и самого Пушкина. Это еще раз говорит о народности натуры Пушкина, его умении, несмотря на своё дворянское происхождение, свободно общаться с людьми другого сословия и совсем другого культурного уровня. Некоторые детали картины – например, маска, поднятая на шесте, лысая голова цыгана и общий тон безудержного веселья напоминают картину Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

Здесь нашел наиболее яркое выражение колористический талант художника, его способность создать и передать зрителю настроение, дух жанровой сцены, может быть, в угоду внешней привлекательности картины, даже романтизировать некоторые стороны жизни, в то же время, сохраняя её реалистичность.

Правая часть триptyха, как и левая, имеет камерное звучание – это необходимо для уравновешивания общего художественного стиля картины. Здесь опять показана комната и две фигуры, мужчины и женщины. Но теперь это не юный Пушкин и старушка няня, а зрелый мастер – поэт и любимая им молодая женщина, его жена. Здесь художник несколько

отошел от обобщения исторических фактов, ведь известно, что Наталья Николаевна не очень любила поэзию и мало вникала в творческую жизнь своего мужа, её больше интересовали материальные результаты его творчества. Но сюжет вполне реалистичен, художник показывает здесь завершающий этап биографии А.С. Пушкина, на картине изображен уже знаменитый писатель, уверенный в себе и в значительности своего творчества. Художнику удалось это показать, об этом говорит осанка поэта и вся его величавая поза перед сидящей женой. Завершающий жизненный этап поэта характеризуется и колоритом этой части триптиха – сохраняя примерно, те же краски, что и в левой части, соответствующей юности поэта, художник даёт их здесь темнее и гуще, не создавая, однако, при этом впечатления мрачности.

В целом триптих даёт нам образ Пушкина в разных ипостасях, в динамике, в движении от истоков его гениальной натуры к вершине творческой биографии. И в этом еще одно достоинство Вениамина Чебанова – его умение глубоко осмысливать содержание своих художественных работ и доносить этот смысл до зрителя, добиваясь его понимания и сопереживания, что и является основной целью автора любого художественного произведения.

Триптих Чебанова, посвященный памяти А.С. Пушкина, заслуживает самой высокой оценки и составляет по своему сюжету, колористике и мастерству исполнения одно из лучших произведений изобразительной Пушкинианы.

Õõî í èêà.

Äî êóì áí òú
í óøêèí ñêî ãî
í áùåñòâà

Юбилей Новосибирского Пушкинского общества

День официальной государственной регистрации общественной организации «Новосибирское региональное Пушкинское общество» – 4 июня 2004 года – почти точно совпадает с днем рождения Пушкина. В тот год ему исполнилось ровно 205 лет, и с тех пор наши «круглые» даты всегда будут сходиться. В 2009 году Пушкину 210, и у нас маленький юбилей – 5 лет работы.

Новосибирское Пушкинское общество создавалось для объединения в нашем регионе любителей русской словесности, стремящихся к сохранению чистоты и своеобразия русского языка, сохранению самобытной русской культуры, укреплению нравственности и патриотизма наших сограждан. Мы считаем, что Пушкин для этого является знаковой фигурой – это русский национальный гений, один из ярчайших выразителей российского самосознания, как никто другой, он отразил особенности русской души и душевно близок каждому человеку.

Не любит Пушкина только тот, кто его не знает.

Поэтому важнейшей нашей задачей является изучение и пропаганда великолепного творчества Пушкина, фактов его личной биографии, которая может служить примером благородства, независимости и патриотизма, его приверженности к христианским истинам.

Одной из главных задач НРПО является содействие усилиям, направленным на увековечение памяти Пушкина в нашем городе путем использования его имени в топонимике Новосибирска и создания у нас его полноразмерного памятника.

Любые юбилеи отмечают для того, чтобы подвести итоги жизни и деятельности в предшествующий период. Для Новосибирского Пушкинского общества они состоят в следующем:

1. Основным показателем нашей успешной работы является регулярный выпуск «Пушкинского альманаха». О качестве этого издания свидетельствуют получаемые нами хвалебные отзывы его читателей, а также рецензии, опубликованные в местных газетах, одна из них озаглавлена «Умная, интересная и красивая книга» (автор – кандидат искусствоведения Л Красовицкая), что, надеемся, соответствует истине. Наши альманахи рассылаются ГПНТБ по крупнейшим библиотекам, в том числе ряду зарубежных стран.

2. Другим проявлением деятельности НРПО является развитие и распространение нашей организации:

- в 2006-м году организован наш филиал в г. Ленинске-Кузнецком,
- работает Пушкинский клуб в Кировском районе г. Новосибирска (руководитель – Л. Гагай),
- в 2008-м году – Пушкинский молодежный клуб в г. Бердске (руководитель – Е. Хоренко).

3. Одним из главных своих достижений мы считаем привлечение в состав НРПО в качестве коллективного члена Новосибирского городского педагогического лицея. Ведь только тогда можно считать наше существование необходимым и оправданным, когда воспитательная и патриотическая работа проводится с молодежью.

Поэтому мы ходатайствовали о присвоении Новосибирскому городскому педагогическому лицею имени Пушкина, помогаем в организации в нем пушкинского музея и принимаем активное участие во всех пушкинских мероприятиях, проводимых в лицее.

Руководство лицея в лице его директора Заслуженного учителя РФ, к.п.н. Галины Андреевны Коротько и весь коллектив учителей и воспитателей лицея сумели создать в его стенах одухотворенную пушкинскую атмосферу, пушкинский дух, что, несомненно, принесло замечательные плоды. В педагогическом лицее по сравнению с другими образовательными учреждениями города содержательнее уровень общения учащихся между собой, заметно выше внешний об-

раз воспитанности лицеистов и умения себя вести, проявления уважительного отношения к старшим.

4. При нашем содействии в 2007 году перед фасадом городского педагогического лицея имени А.С. Пушкина в торжественной обстановке был установлен отреставрированный бюст Пушкина, который нам удалось отыскать в заброшенном состоянии

среди зарослей Заельцовского парка. Таким образом, в Новосибирске появился первый малый памятник великому поэту.

5. Наличие бюста не снимает проблему создания в Новосибирске полноразмерного памятника нашему национальному гению. Этой проблемой мы занимаемся в течение всего времени существования НРПО. По нашей инициативе (еще до официальной регистрации Пушкинского общества) 4 декабря 2003 г. было издано распоряжение № 1563-р главы Администрации НСО о сооружении в городе памятника Пушкину. Позже мэрией города был организован конкурс на лучший проект памятника. Конкурс проходил в течение четырех лет, в два этапа, первоначально в нем были представлены 12 проектов из Новосибирска, Томска и Москвы. В 2008 году жюри конкурса остановило свой выбор на проекте памятника томских скульпторов Н. и А. Гнедых при условии его некоторой доработки. 19 декабря 2008 года проект памятника был

Макет памятника
А.С. Пушкину скульпто-
ров Н. и А. Гнедых, 2008

утвержден. Однако, окончательно ещё не решен вопрос о месте установки памятника и о выделении средств на его сооружение.

6. Мы наладили контакты со многими пушкинскими организациями как государственного, так и общественного характера. В их числе Московский государственный музей Пушкина (директор Е.А. Богатырев), Всероссийский музей Пушкина в С-Петербурге (директор С.М. Некрасов), Музей Пушкина в городе Одессе (директор А.М. Кирша) музей-заповедник Пушкина «Михайловское» и другие, а также с несколькими крупными библиотеками – им. Пушкина в Москве, областными научными библиотеками в Омске и Новосибирске, с ГПНТБ Сибирского отделения Российской Академии наук, со многими районными библиотеками.

7. Среди общественных организаций, с которыми мы постоянно поддерживаем творческие связи – Международное общество пушкинистов (МОП) в США, Нью-Йорк, (председатель М. Митник), Российский книжный союз (Новосибирское отделение), Калининградское областное общество любителей Пушкина (руководитель Ф. Кичатов), Омское областное Пушкинское общество и отдельные пушкинисты многих городов России и зарубежья.

8. Пропаганда пушкинского наследия осуществляется нами в различных формах – и в виде выступлений новосибирских поэтов, членов НРПО (Ю. Ключников, В. Липчанский, Л. Ливнева И. Зайцев и многие другие), членов правления и активистов нашего общества (В. Крыжановский, Л. Гагай, Е. Хоренко), так и в виде праздничных концертов, которые ежегодно проводятся в «пушкинские дни». Это 9 февраля – день упокоения поэта, 6 июня – день рождения Пушкина и 19 октября – день открытия Царскосельского лицея. В эти дни, как правило, проводятся мероприятия общегородского масштаба. Например, 6 июня 2007 года при участии НРПО Новосибирской филармонии был проведен Пушкинский концерт при участии Новосибирского камерного

хора под управлением народного артиста РФ И.В. Юдина, который прошел с огромным успехом.

9. Несмотря на небольшой срок существования Новосибирского Пушкинского общества, мы уже имеем много наград и поощрений за нашу работу. К числу их относится юбилейная бронзовая медаль МОП (см. фото), большая золотая медаль Новосибирской выставки-ярмарки за участие, в составе Международной славянской академии, в выставке «Учсиб-2007. Сибирская книга», а также несколько дипломов и Почётных грамот, в том числе от Главы администрации Новосибирской области.

Юбилейная медаль от Международного
общества пушкинистов

Мы можем гордиться тем, что в составе нашей общественной организации находятся многие талантливые и известные люди нашего города. Это Народные художники России Вениамин Чебанов, и Алексей Хусточки, талантливый художник-пейзажист Людмила Калмина, выдающийся скульптор, автор многих замечательных работ в бронзе и мраморе Геннадий Парамонов. Это ряд известных учёных, профессора и доктора наук В.П. Казначеев, А.В.Сычов, Ю.Г. Марченко, А.А.Шапошников и другие, Это известные новосибирские писатели и поэты Виктор Зернов, Евгений Мартышев, Пётр Моряков, Юрий Ключников, имена которых можно найти на страницах отдельных выпусков нашего «Пушкинского альманаха».

Наконец, это многие наши народные пушкинисты, которые не жалеют своих сил и времени, бескорыстно занимаясь благородной и полезной деятельностью на благо своих сограждан. Мы вправе считать, что работа в Пушкинском обществе – это одна из форм нашего служения своей Родине.

Правление Новосибирского регионального Пушкинского общества поздравляет актив и всех наших членов с 5-летним юбилеем нашей общественной организации!

Состав правления:

Председатель: Кузьменков Олег Петрович.

Члены правления: Зайцев Иван Семёнович, Евдасин Владимир Михайлович, Крыжановский Владимир Ефимович, Липчанский Виктор Егорович, Семёнова Надежда Даниловна, Марченко Юрий Григорьевич.

Членская карточная НРПО

**Хроника работы Новосибирского
регионального Пушкинского общества
(июнь – декабрь 2008 г.)**

4 июня 2008 г. – в радиопередаче «Микрофорум» прозвучало приглашение новосибирцам на концерт в честь дня рождения А.С. Пушкина.

5 июня 2008 г. – в радиопрограмме «Встречи на Верховской» В.Е. Липчанский и члены его детской студии юных чтецов прочли стихи А.С. Пушкина.

6 июня 2008 г. – в актовом зале академии водного транспорта состоялся литературный концерт в честь дня рождения А.С. Пушкина. Вступительное слово председателя Пушкинского общества О.П. Кузьменкова. С моноспектаклем «Марина Цветаева: Мой Пушкин» выступила народная артистка России Галина Алексина.

В разделе «Открытый микрофон» выступили новосибирские композитор К. Журавлев, поэты и чтецы.

7 июля 2008 г. – в газете «Вечерний Новосибирск» опубликован очерк-этюд чл. правления НРПО В. Евдасина «Надеялся Пушкин на нашу догадку».

20 июня 2008 г. – вышел в свет 6-й выпуск «Пушкинского альманаха».

Июль 2008 г. – открыт сайт <http://PUSHKIN.RIFMA.RU>.

29 августа 2008 г. – чл. правления НРПО И.С. Зайцев в эфире программы «Микрофорум» рассказал об обращении НРПО к властям с планом проведения в Новосибирске 210-летия А.С. Пушкина и о выходе в свет 6-го выпуска «Пушкинского альманаха».

Сентябрь 2008 г.

01.09.08 г. – правление и актив НРПО приняли участие в проведении Дня знаний в педагогическом лицее им. Пушкина и других учебных заведениях города.

10.09.08 г. – в областной газете «Советская Сибирь» опубликована рецензия заслуж. работника культуры РФ Ф. Кичатова на 6-й выпуск «Пушкинского альманаха» его высокой оценкой.

20.09.08 г. – в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина прошла презентация 6-го выпуска «Пушкинского альманаха» для читателей и работников библиотек.

23.09.08 г. – О.П. Кузьменков и В.Е. Крыжановский встретились с директором парка «Центральный» С.А. Емельяновым и договорились о совместном ходатайстве о присвоении в 2009 году парку имени А.С. Пушкина.

Октябрь 2008 г.

05.10.08 г. – в зале областной научной библиотеки состоялась встреча за круглым столом группы московских литераторов, прибывших в Новосибирск «Литературным экспрессом Москва – Владивосток», с общественностью города на тему «Уроки чтения. Чему учит современная литература». Участвовали чл. правления НРПО В. Евдасин и О.П. Кузьменков, который выступил с сообщением по теме семинара.

19.10.08 г. – состоялся традиционный городской «Пушкинский бал» с участием старшеклассников педагогического лицея им. А.С. Пушкина и других учебных заведений.

24.10.08 г. – состоялась встреча членов правления НРПО О.П. Кузьменкова и В.Е. Крыжановского с представителями центральной библиотеки г. Черепаново Новосибирской области, на которой договорились о совместной работе.

26.10.08 г. – в г. Бердске под руководством активистки Новосибирского Пушкинского общества Хоренко Елены Гу-

ставовны организован молодежный Пушкинский клуб, разработан подробный план работы клуба на предстоящий год. В церемонии открытия принял участие член правления НРПО В.Е. Крыжановский.

Ноябрь 2008 г.

02.11.08 г. – В. Липчанский участвовал в поэтическом конкурсе Новосибирского района и занял первое место в номинации «Симпатии зрителей».

08.11.08 г. – в зале областного краеведческого музея под эгидой НРПО был проведен И.С. Зайцевым литературно-музыкальный концерт «Золотая осень: музыка, живопись, поэзия». При участии лауреата международных конкурсов, солиста НГАТОБ Карена Мовсесяна и заслуженного художника России, члена НРПО А. Хусточки.

Декабрь 2008 г.

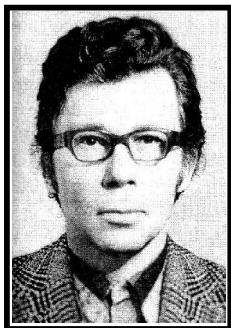
03.12.2008 г. – в областной газете «Советская Сибирь» опубликована статья председателя НРПО О. Кузьменкова «Как знак высокого стремления» – о памятнике Пушкину скульптора Г.Л. Парамонова и сооружении его к 210-й годовщине со дня рождения поэта.

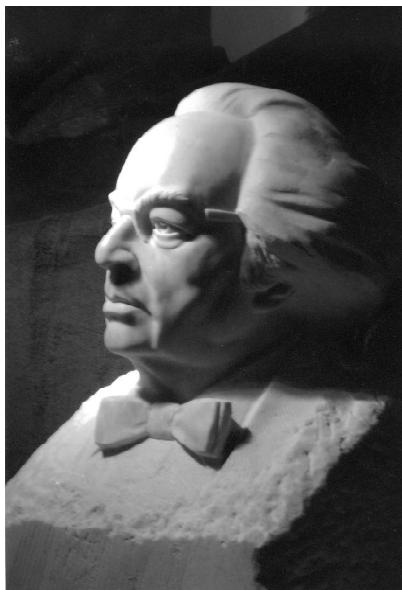
19.12.2008 г. – участие в заседании жюри конкурса, проводимого мэрией Новосибирска на проект памятника Пушкину. Лучшим признан проект памятника томских скульпторов Н. и А. Гнедых. Работа жюри освещалась Новосибирским радио и телевидением.

Геннадий Леонидович Парамонов

17 января 2009 года скоропостижно скончался выдающийся художник, член Новосибирского Пушкинского общества скульптор Геннадий Парамонов. Эта фамилия малоизвестна среди наших горожан, но нельзя допустить, чтобы его талант и творческие достижения остались не замеченными общественностью города. Это был один из лучших скульпторов Новосибирска, а может быть и самый лучший, если рассматривать последний отрезок времени. Он не состоял в Союзе художников России и не имел громких дипломов и наград, но это был настоящий ваятель, работы которого радуют и восхищают зрителя так же, как произведения знаменитых классиков этого вида искусства в лучших музеях столичных городов.

Это был один из немногих сибирских мастеров, которые в классической традиции работают с мрамором. Он считал, что только мрамор является тем замечательным материалом, который позволяет художнику объёмно воплотить самые лучшие, самые тонкие черты и свойства образа человека, и доказал это многими великолепными образцами своего творчества. Ярким примером этого является один из женских скульптурных портретов, выполненный им в натуральную величину. Одухотворенное лицо, плавный изгиб шеи и плеч, свободно льющиеся волосы рисуют яркий образ молодой красивой женщины. Полированная поверхность мрамора настолько чиста и безупречна, настолько насыщена внутренней энергетикой, что, кажется, она излучает тепло и внутренний свет. К сожалению, мы не можем любоваться этой скульптурой, поскольку

Скульптурный портрет дирижера И.А. Зака

владелица её уехала на жительство в США и летом 2008 года забрала скульптурный портрет в свою частную коллекцию.

Зато каждый из новосибирцев сможет видеть замечательный беломраморный бюст известного новосибирского дирижера И.А. Зака, который был выполнен Геннадием Леонидовичем непосредственно с натуры еще при жизни именитого маэстро. В настоящее время решается вопрос о приобретении этого бюста Новосибирским оперным театром к 100-летнему юбилею дирижера, который долгие годы руководил оркестром НГАТОБ, и надеемся, его бюст будет украшать интерьер театра.

Очень жаль, что ваятель не успел выпустить альбом или хотя бы буклект своих произведений и многие его работы малых форм, имеющие исключительную художественную ценность, достойные украсить залы любого художественного музея, могут остаться неизвестными ценителям искусств. К их числу относится скульптура «Девушка с раковиной». Ваятель нарочно выбрал сложную, сидя с поджатой ногой позу для фигуры девушки, что позволило ему показать все свое искусство: нежность и совершенство линий тела, пластичность объемных деталей, восхитительную плавность их сочетания и взаимного перехода. Показать красоту и изящество тела юной женщины, самое прекрасное, что сумела создать природа за её многотысячелетнюю эволюцию. Чувство соразмерности и вкуса, пропорциональность и гармонич-

ность всех частей фигуры, тщательность обработки материала, источающего теплый внутренний свет, позволяют поставить эту скульптуру в ряд с лучшими классическими образцами произведений самых известных ваятелей.

В активе его творческой деятельности имеются и крупноформатные работы, которые являются выдающимися произведениями монументальной скульптуры и украшают наш город. К ним прежде всего относится памятник основателю Сибирского отделения РАН, академику М.А.Лаврентьеву, установленный в Академгородке на проспекте его имени.

Девушка с раковиной

В 1986 году Г.Л. Парамонов стал победителем конкурса, объявленного Сибирским отделением АН СССР на лучший проект памятника выдающемуся ученному и организатору науки. Представленная им скульптура в виде поясного бюста на обсуждении в Президиуме СО АН была признана его женой и людьми, хорошо знавшими академика при жизни, наилучшим проектом, наиболее верно отражающим облик и натурę М.А. Лаврентьева. При этом отмечались удачно «схваченные» скульптором выражение лица и манера держаться, экспрессивность и выразительность всего монумента.

Однако нашлись и противники скульптора в лице бывшего главного художника города А.С.Булатова и членов городской комиссии по монументальному и декоративному искусству, которые посчитали представленный проект не-

удовлетворительным по причине «непрофессионализма» памятника и самого скульптора. Время показало всю неправоту такой оценки, ныне это один из самых лучших памятников Новосибирска.

Обвинения в непрофессионализме часто приходится слышать и сейчас, при обсуждении проектов памятника Пушкину и исходят они чаще всего от людей, которые считают профессионалами только себя и тех, кто имеет соответствующие звания и являются членами Союза художников России. Неважно, что некоторые из таких профессиональных скульпторов обладают малыми способностями в этой области искусства и кроме плоскостных композиций ничего заметного не создали.

Что же такое профессионализм художника? **Это его талант в сочетании с работоспособностью.** Геннадий Леонидович был высокопрофессиональным художником, потому что он обладал большим незаурядным талантом и редкой трудоспособностью, был, как говорится, ваятелем «от Бога». Он рассказывал, что когда создавалась одна из его замечательных монументальных скульптур «Женщина и дитя войны», установленная в райцентре Мошково, то, чтобы уложиться в установленный срок, ему иногда приходилось работать по 18 – 20 часов в сутки.

Кроме большого таланта Г.Л. Парамонов имел и неплохую специальную подготовку – он окончил Архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института, учился у нашего выдающегося скульптора А.В. Телишева.

Предвзятое отношение к себе собратьев по творческому цеху Геннадий Леонидович видел и в том, что был не реализован его проект памятника Высоцкому, хотя он и занял первое место в проводившемся конкурсе на сооружение этого памятника. Он это остро переживал, считал, что к нему отнеслись несправедливо и не стремился в Союз художников, поскольку считал, что многие члены Союза вместо творче-

Фрагмент памятника
А.С. Пушкина скульптора
Геннадия Паромонова

щихся достоинствах этого изваяния: красиво вылеплена голова поэта, узнаваемо сохранены черты его лица, и в то же время оно имеет свое, неповторимое и очень притягательное выражение. Ярко и образно выполнен силуэт со своеобразной деталью, символом поэтического творчества – пером, которое поэт сжимает в приподнятой руке. Вся композиция отличается живостью, динамизмом и внутренней экспрессией. В целом скульптура соответствует лучшим образцам из многочисленных памятников Пушкину, установленных в разных городах и странах, а по своим художественным качествам превышает многие из них. Такой памятник явился бы заметным украшением нашего города: его динамичность соответствует

ства занимаются склоками, проявляя личные амбиции и пристрастия.

Желание реализовать свой творческий потенциал привело его к мысли о создании памятника Пушкину для Новосибирска. По указанной выше причине он не стал участвовать в объявленном конкурсе, а предложил свои услуги Новосибирскому Пушкинскому обществу и был принят в члены НРПО. Результатом его работы над скульптурным образом Пушкина явилась модель памятника, выполненная в 1/10 натуральной величины и представленная на рассмотрение правлению и активу НРПО. Даже по сравнительно небольшой модели скульптуры можно судить о выдаю-

духу Новосибирска, особенностью которого является развитие, движение города в будущее.

Геннадий Леонидович Парамонов был большим художником, в нем был заложен огромный творческий потенциал, и, несмотря на целый ряд других, не упомянутых нами замечательных работ, его потенциал в значительной степени оказался невостребованным. В этом заключается одно из противоречий в состоянии нашей культуры – мы часто жалуемся на то, что в нашем городе мало талантливых скульпторов, и в то же время, когда находится такой талант, мы не можем обеспечить его заказами. Отчасти в этом виноваты и наши творческие союзы, которые превратились в свою противоположность – не поощряют талантливых людей, а препятствуют тем, кто имеет большие, чем у признанных авторитетов, художественные способности.

Геннадий Леонидович дорожил признанием нами его большого таланта и прикладывал много сил в работе по совершенствованию скульптурного образа Пушкина. Ближайшим его намерением было отлить модель созданного им памятника нашему великому поэту в твердом материале. К сожалению, этому не суждено было сбыться.

С преждевременным его уходом из жизни не только Пушкинское общество, но и вся художественная культура Новосибирска понесли невосполнимую потерю.

Правление НРПО

ОБ АВТОРАХ АЛЬМАНАХА*

Антоний, митрополит (в миру – Алексей Павлович Храповицкий) (1863–1936) – знаменитый первоиерарх Русской Православной Церкви. Принял постриг в 1885 г. Основные вехи его пастырского и архиепископского служения: ректор Петербургской Духовной Семинарии (1890), Казанской Духовной Академии (1895), епископ Чебоксарский (1897), Чистопольский (1899), Уфимский (1900), Волынский (1902), архиепископ Харьковский и Ахтырский (1914), митрополит Киевский и Галицкий (1917). Член Государственного Совета (1906), член Святейшего Синода (1912). Один из претендентов на патриарший престол на Соборе (1917–1918 гг.). Вынужденно покинул Россию в 1920 г. Являлся главою Русской зарубежной церкви с 1921 г. вплоть до окончания своего земного пути. Выдающийся богослов, проповедник, историк и духовный писатель.

Книга «О Пушкине», издаваемая «Российским Архивом», – первая на родине митрополита Антония после катастрофы 1917 года.

Блок Александр Александрович (1880–1921 гг.), выдающийся русский поэт так называемого “серебряного века”.

Болтунов Валерий Сергеевич родился в 1946 г. в Забайкалье. По образованию авиационный инженер, в настоящее время главный редактор Омской гуманитарной академии. Более 25 лет занимается пушкиноведением, выпустил 2 книги художественной прозы и 4 книги о творчестве Пушкина, в том числе «Слово о Пушкине», 2003 г., «Словарь афоризмов А.С. Пушкина», 2004 г., «Пушкинский мир», 2006 г., в 2008 году монографию «Пушкин. Биографы и мемуаристы». Живет в Омске.

Вольский Николай Николаевич родился в 1948 году в г. Барнауле. Имеет высшее медицинское образование, занимается научными исследованиями в области иммунологии, в настоящее время работает в Институте клинической иммунологии СО РАМН. Занимается вопросами литературоведения, им изданы две книги: «Лингвистическая антропология»» изд. НГПУ, 2004 г. и «Лёгкое чтение». Работы по теории и истории детективного жанра, НГПУ, 2006 г.

Гагай Лилия Устиновна родилась в 1941 году в г. Уссурийске. Окончила филологический факультет Одесского гос. университета. Работала

* Биографические данные об авторах, проживающих в г. Красноярске и г. Братске отсутствуют.

учителем сначала на Украине, а затем в Новосибирске, где живёт уже 30 лет. Является председателем женсовета Кировского района, руководит пушкинским клубом «Поэтические среды им. А.С. Пушкина». Занимается поэтическим творчеством, публиковалась в нескольких сборниках. В 2006 году ею издана книга стихов «Благодарю тебя, земля».

Драверт Петр Людовикович (1879 – 1945). Исследователь Сибири, поэт, ученый. Крупнейший в России специалист-метеоритолог, ученик академика В. И. Вернадского. С 1920 по 1930 годы – профессор и заведующий кафедрой минералогии и геологии Омского сельскохозяйственного института. Автор стихотворных сборников: «Тени и отзвуки» (1904), «Ряды мгновений» (1908), «Под небом Якутского края» (1911) и др.

Евдасин Владимир Михайлович родился в Новосибирске, окончил среднюю школу № 42, работал на авиазаводе им. Чкалова. После службы на Тихоокеанском флоте и окончания института кооперативной торговли 25 лет трудился в системе потребкооперации.

Литературным творчеством занялся в возрасте 55 лет, выйдя на пенсию по инвалидности. Тогда же и родилась серия небольших художественно-документальных очерков, объединенных сюжетно. Печатался в газетах и журналах. Член правления Новосибирского регионального Пушкинского общества.

Кармальский Игорь Николаевич родился в Омске в 1923 году. В 1958 закончил гидротехнический факультет Новосибирского института инженеров водного транспорта. Работал в строительных и проектных организациях города.

Поэтическим творчеством занимается с сорокалетнего возраста. Стихи публиковались в газетах, в сборнике «Мой город», изданном к 110-летию Новосибирска, «Пушкинском альманахе» вып. 1 и 3.

В настоящее время готовится авторский сборник «Стихи разных лет».

Кичатов Феликс Зиновьевич

Родился в 1936 году в Нижнем Новгороде. Профессиональный военный. Пушкиноведением занимается с 1992 года. Имеет более ста публикаций на пушкинскую тематику в научных и художественных изданиях, в том числе за рубежом (Польша, Германия, США). Автор книг «Я сам обманываться рад» (1999), «Пушкин. Взгляд из зарубежной России» (2005), «Кофейный портрет» (2006). С 1988 года возглавляет Калининградское областное общество почитателей Пушкина. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живет в Калининграде.

Ключников Юрий Михайлович родился в 1930 году на Украине. С 1942 года живет в Сибири. Закончил филологическое отделение Томского университета, учительствовал, работал журналистом, учился в Высшей партийной школе в Москве. Был главным редактором радио, кинохроники, работал в Сибирском отделении издательства «Наука». В 1982-м был уволен из издательства как человек с идеалистическим мировоззрением. В это время начал писать стихи, которые публиковались в журналах «Москва», «Смена», «Студенческий меридиан», «Сибирские огни» и других изданиях. Выпущены в свет несколько его книг, в том числе издательством «Беловодье» в Москве. Член Союза писателей России.

Вместе с Л.И. Ключниковой создал «Русский клуб», занимающийся разнообразной культурно-просветительской работой и утверждением Русской Идеи.

Красников Николай Григорьевич родился в 1955 году в Иркутске, окончил механико-математический факультет НГУ, занимался научно-исследовательской работой. В 1999 году окончил аспирантуру Российской академии государственной службы. В настоящее время работает в системе управления – глава администрации наукограда Кольцово, советник губернатора Новосибирской области.

В течение многих лет успешно занимается поэтическим творчеством, им выпущены четыре сборника стихов, изданные Новосибирским книжным издательством и послужившие основой для публикаций в настоящем выпуске «Пушкинского альманаха».

Крыжановский Владимир Ефимович родился в 1945 году в Калужской области. В 1966-м окончил Свердловское театральное училище. Работал в театрах различных городов России.

В 1974 году снимался в фильме В.Я. Мотыля «Звезда пленительного счастья» в роли А.С. Пушкина. С тех пор занимается собиранием материалов, связанных с жизнью и творчеством А.С. Пушкина, и изучением иконографии поэта, в его пушкинском собрании имеются редкие издания. В 2006 году выпустил полноцветный «Путеводитель по портретам Пушкина». Член правления НРПО.

Кузьменков Олег Петрович родился в 1926 году во Пскове. Закончил Ленинградское высшее инженерное морское училище им. адмирала Макарова. В 1953-м был направлен на работу в Новосибирский институт инженеров водного транспорта (ныне Государственная академия водного транспорта). Доцент, автор двух монографий, более 60 научных и методических работ.

Издал несколько книг прозы, был составителем и редактором ряда сборников художественной литературы, публикуется в периодической печати, главный редактор «Пушкинского альманаха». Член Союза журналистов России, профессор Международной славянской академии.

С момента организации Новосибирского регионального Пушкинского общества избран председателем его правления .

Липчанский Виктор Егорович родился в 1952 году в поселке Восход Новосибирского района. В 1975-м окончил Новосибирский институт связи. Работает по специальности в Западно-Сибирском управлении гидрометслужбы. Ведет детские студии художественного слова «Муза», победитель областного и городского конкурса чтецов. Занимается поэтическим творчеством, издал сборники стихов и песен: «Свет любви», «Паруса души», «Преподобный Сергий Радонежский и преподобный Андрей Рублев». Член правления Новосибирского регионального Пушкинского общества.

Малкова Тамара Ивановна родилась в 1938 году на Кубани, в 1960-м году закончила Ставропольский гос. педагогический институт, филологический факультет. Работала в Чечено-Ингушетии, в 1964 году переехала в Новосибирск.

В настоящее время – преподаватель русского языка и литературы Новосибирского педагогического лицея им. А.С. Пушкина. Увлекается литературным творчеством, организует поездки лицеистов в С-Петербург, Пушкинский заповедник в селе Михайловском, усадьбу Григория Пушкина под Вильнюсом. Директор музея Пушкина при НГПЛ.

Семенова Надежда Даниловна родилась в поселке Яя Кемеровской области, окончила Новосибирский электротехнический институт (ныне НГТУ). Более 30-ти лет работает инженером-проектировщиком систем автоматизации. Увлекается литературным творчеством и фотографией, член литературного объединения «Молодость», публиковалась в ряде газет, в нескольких выпусках «Пушкинского альманаха», участвовала в городских выставках

Член правления Новосибирского регионального Пушкинского общества.

Худорожкова Ольга Дмитриевна родилась 10 апреля 1955 года в селе Краснозёрском Новосибирской области.

В 1976 году закончила филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Более 25 лет проработала в школе учителем русского языка и литературы.

В настоящее время живёт в городе Куйбышеве Новосибирской области, пишет рассказы, эссе и очерки.

Шаталов Евгений Валентинович.

Преподаватель русского языка и литературы Новосибирского городского педагогического лицея им. А.С. Пушкина, абсолютный победитель городского конкурса «Учитель года – 2008».

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках

1-я стр. обложки:

Памятник Пушкину в с. Пушкино (Молдова). Скульптор
О. Комов, 1972 г.

4-я стр. обложки:

Святогорский монастырь, место упокоения А.С. Пушкина

Авантитул:

Пушкин. Художник К.Ф. Юон, 1950 г.

к стр. :

А.С. Пушкин(?). Неизвестный художник (П. Соколов?)

к стр. :

Пушкин. Художник В.А. Милашевский, 1971 г.

к стр. 210-213:

Триптих художника В.К. Чебанова

1 – Арина Родионовна и Саша,

2 – Пушкин в Бессарабии,

3 – Наталья Николаевна и Александр Сергеевич.

Новые стихи.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Антоний, митрополит Слово о Пушкине</i>	3
<i>Пушкин и Сибирь</i>	
<i>Драверт П., г. Омск</i>	20
<i>Лалетина Н., Гайдук Н. г. Красноярск</i>	22
<i>Наш Пушкин. Стихи и проза</i>	
<i>Блок А. Пушкинскому дому</i>	34
<i>Гагай Л. Пушкину</i>	36
<i>Красников Н. Пушкину</i>	37
<i>Кармальский И. В гостях у Пушкина</i>	38
<i>Кузнецов Д. Вознесенье</i>	40
<i>Липчанский В.</i>	
<i>Читайте Пушкина</i>	41
<i>Бюст Пушкина в Новосибирске</i>	42
<i>Настоящий поэт</i>	43
<i>Евдасин В. Этюды о моём Пушкине</i>	44
<i>Болтунов В. «Полу-милорд» М.С. Воронцов в эпиграммах</i>	
<i>А.С. Пушкина и в истории</i>	68
<i>Кичатов Ф. Инженерный офицер</i>	85
<i>Ключников Ю. Пророческий крест и тайная свобода</i>	
<i>поэта</i>	101
<i>Братск – Пушкину</i>	120
<i>Безриденная Т.</i>	
<i>«Как жаль, что некому посплетничать...»</i>	121
<i>«Веселое имя Поэта...»</i>	121
<i>Милованова Л.</i>	
<i>Пушкин и мы</i>	122
<i>Разговор с Пушкиным 19 октября 1995 года в</i>	
<i>Михайловском</i>	122
<i>Михасенко Г.</i>	
<i>Пушкин</i>	123
<i>Гадание на 6 июня</i>	124
<i>Мой Пушкин</i>	124

Золото	126
Ожидание весны	126
Лисица А.	
«Уж 200 лет...»	127
Снега	127
Няня поэта	128
Ковалева Ж.	
Мольба	129
К могиле Пушкина	129
Панов В.	
«Кого, куда в метельной круговорти...».....	130
Пушкинская площадь	131
Сальников Б.	
Мой Пушкин	133
Телебесы	133
Худорожкова О.	
Любви к нему все возрасты покорны	135
Читая Пушкина	135
Публицистика	
<i>Кузьменков О.</i> Пушкин и парапушкинисты	138
Ученые записки	
<i>Соина О.</i> Судьба Пушкина и судьба России	154
<i>Вольский Н.</i> Звуковые повторы у Пушкина	182
Страницы школьному учителю	
<i>Малкова Т., Шаталов Е.</i> Образовательный проект «Пушкиниана»	194
<i>Крыжсановский В.</i> Дополнения к библиографии иконографии	
<i>А.С. Пушкина</i>	204
Изобразительная Пушкиниана	
<i>Кузьменков О., Семенова Н.</i> Образ Пушкина в творчестве художника-сибиряка В.К.Чебанова	210

Хроника. Документы Пушкинского общества	
Юбилей Новосибирского Пушкинского общества	216
Хроника работы Новосибирского регионального Пушкинского общества (июнь – декабрь 2008 г.)	222
Г.Л. Парамонов. Некролог	225
Об авторах альманаха	231

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 7

**Составители: Олег Петрович Кузьменков,
Владимир Михайлович Евдасин,
Владимир Ефимович Крыжановский**

Редактор – Кузьменков О.П.
Корректор – Бондаренко В.В.
Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать с оригинал-макета
Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать
Усл. печ. л. , тираж 500 экз., заказ №